

[Polaris]

З. Валентин

ЗА ЧУДЕСНЫМ ЗЕРНОМ

Затерянные миры

Том XV

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXIII

Salamandra P.V.V.

З. ВАЛЕНТИН

ЗА ЧУДЕСНЫМ ЗЕРНОМ

Повесть

Затерянные миры
Том XV

Salamandra P.V.V.

Валентин З.

За чудесным зерном: Повесть. Илл. В. Бехтеева (Затерянные миры, т. XV). — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. — 202 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXIII).

Герои повести «За чудесным зерном» — провинциальные юноши, пережившие голод и неурожай. Увлеченные легендой о необычайно засухоустойчивой пшенице, они бегут из дома и попадают в Москву. Здесь они присоединяются к экспедиции, которая открывает в китайском Туркестане следы неведомой высокоразвитой цивилизации.

Повесть З. Валентина (под этим псевдонимом скрывался неизвестный фантаст и детский писатель) впервые вышла в свет в 1930 г. и с тех пор стала библиографической редкостью. В приложении — фантастический рассказ «Волшебство Доминико Лимоджелли», где «З. Валентин» вновь возвращается к теме «чудесного зерна».

З. Валентин

1 р. 10 к.

ЗА ЧУДЕСНЫМ ЗЕРНОМ

*восстановлено
издателем
1930*

**ЗА ЧУДЕСНЫМ
ЗЕРНОМ**

ГЛАВА I

Прежде всего речь пойдет о Халиме, потому что без него не было бы и рассказа.

Звали его по-настоящему Пров Игнатович Халимов, но так как родился он где-то в глубине Средней Азии, то сам себя называл по-восточному — Халимом.

Сорок лет колесил он по Азии, хватался за всякую работу, но как был бедняком, так и остался бедняком, а в 1918 году очутился в Москве и поступил в Красную армию.

И в полку его называли Халимом. Под тем же именем основался он и в «Ковылях».

Был Халим однорукий, смуглый и черноглазый, заросший до глаз черной бородой, — на вид «страшило», прямо детей пугать, но его никто не боялся. Даже Укуска, желтая собачонка, дрожавшая перед всеми, бросалась к нему на грудь и восторженно лаяла. Халим хорошо говорил по-туркменски, не плохо по-китайски. Но лучше всего рассказывал Халим на русском языке.

Ночью собирались ребята у костра, и Халим начинал рассказ.

Ребята расширенными глазами глядели на костер, и в красных огненных языках вырастали далекие снежные горы, рдели знойные азиатские дни, с треском угольков рушились замыслы басмачей, и красные войска неслись сквозь стелющийся кудрявый дым.

Так было и в этот вечер.

— Тогда явился к нам сам Фрунзе, — рассказывал Халим, сидя на теплой земле, поджав по-восточному ноги. Его черные глаза сверкали красными огнями костра, рукой перебирал он черную бороду.

Халим в Азии на базарах любил слушать сказочников, у них он научился сидеть, поджав ноги калачиком, перебирать важно бороду и рассказывать кудряво и пышно.

— В тот день явился к нам сам Фрунзе, — медленно повторил Халим. — На нем звенело оружие, меткое, как молния, и страшное, как ночная гроза. Под ним плясал конь, который мог в одну ночь примчаться из Ашхабада в Самарканд. За отца этого коня баи давали пять мешков золота, за мать — четыре мешка. А самому этому коню не было цены... Но товарищ Фрунзе, когда наш отряд завяз в Голодной степи и люди падали без пищи, своей рукой заколол коня, разделил между нами мясо, а сам пошел пешком... Я видел, как великий воин плакал...

— Халим!.. Халимушка! А ведь ты рассказывал, что лошадь у Фрунзе-то снарядом убило...

— То другую, Люба.

Халим смущенно хмыкнул и рассмеялся; смеялись и ребята. Они знали, что Халим не лгал, но правда в его рассказах не походила на привычную правду.

Как солнечный луч, ударившись в граненый край зеркала, ложится семицветной дорожкой, так и простые события становились цветными и необыкновенными в рассказах Халима.

— Не сердись на меня, — ласково сказала Люба, — я знаю, что Фрунзе был необыкновенный человек.

Все долго и молча; глядели в звездное небо.

Наконец шевельнулся Костя.

— Подбрось, Люба, веток. Посветлее будет.

Сухой хворост вспыхнул, осветив черную бороду Халима и два смуглых, похожих друг на друга лица — Любы и Кости — пятнадцатилетних близнецов.

Черный ночной воздух еще не остыл после пламенного дня. От накаленной степи шел душный зной. Сухие травинки стояли жесткой щеткой.

Уже месяц после бесснежной зимы не выпало ни одного дождя.

Безнадежно-ясное, блестящее небо обещало на завтра такую же тяжкую сушь.

За светлой чертой костра, в темноте переступали спутанными ногами лошади. Измученные животные страдали от жары и тщетно искали траву посвежее.

— О дожде и не думай, — с сердцем сказал Костя, отводя глаза от блистающих звезд.

— Ясно — засуха.

— Мне, Костенька, страшно...

— Ну, Люба... ты уж не очень... Дождик еще будет... И потом теперь — не как прежде.. Помогут...

— А тебе, Костя, не страшно?

Мальчик помолчал и тихо ответил:

— Страшно.

Огонь потускнел, сжался маленьким пятнышком.

Мальчик еще тише заговорил:

— Я целый год под подушку хлеб прятал... Наберу мешочек сухарей — стыдно станет — высыплю. А на другой день опять суну корку...

— Знаешь, Костя, а я иногда проснусь ночью, и все мне мерещится, что за окном кричат, хлебушка просят... И я тоже — не хочу, а начинаю просить. Сначала тихонько — про себя, а потом громче да громче, пока в голос не зареву! Помнишь, Халим, как ты со мной по ночам возился?

При тусклом свете костра Халим заметил слезы в глазах девочки.

Он вскочил и подошел к Любе.

— Ай, дочка, ай, трясогузка! Днем послушал тебя, как ты с Павлом Ивановичем разговаривала, — думал, ты умная, а ты к вечеру, как Укуска, на звезды воешь!

— И то — не скули. Что было, не повторится, — вмешался Костя.

— Костя верно говорит — и дождь пойдет, и время теперь не такое. Брось, дурочка!

Голос Халима звучал уверенно. Всем стало веселей, легче и как будто прохладнее. Сухие ветки снова затрещали в огне, черная ночь отступила дальше за освещенный круг.

Костя лежал на спине и глядел на высокие звезды. Внезапно, он насторожился. Далеко в темной степи раздался какой-то звук. Вскоре он перешел в гул, стал нарастать и приближаться. Бежал поезд.

Костя и Люба прислушались к смутному шуму. Им хотелось уловить громкое дыхание паровоза, дребезжание вагонов, визг рельс.

Точно так несколько лет назад, 11 марта 1922 г., близнецы прислушивались к бегущему поезду. В ту ночь, на 11 марта, так же, как сейчас, подходил поезд к маленькой затерянной станции. Состав был старый, расхлябанный. Паровоз останавливался, тяжело вздыхая на каждом полустанке.

В этом поезде ехал красноармеец Пров Халимов. Халимов только что выписался из госпиталя, где ему отрезали руку, изувеченную на туркестанском фронте. Теперь вместо нее болтался пустой рукав.

И вот на затерянной, случайной остановке, название которой не заметил Халим, увидел он двух умирающих от голода детей.

Дети не плакали, не просили хлеба. Они сидели у пустого холодного кипятильника и тупо глядели перед собой. Равнодушно проходили люди мимо. День за днем, неделя за неделей тысячи голодающих шли через этот край, — к ним пригляделись.. Ни жалости, ни хлеба не оставалось.

Страшный голод начался в 1921 году и еще не кончился. Засуха съела урожай всего края и выгнала целые деревни побираться на большую дорогу. Родители близнецов умерли, и дети-сироты каким-то образом прожили этот год.

Быть может оттого, что близнецы были похожи друг на друга и были одинаково жалки, им перепадала иногда лиш-

няя корка, и они добрались до маленькой затерянной станции. Ее названия ни Люба, ни Костя не запомнили. Было это где-то очень далеко от Волги.

Там их подобрал Халим...

— Ну, вот еще! О чем разговор? — ворчал он потом. — Это не ребятам, а мне прибыток: вместо отрезанной старой руки, у меня четыре молодых появились.

Но первое время работала одна рука Халима. Он кормил ребят, мыл их и одной рукой ухитрялся зашивать все дырки до того самого дня, когда Люба неумело, но старательно зачинила его рваную рубашку.

Халим с удивлением повертел рубашку.

— А кашу сварить?—спросил он девочку.

— Сварю.

— А Костю умоешь?

— Я и сам умоюсь, — обиделся Костя.

Халим поглядел на ребят.

— Ишь, вы какие... Выросли. А я и не приметил.

На другой день Халим раздобыл азбуку.

Обучал он ребят всему тому, что сам знал: грамоте и тем азиатским наречиям, что остались в его памяти.

Близнецы прилепились к Халиму крепко. И не хотелось уже Халиму колесить по азиатским дорогам: не жалел Халим о том, что он стареет вдали от родины. Да и не было у Халима на родине ни кола, ни двора.

В совхоз Ковыли Халим поступил сторожем и пастухом.

Бескрайная раскинулась степь, и шарахался по ней ветер. Но ближе к совхозу уже лежали опытные поля. Ими заведывал агроном Павел Иванович Орешников. На одних полях лохматились зеленые косички кукурузы, на других выращивался лен, на третьих — кормовые растения... Но больше всего было пшеницы.

Год за годом Павел Иванович добивался крепкого, неприхотливого зерна. Он проверял новые сорта пшеницы, увеличивал засухоустойчивость старых сортов. С утра и до позднего вечера видели агронома на работе.

В совхозе этой работой больше всего интересовалась Люба, а меньше всех — собственный сын Орешникова, свер-

стник близнецов — Виктор.

Витя был нетерпелив, пылок и мечтателен. Он дружил с Костей и Любой, с ними вместе загорал на солнце, бегал за три километра в школу и учился немудрым наукам у Халима.

Время шло. Дети стали подростками.

Люба увлекалась агрономией и усердно работала под руководством Павла Ивановича. Костя учился с трудом, но добивался своего медленно и упорно.

А Витя доставал из города книги Джека Лондона... По ночам ему снились путешествия и приключения, и он первый прибежал к Халиму, чтобы послушать его рассказы.

Но сегодня Витя запоздал.

Стук поезда постепенно замирал в темноте. Еще раз вдалеке свистнул паровоз, и все стихло..

— Десятый час, — потянулся Костя, — время спать и охота Витю дожидаться. Давно ему пора приехать...

— Я и приехал! — раздался из темноты невнятный голос, и рыжий мальчуган появился в светлом кругу. Он что-то жевал.

— Отчего так долго?

— Уйму посылок получил для отца из Москвы... Провозился. Потом в исполкоме был. Потом на обратном пути решил дорогу сократить.

Мальчик растянулся у костра. Связка сушеной воблы вывалилась у него из подмышки.

— Ну?

— Ну и сократил. Два часа лишних проваландался!

Ребята покатались со смеху.

— Воблу где раздобыл? — спросила Люба.

— В Гулевой наловил, — подмигнув Косте, ответил Витя. — Проклятая речонка вся в грязь ушла.... Ну, а рыбка-то на солнце воблой высохла.

— Аккуратно высохла, — с серьезным видом заметила девочка и впилась зубами в сухую рыбу. — Ну, а для Павла Ивановича материал получил?

— Ну, это в первую голову. Можешь радоваться: возни тебе с зернами на месяц хватит... Удивляюсь я тебе, Люба,

— зевнул Витя. — Как у тебя терпенья хватает?

— Глупости, Витька! — вспыхнула Люба. — По-твоему, мы одно и то же зерно тысячу лет будем сеять, как дедушки наши? А потом поклоны земные бить, чтобы хлеб от жары не посох?

— Ну-ну, не злись...

— Не злись! Отколотить тебя мало. И как это у Павла Ивановича, первого на весь край агронома, этакий сын?

— Любка!..

— Нет, да ты, Халим, послушай его только! Павел Иванович который год выносливое зерно ищет, чтобы оно за суши не боялось, а сынок зубы скалит!

— Любка, бери взятку — все воблы отдам, только не ругайся! Я ведь понимаю, что отец дело делает и что ты помогаешь... Только, честное слово, вы оба немножко сумасшедшие.

— Ну, да, — вмешался Костя, — по-витиному надо все сразу схватить иль на дорожке найти без всякого труда.

— Нет, зачем же... И трудом можно; только я не такую работу люблю.

— Терпенья у тебя, Витя, маловато.

Рыжеволосый мальчик задумчиво глядел в тлеющий костер.

— Не так надо дело делать, — тихо сказал он, — не сидя дома. Трудиться и я — с удовольствием. На лыжах... или через горы, пустыни дикие...

— Ну, да! На лыжах через знойную пустыню, — вмешалась Люба.

— Не смейся. Я хотел бы, как Максим Горький или Джек Лондон!

— Ты по книжкам, Витя, — сказал Костя, — а нам пришлось на самом деле. Поскитались по земле. Вовсе не село. Ни капельки. Право!

— До сих пор было так, — упрямо продолжала доказывать Люба: — нет дождя — посев гибнет в земле... Значит, надо улучшить природу зерна.

— Знаю. Отец все время долбит «воспитание» зерна. Только я не гожусь в воспитатели!

— Да бросьте спорить! — раздался голос Халима.

— Ладно, — согласился Витя, — только на прощанье расскажи что-нибудь. А потом — спать.

— Хорошо, — сказал Халим. Подумал минутку и добавил: — Вы вот, ребятки, все спорите насчет пшеницы. Слышал и я о ней кое-что. Расскажу я вам нынче про чудесное зерно.

Он подбросил охапку сушняка в костер и помолчал. Ребята притихли в ожидании. Костер вспыхнул новым веселым пламенем.

Невидимые лошади где-то близко в темноте тревожно переступали копытами.

— Однажды, лет тридцать назад, — певуче и важно начал Халим, — бедняк-пастух заблудился в степи. Была светлая ночь. Как спелая дыня, висела луна над сухою травой. Было тихо, тихо...

И вот среди белой горячей степи услышал пастух топот и увидел приближающихся верблюдов. Путешественники подъехали ближе, и старший из них, седобородый старик, заговорил. И пастух понял его, потому что он говорил языком, похожим на тот язык, каким говорили племена в степи.

— Скажи, человек, кто ты такой и что делаешь? — спросил старик.

— Я пастух, — ответил бедняк дрожащим голосом. Он был глуп и верил в привидения, а всадники не походили на простых людей. — Я потерял вечером прекрасного черного барана, самого жирного и большого в стаде. Потом я искал барана и потерял дорогу, а теперь, кажется, я теряю рассудок...

Приехавшие рассмеялись, и старший заговорил опять:

— Разве тебе так дорог этот черный баран?

— Пусть он провалится, — ответил пастух, — но хозяин исколотит меня и за весь месяц не уплатит ни одной медной монеты, если я не сдам его стада в целости.

— Так, — сказал седобородый. — Я вижу, что там, где ты живешь, бедные работают на богатых. Значит, нам нечего ехать дальше, — обратился он к своим товарищам.

И они повернули своих верблюдов обратно — в ту сторону, где в семи днях пути лежала пустыня.

На прощанье каждый из всадников подарил пастуху по золотому украшению, чтобы он уплатил злему хозяину за потерянного барана.

Долго глядел бедный пастух им вслед, пока не скрылись верблюды за степными колючими травами.

На рассвете пастух рассмотрел подарки.

На всех трех украшениях сияло солнце, и кудрявились сплетенные в венки пшеничные колосья.

Одним подарком пастух расплатился с хозяином, другой продал, чтобы купить жену, а третий оставил себе.

И я сам, ребята, видел эту золотую штучку, видел золотое солнце и золотые сплетенные колосья. Штучка занятая, вроде медали или застёжки.

— Халим, — прервал нетерпеливо Костя, — да что же особенного было в солнце и пшенице?

— А дело-то в том, что у нас старики от своих дедов слышали про чудесное зерно. Оно растёт посреди горячей пустыни. Ни реки, ни озера там нет, ни дождя, ни росы не бывает. И растёт среди песков горячих золотая пшеница, солнечного зноя не боится, засухи не страшится. Сеет, жнет и хранит это зерно маленькое неизвестное племя, которое от всего мира в горячей пустыне прячется. И будто знак у этого племени — как у нас пятиконечная звезда — солнце и колосья пшеницы.

— А разве у азиатских племен бывают такие знаки? — перебил Витя.

— А как же! Там у каждого рода свой знак — цветок какой-нибудь или животное — верблюд, скажем... Они рисуют их на кочевых юртах, ткнут на коврах.

— Не знаю, что они там рисуют, ну, а вот слухи насчёт пшеницы — сказки, — решительно заявила Люба, встала и потянулась. — Я спать иду.

— Конечно, может и сказка, трясогузочка, а только я своими глазами видел золотую застёжку.

— Что ж, Любаша, — задорно вмешался Витя, — вот папа ищет, ищет зерно устойчивое, и ты с ним за компанию

десять лет промучаешься. А там — за горячими-то песками, может быть, тысячу лет назад это самое нужное зерно нашли! — И Витя ехидно прибавил: — Вы здесь семена на сто манеров по сто раз сеете, а там намолоти с поля готовую пшеничку — и сей в свое удовольствие на самом солнце...

Витя с громким смехом юркнул в темноту. Какая-то испуганная пичуга с писком взвилась в темноте у него из-под ног.

ГЛАВА II

Солнце выкатилось из-за оврагов в назначенное ему время и поползло по небу, уже бледному от зноя.

Низкий, длинный дом белел своими стенами, в метр толщиной, и в доме — даже в эти жаркие дни — было прохладно. Вероятно, построенный в тревожные времена казацких восстаний и турецких набегов, он служил тогда чем-то вроде крепости. За домом еще сохранились остатки старинной пушки, и там издавна любили играть ребята.

Когда Павел Иванович Орешников приехал в Ковыли, он увидел выбитые окна, сломанные двери, рухнувшие печи. Просторный белый дом в революцию растерял и своих хозяев — сытых, солидных, сидевших в Ковылях еще со времени царицы Екатерины, растерял и кусты роз, выписанные из-за границы, и мебель, точеную руками крепостных мастеров, и почти весь фруктовый сад.

На прощанье хозяева попытались выстрелом из пушки пугнуть мужиков. Но старое орудие разорвалось от выстрела, а мужики не испугались.

Хозяева исчезли. Полуразрушенный дом продолжал стоять в погибавшем саду, где искалеченные деревья протягивали к редким прохожим свои изуродованные ветки.

Но вот за синим степным горизонтом смолк грохот гражданской войны, и около старого дома запахло махоркой, зацокали топоры и молотки..

Если год назад еще была нестерпимая жажда: разрушить поместье сытых и постылых хозяев, то теперь явилась другая жажда — чинить, исправлять, строить.

Ставили новые печки, исправляли крышу, очищали колодцы, белили наново низкий, длинный прохладный дом. В саду Павел Иванович лечил деревья, а четыре уцелевших куста роз были пересажены ближе к террасе. Плешину в саду, где разросся бурьян, отвели под огород, а старую пушку уволокли в дальний угол за сиреневые кусты, туда, где лохматилась крапива.

Теперь — в это ясное утро — сад увядал под лучами ползущего в бледном небе солнца, и пушка лежала, как блестящая черепаха, среди высохшей крапивы.

Павел Иванович шел через сад. Он был рыжеволос, высок, плечист и спокоен. Рядом с ним семенил щуплый человек, вытирал ладонью мокрый лоб и сердито приставал к агроному:

— Ты учился: ты должен знать средство! Что же, пропадать, значит, хлебам? Мы и то пересевали, — а теперь хоть сам в землю вместо зерна ложись!

— Чудак человек! — возражал Орешников.

Он шел ровной походкой по дорожке к сараю, который Люба с гордостью называла лабораторией.

— Что теперь сделаешь? Говорил — окапывайте канавами участки возле речки. Поленились!

— Когда же мне время было?

— Советовал часть посевов под кукурузу взять, — на дыбы встали!

— Павел Иванович, да кто же теперь ее, проклятую, ест?

— Не так уж плоха она, Клим, в неурожай годится.

— Эх, ты!.. Ну, ладно, теперь-то, теперь как быть? Сказывай. Помог же ты нам в позапрошлом году, когда червяк на хлеб бросился.

— Когда в силах моих было, помог. На червяка средство есть. — Павел Иванович остановился. Губы у него дернулись. — А вот от безводья...

Клим остановился и визгливым от негодования голосом закричал:

— Ну, так я к попу пойду! Пускай за мои деньги дождя просит, ежели ты помочь не хочешь!

Павел Иванович рассмеялся.

— К попу не пойдешь, я тебя, Клим, не первый день знаю. Нескладный ты, а в науку веришь! Только, братец, наука не яблоко: сразу не укусишь,

— Дай мне твою науку, я уж ее укушу. Не беспокойся!

— Ладно. Коли не шутишь, приходи хоть сегодня к вечеру. Поговорим. А сейчас мне в город надо! Ты покамест с моей помощницей посиди.

На пороге застекленного сарая показалась Люба.

— Ладно, посижу, — согласился Клим. — Запарился я с тобой. Прощай, Павел Иванович! — И уж успокоившись, Клим добродушно обратился к Любе: — Зря на меня Павел Иванович говорит, будто я свое поле плохо содержу.

— А что хорошего, Клим? Я вчера смотрела: никуда не годится. И так неурожай, а у тебя еще осот да будяк по всему полю лезут. Словно ты их нарочно вместо пшеницы сеял!

— Будя-я-як! Это ты верно говоришь: прет он. А что ж мне с ним делать?

— Головки отрывай, не давай обсемениться... А почему ты для озими ранний пар не заводишь?

— Чего с весны торопиться, лошадь мучить? Я и к осени успеваю землю перепахать.

— А оттого торопиться надо, что если ты перепашешь весеннюю сырую землю да еще раза два-три ее за лето взрыхлишь, вода в земле держаться будет, и сорной травой доле не зарастет. А знаешь, сколько воды сорная трава вытягивает?

— Врать не стану, — не считал.

— За тебя агрономы подсчитали. На десять кило сухого сорняка — двести пятьдесят, а то и триста ведер воды уходит. Много ли для хлеба останется, если все лето будяки да осот полевую воду сосать будут?

— Пожалуй, что немного.

— Ты, Клим, думаешь, что хлеб сеять — простое дело? Ты все по старинке?

— Нет, зачем простое. Я к новому не прочь, разве ты не знаешь? Я зерно формалином протравил легонько, чтоб вредитель не тронул.

— Этого мало. Эх, Клим, кабы ты знал, как эту самую пшеницу по-настоящему выращивать нужно!

Клим скрутил цыгарку, уселся на крыльцо сарая и с интересом сказал:

— Вот и расскажи мне, агрономка. А то сказать по-совести — живу с Павлом Ивановичем бок о бок, а расспросить обо всем — времени не хватает.

— Как это тебе, крестьянину, да насчет зерна нет времени спросить?

— Делов много, а я один. Вот про червяка, действительно... Уморил червя. А канавки копать хотел, да времени опять не хватило.

— А чем занят был?

— Яйца высиживал.

— Ты?!

— А как же. Теплушечку устроил, как Павел Иванович нам объяснял. Взял ящик, разделал его как следует, набрал из-под курочек яиц, уложил их в теплушечку...

— В инкубатор?

— Во-во! Зажег лампочку. Ну уж и повозился я! Веришь, — ночью, не сплю: бесперечь встаю, не пищат ли цыплята. Не успел ни канавок нарыть, ни пар во-время поднять!

— Хоть хороши вышли цыплята?

— Цыплята-то?

— Ну да!

— Жареные, — мрачно ответил Клим.

Люба вытаращила глаза.

— Как так? Не понимаю...

— Не совсем жареные, но вроде. Видишь, нетерпеливый я. «Как же это, — думаю, — тут наука, и яйца вроде как в машине сидят. А всякую: машину подогнать можно». И пустил я огонь посильнее. Пропал весь выводок: пережарил. А ведь цыплята готовы были. Потерпел бы еще денек...

— Ох, уморил!

Люба хохотала до слез. Она давно знала Клим, знала, что он первый хватался за все новшества, но был нетерпелив и редко доводил дело до конца. Зато своим примером он заражал соседей, которые были не так торопливы и действительно улучшали свое хозяйство.

До сих пор Клим не особенно интересовался агрономией: последние годы были урожайными. Но теперь его брала досада, что он не защитил посева от засухи.

Клим поглядел на Любу.

— Будет смеяться-то! Ни у кого сразу дело не ладится.

— Это ты правду говоришь. Конечно, не сразу. Главное — опыт. Ты вот скажи: в прошлый неурожай сколько кило крестьяне снимали с гектара?

— Кто по полтораста кило, а кто и половину этого.

— А с опытных полей сняли по шестьсот и по семьсот кило. Или вот, например, в 1924 году на Донбассе у крестьян было по триста килограммов озимой пшеницы; тут же рядышком на Ростовской опытной станции — по две тысячи! Слышишь: по две ты-ся-чи!

— Удобрение получше, что ли?

— Конечно, и от удобрения, и от раннего чистого пара, и от зерна. Ведь ты, например, зерно не отбирал?

— Верно, не отбирал. Спасибо, что хоть посеять успел!

— Значит, ты вместе с пшеницей посеял и сорную траву. Как же ты хочешь, чтоб у тебя хороший урожай был? Ведь ты мог на нашей сортировке и зерно очистить от сорняков, и отобрать самое крупное зерно для посева. А остальное смолол бы на муку.

— Много ли его осталось бы — крупного?

— На посев хватило бы. Тут надо не больше, а получше. Крупное зерно, сам знаешь, сильнее. Оно и сорную траву перерастет, и без дождя дольше выдержит. Ты больше посеешь — меньше возьмешь, а мы меньше посеем — больше получим. А отчего?

— Ну, ладно, не хвались. Известно: от науки.

— Верно, Клим, от науки. Вот и ты и все крестьяне, здорово работаете, а не умеете с природой бороться!

— Да-а-а, — покачал головой Клим, — природа — дело хитрое! Вот сказывают, скоро будет такая машина, чтоб дождь пускала. Правда ли? Я бы первый на нее подписался!

— Нет, такой машины еще не придумали. А пока агрономы подыскивают семена, подходящие для разных областей: чтоб в сырой местности дождя не боялись, в жаркой — засухи. У нас пшеница не должна, конечно, бояться засухи и требовать много воды.

Клим вытер ладонью вспотевшее лицо и ухмыльнулся.

— В этакую жару — запросишь пить!

Любе было немножко неловко, что она — девчонка — «поучает» бородатого мужика, но не удержалась и продолжала говорить:

— Конечно, без воды никому не прожить: ни животному, ни растению. Но вот, возьми — верблюды по несколько дней без воды терпят. Об этом и хлопочут агрономы: чтобы найти зерно вроде верблюда, выносливое. Павел Иванович уж несколько лет бьется. Не он один работает...

— Знаю, и ты помогаешь, — прищурил левый глаз Клим.

— Да я не о себе, — рассмеялась Люба, — я учусь только. Ты меня дразнишь за то, что я перед тобой выхваляюсь. Ничего! Я о том говорю, что по всему Союзу опытные станции работают, как и Павел Иванович.

— Эх, дело-то, правда, не плохое! — хлопнул себя Клим по коленке. — Что ж — тут в сарае хлопочете, а потом на поле?

— Здесь мы отбираем зерно. Павлу Ивановичу шлют образцы со всех сторон. Для опытов, ты видал, мы делим гектар на делянки, каждую засеваем тем зерном, которое хотим испытать для здешних степей. Подходящие, крепкие сорта после урожая отбираем, снова весной сеем и скрещиваем. Когда пшеница цветет, мы опыляем колосья одного сорта пылью от другого сорта.

— Этак вы такую пшеницу выгоните, зимой на камне будет расти! — воскликнул Клим не то в шутку, не то всерьез.

— Не всегда удачно выходит. Селекция — так называется наука об улучшении зерна — еще молодое дело. А боль-

шое, большое дело! Всего о ней не перескажешь. Бывает, что новый сорт никуда не годится, а может статься, что он все старое зерно вытеснит... Да тебе Павел Иванович обо всем гораздо лучше расскажет!

— Эх, чудеса-то какие! А только посмотрел я сегодня на свое поле — тошно стало. Изругал я Павла Ивановича, а теперь вижу, что напрасно... Так говоришь — ранний пар?

— Ну да.

— Удобрять получше и зерно отбирать?

— Конечно. И кукурузу разводи, не брезгуй! Она в засуху не выдаст науки...

— Та-а-а-к. А уж насчет этого...науки...как ее?

— Селекции?

— Вот! Она самая. Выпроси для меня у Павла Ивановича зерен таких. У меня кум один в Астрахани живет, а мой брательник старший — в Самаре, а еще один — около Вологды. Они мне тоже по горстке семян пришлют. Из разных мест... Заведу же я себе дело! Не хуже вашего сарая! Выращу зерно — всей округе дам. Нател!

ГЛАВА III

Дни в Ковылях гудели неустанно и деловито, хотя и поглядывали все с тревогой на сухую землю и знойное небо.

Наконец брызнул короткий и скупой дождь. Запахло прибитой мокрой пылью. Все приободрились.

В это утро три приятеля сидели на кровле дома. Им хотелось получше вымокнуть под дождиком. И ребята с упреком смотрели на удалявшуюся тучу. Гром ленивым тяжелым возом катился через край степи.

— А наши-то участки все-таки молодцом, — размышлял вслух Костя.

Действительно, рядом с крестьянскими унылыми полосками участки Ковылей заметно выделялись. Даже издали было видно, насколько гуще и сильнее была на них растительность.

Люба самодовольно трянула выгоревшими на солнце волосами.

— Уж мы ли с Павлом Ивановичем ни старались!

Костя, любивший поддеть сестру, обратился с серьезным видом к Вите:

— А знаешь, Любка мозгами повредилась! Ты не смотри, что она тихая. Я вчера видел — она землю ест.

Витя молчал.

— Право, — продолжал Костя, — подойдет к одному участку — лизнет, с другого кусочек в рот сунет, с третьего попробует...

— М-м-м... — неопределенно промычал Витя.

— Думаешь, вру? Это она учится на вкус землю разбирать. Правда, Любка?

— Если потребуется, и жевать стану! А пока нет надобности, — сказала Люба смеясь.

— Скажи, Люба, — вдруг резко сказал Витя. Последние дни, ребята заметили, он был сам не свой: всех сторонился, задумывался, шептал что-то, взмахивал рукой, хмурился, иногда смеялся и потирал руки. — Скажи, Люба, ведь не скоро отец и агрономы свою сухостойную пшеницу найдут?

— Сам не знаешь?

— В том-то и дело, что знаю. Не скоро! На десятки лет работа. Сколько силы тратится! — Витя прищурился. — Сотни людей придумывают, что именно лучше прибавить к почве — фосфор ли, известь ли, сотни раз так и этак скрещивают сорта хлеба... А что ежели бы вместо того, чтобы всякий год биться над этим, вместо того, чтобы рыть, починять оросительные каналы, вместо этого... ух!

— Что — ух?

— Взять да сразу и найти чудесное зерно, чтоб само росло!

— Э-э, Витя, да ты Халимову сказку вспомнил!

— А если это правда — про зерно?

— Чепуха!

— А я верю. Есть! — Витя стукнул кулаком и глазами сверкнул. — Есть такое зерно... Честное слово, есть!

Близнецы с тревогой взглянули на товарища. Смеется он над ними? Или нездоров?

Костя вспомнил: последние две ночи Витя спал плохо, несколько раз кричал во сне, звал кого-то, а потом лопотал что-то в подушку по-русски и по-тюркски.

— Шутишь, Витька?

— Ни капельки.

— Ну, не дурачься: мы не маленькие. Я помню, как ты нам про тигра рассказывал, — уверял, что он под пушкой живет. А тигр козой оказался.

Витя покраснел, надулся, а потом рассмеялся.

— Помню. Ты, Костя, храбрость показывал, в козу из рогатки стрелял, а хозяин ее нам чуть уши не оторвал...

— Постой-ка, Витя, ты о чем же начал? — перебила Люба.

— А не выдадите?

— Ну, не выдадим. Вот еще! Рассказывай.

— Дело в том, — таинственно понизил голос Витя, — что пастух жив.

— Какой пастух?

— О котором Халим рассказывал. Понимаете? Я даже узнал его имя: Мирзаш Алдиаров.

— Мирзаш? — воскликнул Костя. — То-то ты уже две ночи кричишь: «Мирзаш! Мирзаш!» А может быть тебе приснилось?

— Нет, не приснилось. Живой Мирзаш...

— Постой, постой, — перебила Люба. — Во-первых, откуда ты знаешь, что этот пастух существует? Во-вторых, где ты найдешь его? И в-третьих, зачем тебе он?

— В-третьих, он нужен мне, чтобы узнать о пшенице, которую сеют в пустыне.

— Да это чепуха ведь!

— Почему? Ездят же ученые чорт знает куда за новыми сортами.

— Не верю я сказкам.

— И баста?

— И баста.

— Ну, а если я докажу?

— Доказывай.

— Ладно. Подождите.

Витя скатился с крыши в сад.

Близнецы озадаченно глядели друг на друга и молчали. Костя не верил, но втайне желал, чтобы рассказ о пастухе оказался правдой. А Люба не верила и не хотела, чтобы все было правдой.

— Ничего без науки не достигнешь, — сказала она наконец вслух.

Костя мотнул головой, но ничего не сказал, так как Витя уже мчался обратно.

В руке Витя держал номер иллюстрированного журнала. На потном лице его сияла торжествующая улыбка.

— Теперь, я буду отвечать на ваши вопросы, — сказал он, взбираясь на крышу. — Откуда я знаю, что Мирзаш существует, и как можно его найти? — Он перевел дух и произнес весело и насмешливо: — А сначала я вам расскажу старую историю. Жил на свете один дядя. Вышел он в сад погулять, а ему на голову яблоко свалилось. Охнул бед-

няга, потер шишку и — открыл закон земного притяжения!

— Ты нам очки не втирай. Мы про Ньютона не хуже твоего знаем.

— Это я к тому, что мне, как Ньютону, случай помог.

— Ну, а что же тебе на голову упало?

— Не торопитесь. О советско-немецкой экспедиции на Памир слышали?

— Да, слышали.

— Ну, она нам и не нужна. А вот об экспедиции в Восточный Туркестан знаете?

— Об этой не помним.

— От этого она хуже не стала. — Витя ткнул пальцем в журнал. — Вот здесь заметка о ней и фотография. А на фотографии — участники экспедиции. Видите, подписано: этот молодой — Иван Викентьевич Веселов, этот — профессор Петровский, Клавдий Петрович...

Костя с сожалением посмотрел на товарища.

— Не думаешь ли ты, что старый пастух — ему уже сто лет, наверное — стал молодым советским ученым?

— Этого не думаю. А вот посмотрите на третьего слева — нет ниже, еще ниже...

Среди группы, снятой на фотографии, стоял человек с лицом восточного типа, лет шестидесяти на вид. На голове у него тибетейка, и одет он в толстовку, на которой было нацеплено не меньше дюжины различных значков.

— Читайте: переводчик экспедиции... Не смущайся, Люба, прочитай ее разок. Ну, как его имя?

— Мирзаш Алдиаров!

— Вижу, что грамотная.

Но близнецы, особенно Люба, не сдавались.

— Это еще ничего не доказывает.

— И даже очень много. Не я разыскивал эту фотографию. На днях Халим ее увидел совсем случайно — вот так, как Ньютону яблоко шишку набило. Увидел Халим и говорит: «Эге, да это Мирзаш!» Я спрашиваю: «Какой такой Мирзаш?» Он и говорит: «А тот, который барана в пустыне искал». У меня чуть сердце не выскочило. Не поверил сна-

чала: ну, как это — пастух и вдруг с профессорами снимается? Оказывается, его профессор Петровский из Азии вывез. Халим еще в Самарканде с Мирзашем познакомился, и тот тогда уже проводником был. Потом Халим его и в Москве видел.

Близнецы недоверчиво глядели на снимок. Наконец Люба твердо заявила:

— И это еще не доказательство. Предположим, что на фотографии — тот самый пастух. Ну, а дальше?

Витя вытащил из кармана большое увеличительное стекло.

— Моя лупа! — с возмущением воскликнула Люба. — А я ее ищу который день!

— Не кипятись. Ни один порядочный сыщик не может работать без увеличительного стекла.

— С каких пор ты стал сыщиком? Отдай лупу!

— Погоди: сначала рассмотрим уважаемого Мирзаша Алдиарова — пастуха, проводника и вообще таинственного незнакомца.

Под широким стеклянным диском лица на фотографии выросли, словно приблизились к ребятам. На толстовке переводчика ясно выглянули значки Мопра, Осоавиахима, Друга детей...

— Глядите. — Витя кончиком соломинки указал на один из значков.

Через лупу на круглом значке выступило изображение солнца. Детям показалось, что они видят вокруг солнца тонкий ободок из колосьев.

— Ну, Витька, — сказал Костя, — если половина из рассказа Халима оказалась верной, то, пожалуй, и вторая половина — правда.

— Во всяком случае, похоже на правду, — нерешительно прибавила Люба. — Хотя... не чужь ли все-таки?

Но Витя был убежден в своей правоте и заявил, что поедет в Москву к Алдиарову. От него он узнает, где именно встретился пастух с тремя всадниками. А потом — в Азию. В пустыню!

Звонкий голос мальчика звучал волнением, когда он говорил о своих планах.

— Подумайте, голубчики вы мои, — сколько я увижу нового, а здесь — Ковыли, да Гулевая, да Знаменка... тоже город называется.

— Слушай, Витя, — медленно сказал Костя, — это все, конечно, обдумать нужно. Ты и думай хорошенько. Отцу скажешь?

— Невозможно. Сам понимаешь. Убегу!

Все трое молчали. Первым заговорил Витя.

— Ну, а вы? Вы, товарищи?

Люба сидела, уткнувшись подбородком в поджатые колени. Она хмуро и твердо ответила:

— Мое дело маленькое. Но я его не брошу. И ты лучше оставайся. Обеспризоришься — срам!

— Вот и я думаю, — живо отозвался Костя, — тут плохая шутка может выйти. Я навидался, знаю... Поедешь на буфете, с другими ребятами встретишься. Солнце сейчас летнее... Хорошо покажется на свободе... и завертишься, обо всем забудешь.

— У беспризорных цели нет, — горячо возразил Витя, — а у меня цель и очень нужная цель.

— Ну, а если не удастся? Терпенья у тебя мало. Прогоришь, стыдно будет вернуться с пустыми руками, и пойдешь бродяжничать.

— Я добьюсь своего, а если не найду ничего, честное слово, вернусь и не побоюсь, что смеяться станете!

В следующие дни ребята ходили сами не свои. Работа валилась из рук. Костя вместо расковавшегося жеребца притащил в кузницу одну уздечку. Витя чуть не поджег сарай. И даже хладнокровная Люба скормила курам только что полученные образцы кукурузы.

Девочка тревожилась больше всех. Она видела ясно, что не только не сумеет отговорить Витю от предприятия, почти безумного, по ее мнению, но вдобавок чувствовала, что и Костя все больше и больше склоняется на Витину сторону.

— Пойми ты, Любка, — размахивал руками Костя: — Витя все только из книжек знает. Пусть теперь по-настоящему попробует. Пусть побарахтается — научится плавать!

— А ежели утонет?

— Ты не сердись, сестричка, не огорчайся, — я с ним отправлюсь, чтоб за волосы из воды вытаскивать. Без меня он собьется ли, нет ли — это еще вопрос. А со мной — наверное нет!

Костя хитрил. Дело было не только в охране Вити, не только в дружбе: дело было еще и в пшенице, которая росла в азиатской пустыне и поджидала его и Витьку, чтобы прославить их на весь Союз.

Люба чувствовала, что не удержать ей товарищей. На третий день она перестала возражать, а на четвертый пошла на мировую.

При старших ребята с таинственным видом упоминали о Крыме.

«Надо сбить с толку погоню», — вспоминал Витя строчку из какого-то романа.

ГЛАВА IV

Когда Витя и близнецы были еще малышами, свои детские сокровища — свистки и орехи, лук и стрелы, птичьи перья и разноцветные черепочки битой посуды — прятали они под старой пушкой.

И теперь Костя сюда же припрятал свой походный узелок.

Люба пытливо глядела на сборы.

— Может быть передумаете?

— Это — как Витя, — ответил Костя. Он извлек из-под пушки узелок и заботливо осматривал его.

Витя насмешливо свистнул.

— А ты рад остаться?

— Сам знаешь — затея не моя. Только от тебя не отстану. Пропадать — так вместе!

— До свиданья, Любуша.

— Прощайте, ребята, — и

— Прощайте, ребята, — и Люба крепко поцеловала товарищей. — Напишите хоть...

— Нет, писать уж не придется: с письмами попадешься, назад воротят!

—Правда. Я не подумала.

Еще пожали друг другу руку, и, не оборачиваясь, мальчики сбежали вниз. В глубине лощины было уже почти темно, и дикие кусты по оврагу цеплялись колючками за платье.

— Видишь, не хотят пускать нас, — заметил Витя, отдирая от себя колючую ветку.

Сверху раздался Любин голос:

— До свиданья!

Люба стояла, наверху, освещенная последними лучами солнца, с лицом, мокрым от слез. Теперь мальчики не могли видеть, и она плакала на свободе, не боясь уронить свое достоинство. Но через полчаса, в то время, как мальчики подходили к полустанку, Люба с невозмутимым лицом уже доила Пашку — безрогую пятнистую холмогорку, и никто не мог бы догадаться об ее огорчении.

* * *

Сжимая в руке теплые монеты, брал Витя билеты у знакомого кассира:

— До Знаменки, пожалуйста.

Кассир от скуки спросил мальчиков, зачем они едут в «город», что делает Павел Иванович и хорош ли будет урожай винограда. Витя отвечал, что в город их послали купить чаю и еще кое-что для Ковылей, что отец велел кланяться кассиру и что виноград будет не плох.

Наконец подошел поезд. В вагонных фонарях мигали желтыми коптящими язычками толстые свечи. Под их неровным светом ребята развязали узелок и разделили иму-

щество: по шести рублей на брата, по смене белья и по зубной щетке.

Самым ценным из всего взятого Витя считал географическую карту. Он любовался ею, ее пестрыми странами и лазурными морями. Тускло и сумрачно глядели пустыни. По ним редкими красными нитями тянулись маршруты знаменитых путешественников: Стенли, Пржевальского, Гедина... Сколько раз мечтал Витя пройти по этим дорогам! Теперь мечты переходили в действительность.

А за окном пробегали знакомые окрестности.

План мальчиков был очень прост. Их будут искать по дороге к Знаменке и Крыму, а они захватят встречный поезд на Москву и двинутся в обратную сторону, мимо Ковылей на север.

Уже стемнело, когда поезд остановился у знакомой платформы «Знаменка».

Мальчики, разговаривая нарочно громко, вышли на улицу за маленьким вокзалом. Их старый приятель, телеграфист, высунулся из окна, кивнул им, они остановились поболтать с ним и умышленно спросили, когда поезд на Севастополь. Пошли дальше. Еще десяток шагов, и мальчики скользнули в кусты желтой акации. Бегом, знакомой тропкой пробрались к насыпи, где производился ремонт пути, и где поезда круто замедляли ход.

— Витя, не зевай! Слышишь: скорый идет.

Из-за дальней рои в мутном месячном свете осторожно полз по развороченной насыпи поезд.

От волнения Витя уронил узелок, нагнулся за ним и едва успел вскочить на ходу. Костя уже был на подножке.

Не останавливаясь в Знаменке, московский поезд все ускорял свой бег. Замелькали снова родные места. Вот штабели сложенного леса. А вот три ясных огонька, там далеко за луной светлой полосой. Это — Ковыли. Огоньки пропали за набежавшим косогором, снова мелькнули, уже правее. Потом два из них исчезли, и только один, — должно быть костер Халима, — долго еще краснел в отдалении.

— Вот и поехали.

— А едем-то как хорошо! Это тебе не коптилка знаменская!

Вагоны плавно покачивались. От окон падал свет, и яркие четырехугольники мчались по земле следом за поездом. Ушастый зайчонок выскочил из овражка, присел на задние лапки и метнулся в черную степь — только его и видели. На холмах топырились неподвижные мельницы; спящие деревни мелькали одна за другой. Глаза у ребят слипались.

Очнулись товарищи, когда поезд остановился на какой-то глухой станции. Смазчик стучал по колесам вагонов, на платформе где-то в темноте переговаривались между собой двое. Голоса приближались.

— Слезем, а то не влететь бы, — шепнул Костя.

Приятеля выскользнули из-под вагонов и наткнулись на смазчика. Черный промасленный человек выстукивал колеса вагонов, как врач выстукивает больного. На мальчиков он не обратил внимания.

Успокоенные Костя и Витя хотели юркнуть на прежнее место. Но с буферов кто-то сердито прошипел:

— Куда прете, дьяволы? Здесь без плацкартов ездить не полагается. — И тот же голос примирительно закончил: — Ну-ну, не пугайтесь. Я ничего... Лезь, братва!

Раздумывать не было времени. Витя и Костя примостились на буферах. Снова звякнули вагоны, зеленый фонарик кондуктора качнулся в темноте, проплыла мимо водопроводная башня, и поезд застучал по степи.

Светало. Костя и Витя рассмотрели нового товарища. Беспризорный, как беспризорный. Наверное, лет не меньше пятнадцати, а на вид — десять, много одиннадцать. Тонкий, жиденький... Грязная кожа плотно присохла к костям.

Мальчуган сверкнул улыбкой.

— Ишь, чистые какие. Из детдома утекли? — и довольный своей догадливостью протянул им папиросу.

— Утекли, — подтвердил Витя, но папиросы не взял.

— Как зовут?

Сказали.

— А меня Ленька. Я не сердитый, не. Куда едете?

— В Москву.

— В первый раз?

— В первый.

— Я тоже в Москве не был, разов десять ездил, все снимали. Дальше Харькова никак не проберусь. Зато эту дорогу, до Харькова, как свою ладошку знаю, — похвастался путешественник. — И сам ездил, и волокли меня отсюда. Чорта с два, стану я у них жить! — и он крепко ударил по стенке вагона. — Пробовал.

— Не понравилось?

— А вам нравится? — Ленька сплюнул. — А раз будто ничего было. Один парнишка московский нам о саде рассказывал, где звери живут. Он в Москве видел. И мы себе такой завели: кто кошку притащил, кто лягушек наловил, кто крота приволок. Понравилось. Хоро-о-о-шее зверье было, — с сожалением вздохнул Ленька. — Пока не присылали нового заведующего, смирные мы стали. Сад чистили, зверей мыли. А пришел новый заведующий — говорит: «И так тесно — уж лучше вместо зверей десятков ребят с улицы взять, а от лягушек и собак одна грязь». Разогнал зверьков, а мы и сами ушли. Я только на дорогу дружка прихватил. Вместе работаем.

— А где же он, дружок твой?

— За пазухой сидит.

— Чего врешь?

— Показал бы, да, боюсь перепугаетесь, под вагон упадете.

— Не испугаемся.

Ленька засунул руку за пазуху и ласково проговорил:

— Ну, Кормилец, вылазь, вылазь, глупенький.

По грязной его руке поползла толстая зеленовато-черная змея. Доползла до Ленькиной шеи и замерла.

— Обыкновенный ужака, только здоровый очень, — сказал Витя.

— Жрет сильно, — ответил Ленька, немножко разочарованный равнодушием зрителей. — Положим, меня он кормит больше, чем я его.

— Как так?

— Вот как! Подкачусь я к какой барыне, она сумку прячет, а я сейчас Кормильца выволакиваю: «Не дашь, гражданка — змею науськаю».

— Помогает?

— Еще как! Вот только жиреет он больно, тяжело его, шельму, таскать. А бросить жалко.

Сияло утро. Поезд отмахивал километр за километром. Костя и Витя жадно глядели по сторонам. Все было интересно. Правда, ныли от тряски все косточки, но нужно было хотя бы перед Ленькой бодриться, и Витя тянулся изо всех сил. А Костя чувствовал себя не плохо. Несмотря на толчки, он достал карандаш и клеенчатую тетрадь, в которой решил записывать все свои и Витины приключения.

— Да ты грамотный? — удивился Ленька.

— Грамотный. А тебе зачем?

— Да вот, видишь...

Витя и Костя заметили, что Ленька смущается.

— В чем дело? Не крути.

— Говорил мне один дядя, что в Москве есть вроде школы, обучают ребят за зверьми глядеть. Ребята змеенышей кормят. Птиц разводят. Слона чистят. А я, — мечтательно прибавил Ленька, — слона в Харькове видал. Страсть, понравился.

— Ты что ж, — никак в эту школу хочешь?

— В такую — захочу. Я со зверьми не сердитый, не. А только, может, соврали мне?

Из-под рваной рубахи Ленька вытащил затертый газетный клочок.

— Вот сказывали: здесь про все написано. А я неграмотный. Прочитай.

Витя взял обрывок газеты. Это была статья о станции юных натуралистов.

Ленька, щурясь от ветра, внимательно слушал и завидовал.

— Вот туда и пойду с Кормильцем. У-у, собачий сын, ты у меня еще больше отъешься, — ласково обратился он к ужу.

* * *

Витя и Костя хитрили: на остановках бегали мыться под кран, чистили щеткой зубы, чтобы не походить на «беспризорных», усыпляя этим бдительность железнодорожников.

Деньги таяли: бабы выносили к поезду соблазнительные пироги и ватрушки.

Ленька же эти самые съестные припасы вытаскивал из-под носа у торговки и с необычайной изворотливостью спасался от погони.

Но, видно, не судьба была Леньке проехать роковую для него черту. На последнем перегоне перед Харьковом приключилась беда.

Мальчики по Ленькиному совету залезли на крышу вагона. Сначала было жутко, но скоро привыкли.

Кормилец лежал рядом с ними, греясь на горячей железной крыше.

Но Кормильцу вздумалось поймать муху. Уж взвился, в эту минуту вагон тряхнуло на крутом повороте, и Кормилец сорвался вниз.

С криком отчаяния за ним рванулся Ленька, Костя едва удержал его.

— Пусти, дьявол! — вырывался Ленька.

— Да ты себе шею сломаешь! Ведь как поезд летит!

Тогда с ловкостью кошки беспризорный соскочил на буфера, юркнул в вагон и дернул ручку тормоза.

С протяжным, стонущим звуком поезд остановился, и Ленька со всех ног пустился назад по полотну.

Загудел паровоз, слышались свистки, кондуктора перекликались, встревоженные пассажиры выглядывали из окон...

— Что, что такое? — раздавались восклицания. — Говорят — мост разобран...

— Какой там мост на гладком месте — просто человека переехали...

— Да нет же, это котел взорвался...

Вскоре, однако, заметили бегущую оборванную фигуру. Бросились догонять Леньку. А он бежал назад к тому месту, где круто поворачивали блестящие серебром рельсы.

Добежал и опустился на землю. Кормилец лежал спокойно, словно грелся на солнышке. Маленькая плоская головка разбилась вдребезги о придорожные камни.

Ленька потрогал неподвижного друга и взвыл пронзительно и без слез...

— Хулиган! Озорник! Босячье! — слышались возмущенные голоса, когда беспризорного привели к поезду. Ленька вырывался, ругался, а мертвый уж мотался в его руке.

Вите и Косте очень хотелось чем-нибудь помочь неудачливому товарищу, но они сами едва успели улизнуть с вагонной крыши.

Пришлось брести пешком до Харькова. Часа через три-четыре они доберутся.

А вот Ленька-то... опять не попадет, бедняга, в Москву. Доберется ли он когда-нибудь до школы, где сможет вдоволь возиться с лягушками и слонами?

Витя и Костя шли вперед ровным шагом и говорили о своем случайном товарище.

ГЛАВА V

По железным путям медленно и неустанно двигались красные вагоны товарных поездов. Из них выглядывали кроткие морды скота, доносилось крикливое блеяние, густое мычание. На мальчиков полыхало из вагонов теплым навозным запахом. Это Украина посылала кормежку Москве.

«И все это Москва съест!» — мелькало в голове мальчиков. Но некогда было дивиться на вереницы вагонов. Надо было торопиться, чтобы застать пастуха в Москве до отъезда экспедиции. Витя предложил:

— Поедем с земляками — авось, довезут.

— С какими земляками?

— А вот с этими самыми. — Витя показал на проходящие теплушки. — Влезть нетрудно, а там в уголке потемнее спрячемся.

— Попробуем, — был ответ.

На харьковском вокзале ребята помылись, выпили чаю, привели в порядок платье.

Путей железных сплеталось в Харькове великое множество. С Кавказа, из Крыма, из Москвы, из Одессы — вели сюда рельсы и десятками серебряных веток лежали вокруг пассажирской и товарной станций. И по этим веткам, как гусеницы, передвигались с одного пути на другой разноцветные составы поездов.

Ребята долго бродили, пока нашли подходящий поезд, уже готовый к отправке на Москву. С беспечным видом спросили они какого-то железнодорожника, когда отойдет состав, когда он прибудет в Москву, и почти на его глазах юркнули в нагретый, душный вагон.

Животные забеспокоились.

В полутьме вагона их выпуклые глаза испуганно блестя, но Витя и Костя привычными словами успокоили их.

Время тянулось томительно медленно. Слышно было, как перекликались грузчики, маневрировали поезда, и кто-

то звонко кричал: «Боком тяни!»

Наконец долго и протяжно заревел паровоз, вагоны колыхнулись, и поезд осторожно двинулся в путь.

За Харьковом пошли леса Средне-русской полосы. Вместо акаций и одиноких тополей к полотну подбегали толпами белые тонкие березы. От сосновых лесов тянулся густой смолистый запах, мокрые приболотные луга пестрели цветами. Хотелось выскочить из пропотевшего вагона, пробежаться по яркой траве. Бедные четвероногие пассажиры тоже глядели на убегающую зелень и недовольно мычали. На стоянках им забрасывали в кормушки корм, они тупо жевали, переминаясь с ноги на ногу.

Москва приближалась. Как цыплята к наседке, сбегались к ней фабрики. Смуглый дым колыхался над высокими трубами, на запасных ветках стояли в ожидании погрузки товарные поезда. Новые составы красными гусеницами подползали со всех сторон. Они везли сырье и скрипели под тяжестью груза.

Гуще и гуще вереницы вагонов, ближе и ближе Москва. Свистки, грохот, гул.

* * *

В маленькой дежурной комнате, на одной из подмосковных станций, за казенным письменным столом сидел молодой парень и, склонив стриженую голову над учебником геометрии, грыз кончик чернильного карандаша, не замечая его терпкого вкуса, и в двадцатый раз пробовал доказать теорему Пифагора.

Товарищ Рябушкин осенью собирался держать экзамен в московский вуз и пользовался каждой свободной минутой, чтобы погрузиться в дебри геометрии.

Дверь дежурной комнаты открылась, и товарищ Рябушкин, словно сквозь сон, услышал:

— Вот — беспризорного привел.

Математик недовольно поднял голову.

На пороге стоял подросток, а за ним воздвигался железнодорожный плечистый мастер, который пояснил Рябушкину:

— Их двое на ходу из коровьего вагона выпрыгнули. Одного я сграбастал, а другой — смылся. — Он с довольным видом осмотрел пленника и прибавил: — Ну, на один раз и этого рыженького хватит! Ну-с, я пойду, товарищ Рябушкин. Счастливо оставаться!

Витя очутился вдвоем с Рябушкиным. Настроение мальчика было самое мрачное: было досадно, что он проехал благополучно тысячу километров и возле самой Москвы так глупо влопался. Недоставало только, чтоб его сочли беспризорным и отправили в какой-нибудь детдом. Или же — что еще хуже — в Ковыли.

Рябушкин рассеянно глядел на мальчика. На своем веку Рябушкин видел не одну сотню беспризорных. Были среди них иногда неплохие ребята: некоторые работали теперь в артелях, другие устроились на заводе. И этот беспризорный — из коровьего вагона — как будто ничего.

«Хотя, — подумал Рябушкин, — кто их разберет. Может и жуликом оказаться».

И Рябушкин принялся расспрашивать Витю.

Мальчик растерянно переминался, смотрел в сторону — то в окно, за которым бледное небо постепенно розовело, то на стол, закапанный красными чернилами. Острые Витины глаза приметили на столе ученическую клетчатую тетрадь, раскрытый учебник и крепко искусанный карандаш.

Витя перевел глаза на Рябушкина, увидел фиолетовые пятна на губах дежурного, уловил дружелюбный огонек в его глазах, — и тут на Витю снизошло вдохновение.

* * *

Костя, благополучно ускользнувший от сторожа, с тоской и волнением в течение целого часа издали разглядывал дверь, за которой скрылся Витя. Перед ним стояла труд-

ная задача: что делать дальше? Вдруг дверь открылась, на пороге показалась высокая мальчишеская фигура, и через минуту Костя тормозил товарища.

— Тебя отпустили? Или ты удрал? Как выбрался?

Витя подмигнул, хихикнул и заявил:

— Ну, едем, браток.

— Куда?

— Ну, конечно, в Москву.

— Да как же это так? Расскажи толком.

— На хорошего парня наскочил. — И Витя рассказал подробно. — Я ему объяснил, что мы с тобой из далекой деревни. Что жили мы у дядьки, который нам не позволял учиться. Что мы сами подготовились по предметам и удрали в Москву, чтоб держать экзамен на рабфак.

— Зачем же ты все это наплел?

— Видишь ли, я догадался, что парень сам готовится к экзамену; ну, значит, и посочувствует. Только знаешь, он — молодец: сразу не поверил, а стал гонять меня по всем учебникам. Гонял битый час до того, что меня в жар ударило. Но тут я — как будто нечаянно — в карман полез и выронил зубную щетку. Тогда он совсем отмяк, велел мне тебя отыскать и — знаешь что? — охлопотал нам бесплатный проезд до Москвы. Хоть и близко, а все лучше, чем пешком!

— Ну и складно же ты врал, Витька! И не совестно?

— Самую малость совестно, — признался Витя. — Уж очень хороший парень.

Ухмыляясь, Витя и Костя минут через пять стояли перед чистеньким вагоном.

Рябушкин передал обоих мальчиков знакомому кондуктору, помахал рукой вслед уходящему поезду и пошел решать теорему.

ГЛАВА VI

Москва красилась, строилась, штукатурилась. На перекрестках клокотал в котлах горько-дымный асфальт. Вдоль

тротуаров лежали бревна, доски, железные рельсы, стояли башни красного кирпича.

Москва гудела, звенела, рычала тысячами автомобильных рожков, ошеломляя даже привычных своих жителей, а в ушах у Вити и Кости вся уличная суета слилась в один гул.

Но до университета они добрались. Огромный, раскинувшийся на четыре улицы, он тоже подправлялся. Снаружи на воздушных качелях висели маляры, в широких коридорах стоял крепкий запах свежей побелки.

Для того, чтобы найти Мирзаша Алдиарова, нужно было добраться сначала до профессора Петровского. Мальчики спрашивали о нем всех, кто им попадался на дороге. Тщетные вопросы. Здание было наводнено сезонными рабочими, которым не было дела до профессора.

Мальчики бродили по коридорам, заглядывали в раскрытые двери. Широкооконные комнаты, загроможденные скамьями, мелькали одна за другой. На стенах пестрели рисунки — то части машин, то части человеческого тела. На одном шкафу стоял огромный стеклянный глаз.

В каком-то крутом закоулке Костя и Витя столкнулись с невысоким человеком. У него была борода клинушкой, голубые глаза, которые казались сильно увеличенными от стекол очков. Человек взглянул на мальчиков недоумевающе и рассеянно. В руках у него была куча покупок. Подбородком он придерживал красный круглый сыр и две банки варенья.

— Извините пожалуйста, — обратился к нему Витя, — не знаете ли вы Петровского, Клавдия Петровича? Мы были бы крайне благодарны...

Голубые глаза напряженно уставились в одну точку.

— Чертовски знакомое имя... Кто такой? Нет, не припомню. Извините. — И человек, прихрамывая, скрылся в проходе.

Наконец после кружения по университету мальчики очутились в небольшой комнате. Здесь была канцелярия. Густо пахло сырой штукатуркой. Между двумя стремянками была переброшена доска; на ней скулил песню вихрастый

молодой маляр, а под доской приютился канцелярский стол с бумагами, перьями и карандашами.

Невозмутимый секретарь, защитив голову от летящих брызг раскрытым листом «Правды», хладнокровно сидел у стола и что-то писал.

Возле него горячился встреченный раньше мальчиком невысокий человечек с жидкой полуседой бородкой клинушкой.

— Я вам говорю, товарищ, — руки опускаются. — Говоривший действительно попробовал опустить руки, но банки с вареньем закачались, а сыр соскочил на пол и укатился под стол. — И всюду ремонт... Люди ломают себе ноги...

— Но ведь вы же, профессор, говорили, что он сломал ногу, когда соскочил за вами на ходу с трамвая.

— Ну да, за мной; я ведь не мог оставаться. Она мне показалась замечательной и достаточно старой.

— Кто она?

— Китайская ваза в окне... Пришлось соскочить.

— Что ж, ваза стоила сломанной ноги?

Хромоногий человек презрительно улыбнулся.

— Она не стоила и штрафного рубля, который пришлось заплатить милиционеру. Скверная подделка. Но я боюсь, что мне придется отказаться от поездки.

— Почему, профессор?

— У меня, очевидно, тоже растяжение сухожилия правой ноги.

— Вы страдаете?—участливо спросил секретарь.

— Гм... боли нет, не замечаю. Но я хромаю, я сильно хромаю. Не знаю, сумею ли я выехать во-время.

Человек сделал приветственный жест рукой, взял написанную справку, переложил сыр подмышку и, припадая на одну ногу, направился к выходу.

Когда профессор был уже на пороге, секретарь окликнул его:

— Товарищ профессор! Вы можете спокойно собираться в дорогу.

— Почему это?

— Потому что вы не растянули сухожилия, а только оторвали каблук на одном ботинке.

Мальчики и маляр фыркнули: действительно одного каблука не было.

Профессор взглянул на бескаблучный ботинок.

— Я вообще, — сказал он веско, — не рассеян. Но немудрено, что болезнь Мирзаша меня расстроила. — И он вышел.

— Как он сказал? — толкнул Витя товарища.

— По-моему, Мирзаша. Значит...

Они оба повернулись к секретарю и одним духом выпалили:

— Кто этот профессор?

— Клавдий Петрович Петровский, археолог, — был ответ.

— Мы же его спрашивали о Клавдии Петровиче Петровском, а он не мог припомнить, чья это фамилия! — воскликнул Витя.

Оба мальчика бросились вдогонку за профессором.

Секретарь посмотрел на часы. Стрелки показывали ровно час. Тогда он собрал со стола бумаги, аккуратно сложил газетный лист и ушел, предоставив все помещение во власть маляра.

Тот яростно обмакнул кисть в ведро и во все горло запел песню.

ГЛАВА VII

Профессор Клавдий Петрович Петровский обладал феноменальной памятью во всем, что касалось науки, но в обычной жизни бродил как потерянный ребенок и вдобавок обижался при малейшем намеке на свою рассеянность.

В университете его, однако, уважали не только за научные заслуги. Все помнили, как профессор Петровский в 1907 г., после расстрела студенческой демонстрации, встретился с московским генерал-губернатором. Губернатор протянул ему с любезной улыбкой руку, но Петровский спря-

тал свою руку за спину и сказал, глядя в глаза начальству: «Не настолько я, чорт возьми, рассеян, чтобы пожать вашу руку!»

Профессора выслали за пределы Европейской России. Он не огорчился и через месяц уже погрузился в работу по исследованию памятников XV века в Тобольской губернии.

Без средств, без друзей, без поддержки — он ухитрился во время своей высылки побывать два раза в Средней Азии.

Результатом этих путешествий была работа о влиянии древнего Китая на персидское искусство, сделавшая ему имя в Западной Европе. Тогда же профессор познакомился с Мирзашем Алдиаровым, который сначала был проводником, а потом стал другом и опекуном Клавдия Петровича.

Никто не знал, почему Алдиаров привязался к Клавдию Петровичу.

Мирзаш Алдиаров был вдов, одинок, мрачен и нелюдим. При этом он обладал всеми качествами хорошего проводника: он умел зажигать костер из мокрых ветвей, умел находить воду под слоем пересохшей земли, умел готовить плов и пирожки с бараньим салом.

Одним словом, Мирзаш умел делать многое, что было недоступно Клавдию Петровичу. Проводник смотрел на Клавдия Петровича, как отец на неразумного сына, и поэтому, когда профессор вернулся из Средней Азии в Москву, поехал с ним и Мирзаш Алдиаров.

У Мирзаша была одна слабость: нагрудные значки. Он их собирал с неменьшей нежностью, чем Клавдий Петрович собирал осколки древних ваз. На это Мирзаш не жалел денег, и на его груди портреты вождей чередовались с лирами, коньками и пропеллерами...

И время от времени на груди Мирзаша появлялся значок — золотое солнце в венке спелых червонных колосьев.

Но теперь все это было спрятано в сундучок, а Мирзаш Алдиаров лежал на кровати в одной из палат Боткинской больницы.

Нога его была в гипсе, и больной угнетенно глядел на нее.

Его мало трогала мысль о том, что ему не придется увидеть родные края. За десять лет московской жизни Мирзаш отвык от Азии, да он и не знал точно, где именно была его родина.

В молодости он пас по степям чужие стада. Потом после смерти жены был проводником многих караванов и, подобно Халиму, исколесил огромное пространство. Но от тяжелых голодных лет не осталось заманчивых воспоминаний.

И теперь думал Мирзаш не об Азии, а о квартире на Сивцевом Вражке, где жил профессор Петровский. Больного грызла мысль о том, что в комнатах наверное беспорядок и грязь и что профессор уходит утром натошак. Сегодня утром доктор заявил, что раньше осени нога Мирзаша не придет в порядок.

И, закрыв глаза, Мирзаш ясно представлял себе экспедицию, пустыню, посреди пустыни голодного профессора, а рядом чужого переводчика — хитрого, жадного и вороватого.

— Клавдия Петрович, Клавдия Петрович, кто о тебе позаботится? — простонал он. — Тебя всякая босяка обидит!..

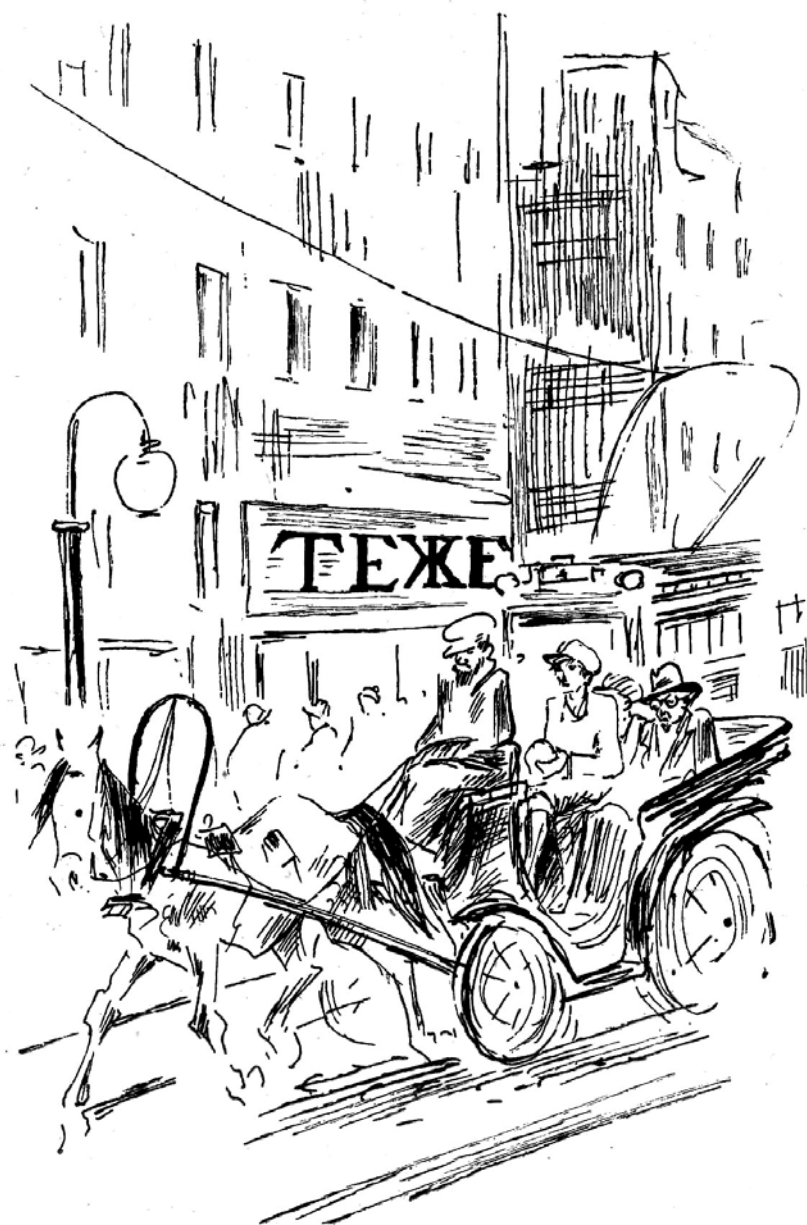
Так был уверен Мирзаш в печальной судьбе Клавдия Петровича, что почти не удивился, когда профессор появился в палате в сопровождении двух «босяков».

Витя и Костя словили профессора у ворот университета и довольно скоро уверили его в том, что им совершенно необходимо переговорить с Алдиаровым. И так как Клавдий Петрович устал от покупок, то он охотно перегрузил их на мальчиков.

Витя взял варенье и уселся рядом с профессором на извозчика. На коленях у Вити, держа головку сыра, примостился Костя.

И не успели ребята притти в себя, как лошадь уже протрусила через всю Тверскую, через шоссе и зеленую полянку, над которой гудели самолеты, и остановилась у больницы.

Мальчики горели нетерпением. Кто знает, куда пошлет их теперь таинственный Мирзаш?

Вошли в палату. На постели лежал немолодой человек с пожелтевшим лицом и неприветливо глядел на неожиданных гостей. С плотно стиснутых губ не сорвалось ни одного слова в ответ на профессорское «здравствуй». Мирзаш был взбешен. То, чего он боялся, оправдалось: на одни сутки остался профессор без него, и уже к нему успели примазаться двое неведомых мальчишек.

Клавдий Петрович, смущенный мрачным видом своего друга, стараясь развлечь больного, стал шутливо описывать, как его поймали ребята, как ониnapросились ехать с ним в больницу.

— Не разберу, — не то они твои племянники, не то внучата.

Мирзаш не отвечал и даже закрыл глаза.

Костя, чтобы рассеять враждебное молчание, решил приступить к делу. Он заговорил по-тюркски. Он произнес самое прекрасное приветствие, которое только мог придумать, он передал поклон от Халима, он, наконец, просил рассказать о всадниках.

Мирзаш лежал молча.

В первый момент, услышав родной говор, старый пастух приоткрыл глаза, но взгляд его наткнулся на промасленные костины брюки, и он снова зажмурился.

А Костя говорил все убедительнее.

Витя с изумлением слушал, как ловко Костя владел чужим языком. Изредка Витя пробовал прибавить что-нибудь и от себя, но чувствовал, что слова у него путаются. Тогда он умолк и стал рассматривать, как профессор развязывает свои гостинцы. При виде съестного Витя внезапно почувствовал острый голод.

Клавдий Петрович перехватил взгляд мальчика.

Костя замолчал. Однако его слушатель был, казалось, мало тронут пылким красноречием мальчика. Все-таки Мирзаш удостоил Костю ответом, но по-русски:

— Халим — старый болтун и сплетник. Ничего не знаю. Ничего не скажу, — и Мирзаш обратился к профессору: — Зачем привел их? Убери, пожалуйста.

— Ну, ну, — примирительно сказал Клавдий Петрович, — мы пойдем. Вот только и тебя и ребят подкормлю чуточку.

— Зачем на свою шею босяков берешь? Думают — по моему болтают, значит и кормить их станем?

— Ш-ш... — Профессор наклонился к больному и сказал очень тихо, чтобы его не слышали мальчики: — Они голодны. — И, обернувшись к Вите и Косте, прибавил: — Мирзаш боится, что я ничего не сумею сделать. Могу вас уверить, что я достаточно ловок.

Клавдий Петрович стал торопливо развязывать банку с абрикосовым вареньем, зацепился карманом пиджака за угол стола и выронил банку. Профессор начал смущенно загребать варенье на полу и разрезал руку.

Витя засмеялся. Если бы он видел взгляд, который на него бросил с постели беспомощный Мирзаш, он бы сдержал смех. Но Витя не смотрел на Мирзаша, он продолжал смеяться.

Все дело уладил Костя. Он нашел тряпку, вытер пол, горячей водой затер пятна на костюме Клавдия Петровича, перевязал порезанный палец и, вынув из-за борта своего пальтишки иголку с намотанной черной ниткой, зашил вырванный карман профессора.

Зоркие глаза Мирзаша заметили, что в пальто была заколота еще одна игла — с белой ниткой.

Костина ловкость, спокойное умение обращаться с обыкновенными вещами сделали то, на что ребята и не надеялись больше.

Костя понравился Мирзашу.

— Хорош, ах, хорош мальчик! — пробормотал Мирзаш и, подумав немного, сказал профессору: — Клавдия Петрович, вот такая тебе ничего. Пускай у нас живет. — И он пустился расспрашивать Костю о Халиме.

В этих расспросах была маленькая затаенная хитрость: Алдиаров проверял мальчика. Костя не сбился, отвечал гладко, и Мирзаш мотал головой дружелюбно.

Когда настало время уйти посетителям, Мирзаш задержал в своей руке Костину руку и тихо сказал по-тюркиски:

— Приходи завтра! О твоём деле скажу!

На Витю пастух не смотрел, хотя и разрешил профессору пустить мальчика переночевать.

— Положишь на сундук, — коротко распорядился он. — А его, — тут улыбка осветила лицо больного, — а его — Косытю — на кровать.

Полночи провели товарищи в разговорах. Не спал и Мирзаш в больнице. Он думал о профессоре.

— Мирзаш отмяк, — сообщил Вите на следующий день Костя, который один ездил в больницу. — Он рассказал мне, что действительно встретил лет тридцать тому назад всадников, от которых получил в подарок золотые украшения. Но Мирзаш уверяет, что ни капельки не испугался их. Он еще раньше слышал о том, что между реками Таримом и Хотан-Дарьей (это реки в Китайском Туркестане, там часто бывал Мирзаш) живет маленькое вольное племя. Мирзаш говорит, что в этих местах тянется огромная и непроходимая пустыня. Я спросил Мирзаша о «солнце и пшенице», — у него до сих пор есть золотое украшение с этим знаком; он надевает его по торжественным дням. Но Мирзаш не знает, как живут и что сеют эти таинственные люди в пустыне.

— И это все?

— Есть еще — очень, очень важное.
— Ну?
— Профессор едет в эти места. В Китайский Туркестан!
— Значит — мы отправимся с профессором! — воскликнул Витя. — Лучше ничего не придумаешь.
— Я и подъехал с этим к Мирзашу. Но он хитрит. Глаза зажмурил и тя-я-я-нет: «Поживи у Клавдии Петрови-
чи... А мы с ним подумаем». Как тебе это понравится?
— Что же, пожить можно, — решил Витя.
И мальчики остались на Сивцевом Вражке.

ГЛАВА VIII

За полгода до того, как Витя и Костя удрали из Ковылей, в морозный снежный день в московском Большом театре происходил тираж Государственного выигрышного займа.

Один из выигрышей — пять тысяч рублей — пал на облигацию № 026714, серия шестая.

На утро следующего дня студент последнего курса I Московского университета — Евгений Николаевич Тышковский — прочел об этом в «Известиях».

Учебный год подходил к концу. Весной предстояло писать работу по специальности. Тышковский сокрушенно вздохнул. Его специальностью была этнография, и ему хотелось свою работу написать по личным наблюдениям. Но дальше скромных экскурсий в пределах центральных губерний нельзя было двинуться. Это огорчало Тышковского.

— Ну, ладно, — вздохнул во второй раз вузовец и потянулся за чаем для заварки.

Чай лежал в коробке из-под монпасье; в той же коробке лежали пуговицы, карандашные огрызки и четвертушка облигации № 026714, серия шестая.

В течение трех дней гудело студенческое общежитие. Прибегали, расспрашивали, осматривали облигацию, торموшили Тышковского — и давали советы, бесконечное количество советов о том, на что израсходовать выигрыш.

В глазах студентов Тышковский был уже владельцем отдельной квартиры, лодки, библиотеки, велосипеда и не менее двухсот пар брюк.

Тышковский стал знаменитостью.

До сих пор его знали только как самого молчаливого человека во всем общежитии, настолько молчаливого, что Васька Орловцев — сосед по койке — уверял, будто бы первые полгода совместной жизни он считал Тышковского глухонемым.

Но теперь «глухонемому» приходилось волей-неволей отвечать на сотни вопросов.

Правда, и теперь он больше ограничивался краткими — «угу!» или «м-м-м...»

К концу третьего дня выяснилось, что две другие четвертушки облигации принадлежат научному сотруднику — Ивану Викентьевичу Веселову. А последняя четвертушечка была записана да имя профессора Петровского.

Разумеется, сам Клавдий Петрович понятия не имел о своем выигрыше, и если бы облигация не хранилась у Мирзаша, то сам профессор ни за что бы не вспомнил о ней.

Но зато он один из всех трех выигравших счастливых ни минуты не раздумывал о том, какое назначение дать своему выигрышу. Встретившись при получении денег в банке с товарищами по удаче, Клавдий Иванович в ответ на вопрос Веселова, который с улыбкой его спрашивал, куда профессор денет такую уйму денег, сказал просто и кратко: — Разумеется, на экспедицию в Центральную Азию.

И эта нелепая по существу фраза, потому что 1250 руб. были ничтожной суммой для такой дальней экспедиции, — эта фраза прозвучала так уверенно и спокойно, что не показалась нелепой ни Веселову, ни Тышковскому.

Все трое, шагая по московским улицам, рассуждали о поездке Клавдия Петровича.

И когда вечером Васька Орловцев, вернувшись с лекций, зашел в свою комнату, — он был немало удивлен, услышав голос Тышковского. Тышковский сидел верхом на спинке кровати, и, водя пальцем по географической карте, с жаром пояснял товарищам маршрут задуманной экспедиции.

— Конечно, выигрыша не хватит, но профессор Петровский выхлопочет субсидию. Ведь он — один из лучших специалистов. Да и Веселов — парень не промах. Не беда, если я кончу вуз годом позже — зато уж работенку напишу — ого-го! — Тут Тышковский поцеловал кончики пальцев. — Правда, Васька? — хлопнул он по плечу товарища.

Но Орловцев, ошеломленный такой длинной речью «глухонемого», в свою очередь мог только ответить:

— М-м-м...

* * *

Веселов и Тышковский уехали вперед в Туркестан и ждали там Клавдия Петровича.

Профессор уже собирал свои вещи, вернее — вытаскивал их из ящиков и шкафов и разбрасывал по всей квартире. Костя терпеливо наводил порядок.

Он старался заменить туркмена. По утрам Костя мчался за Клавдием Петровичем, догонял его на лестнице и надевал на него забытый пиджак. Днем мальчик хозяйничал, вечером кормил профессора.

Теперь уж не Клавдий Петрович возил Костю к Мирзашу, а наоборот: мальчик доставлял туда профессора.

Мирзаш всякими способами проверял, все ли в порядке на Сивцевом Вражке. Костя давал точные ответы до тех пор, пока больной со вздохом облегчения не опускал на подушку свою беспокойную голову и не шептал:

— Хорош мальчик! Ах, хорош!

Костя постепенно укреплял доверие Мирзаша.

Зато к насмешливому Вите Мирзаш относился все враждебнее. Его сердило то, что Витя не питал никакого уваже-

ния ни к нему, ни к самому профессору.

А Витя не замечал этой неприязни и ежедневно доказывал товарищу, что профессор свободно мог бы их взять с собой.

— Лишние два человека в таком деле — не обуза, — рассуждал Витя, — особенно такие люди, как мы.

Костя не отвечал. Он жарил котлеты.

— Я стреляю, — продолжал Витя, — езжу верхом, знаю язык Средней Азии, ем немного.

— Положим, — перебил Костя, — ешь ты за троих, язык знаешь неважно, да и стреля...

— Ну, и врешь, стреляю я хорошо. Даже Халим говорил...

— Пусть — хорошо. Только боюсь, что этого мало. Главное в этом деле, по-моему, не профессор, а Мирзаш. Его и уговаривай.

Но Витя не желал уговаривать Мирзаша. Он предпочитал бегать по Москве и глазеть на шумные улицы. Возвращаясь на Сивцев Вражек, Витя усаживался в кресло и мечтал о поездке в Азию (он был твердо убежден в том, что поедет) или же поддразнивал Костю, который возился с профессорским хозяйством.

Мирзаш был отчасти прав.

К профессору Витя действительно не чувствовал особенного уважения. Маленький рассеянный человечек казался мальчику чудачком, и Витя не понимал, как этот чудак может быть профессором, ученым, знаменитостью. Археологией Витя не интересовался. И его удивляло то, что профессор, равнодушный к еде и платью, так дорожит старыми вещами, которые хранились в стеклянных шкафах.

Во всей квартире одни только эти шкафы содержались профессором в безукоризненном порядке. В них Клавдий Петрович хранил кое-какие свои археологические находки. Там были древние монеты, кувшины, пергаменты, украшения. Но лучшие находки Клавдия Петровича хранились в музеях.

Костя почти каждый день принимал от почтальона обширную корреспонденцию. Это были письма от иностранных коллег Клавдия Петровича.

Читая эти письма, профессор иногда улыбался, иногда злился и фыркал. Среди вежливых фраз профессор улавливал недоумение по поводу его совместной работы с «большевиками».

Клавдий Петрович ерошил свои волосы и писал коллегам ответы.

Писал он неразборчивым почерком, похожим на иероглифы. Клавдий Петрович около сорока лет возился то с египетскими, то с китайскими, то с древне-персидскими надписями, оттого, может быть, и его почерк приобрел сходство с этими надписями.

Поэтому немудрено, что однажды Витя принял забытое профессором письмо за китайскую рукопись.

В этот день лил дождь, и Витя от скуки решил заняться наукой и попробовать разобрать незнакомый язык.

В квартире была тишина. Вдруг раздалось удивленное восклицание:

— Костя! А Костя! Я читаю по-китайски, честное слово, читаю.

— Как это так?

— Сам не знаю, но в полчаса я разобрал целую страницу.

— Не ври, Витька!

— Послушай. — Витя стал медленно, по складам читать письмо: — «Го-р-ж-у-с-ь тем, ч-т-о ж-и- в-у...»

— Да ты обалдел! Это же по-русски!

— Вот странно,— удивился Витя,— написано как будто по-китайски, а вслух прочтешь — выходит по-русски. Ну, все равно, прочту дальше — «что жи-ву в со-вет-ск-ой зем-ле».

— Брось письмо. Это ведь не к тебе.

— Не брошу! «Чт-то жекаса...» Костя, какое это слово — жекаса?

— Должно быть научное.

— Должно быть. «Жекаса-ет-ся»... Ничего не понимаю!

— Да это просто написано — «что же касается»!

— Правильно. — «Что же касается ве-ли-ко-го Дзе Ци-ю...»

И хотя Костя уверял, что читать чужие письма — свинство, хотя Витя с ним вполне соглашался, но любопытство осилило.

Слово за словом, строка за строкой — письмо было прочитано.

В этом письме профессор упорно отстаивал советскую науку перед западно-европейскими учеными. Одновременно с советской наукой Клавдий Петрович защищал неведомого Дзе Ци-ю, в существовании которого сомневался кто-то на Западе.

Но профессор позабыл посоветовать своему иностранному коллеге поучиться русскому языку, так как было очень сомнительно, чтоб корреспондент Клавдия Петровича умел читать по-русски.

— Ого! — сказал Витя, вытирая лоб. — Ловко написано, меня даже в пот ударило. Начинаю уважать старичка. Молодчина, честное слово!

— Да, отбрил он этого дядю.

— Но кто этот Дзе Ци-ю? Как ты думаешь?

— Может быть какой-нибудь китайский революционер?

— Я спрошу у Клавдия Петровича.

— Да он ведь узнает тогда, что ты его письма читаешь?

— И пусть себе знает. Мне не страшно!

Раздался звонок. Промокший под дождем профессор вошел в комнату. Он радостно объявил, что со всеми делами успел покончить и через три дня уезжает в Туркестан. Он собирался ехать через Астрахань и Каспийское море, чтобы на вольном воздухе набраться сил и бодрости для предстоящей экспедиции.

— А морем — не страшно?

— Тем, кого не укачивает, только приятно.

— А вас не укачивает?

Клавдий Петрович ухмыльнулся.

— Я ездил несколько раз, и лучше меня никто не держался на пароходе. — Профессор стащил с себя мокрые ботинки и надел ночные туфли.

— Через три дня! — шепнул Витя товарищу.

— Да. Как же мы?

— Наладится!

А пока Витя стал расспрашивать Клавдия Петровича насчет Дзе Ци-ю.

Клавдий Петрович хоть и не очень понятно, но охотно и подробно пустился в объяснения.

В конце концов Витя понял, что Дзе Ци-ю жил четыре тысячи лет назад в Китае и по каким-то причинам бежал оттуда. О своем бегстве и о скитаниях Дзе Ци-ю написал книгу, отрывки которой были найдены при раскопках старого Мерва в Туркестане. Эта книга была прислана профессору Петровскому для научного исследования. Язык, на котором она была написана, оказался крайне трудным и настолько отличался от всех древних китайских наречий, которые были до сих пор известны, что многие западно-европейские ученые отрицали и подлинность записок и вообще существование Дзе Ци-ю.

Но Клавдий Петрович настаивал на том, что рукопись не подделка, что книга эта — единственная в своем роде китайская книга той далекой эпохи. Единственная она была по той простой причине, что в 212 году до нашей эпохи китайский император, которого звали Цинь Ши-Хуанди (личность вполне историческая), сжег все книги, которые существовали до того времени в Китае. Оставил он только «полезные» — медицинские и земледельческие. Вместе с «вредными» книгами были сожжены и все исторические летописи. Книга Дзе Ци-ю уцелела случайно, так как автор писал ее в изгнании. Дзе Ци-ю дает довольно хорошее описание стран, которые окружали Китай. Он описывает Индию, южно-азиатские острова, дорогу к Аравийскому полуострову. В его книге даже имеется описание Египта и есть намеки на Европу. Но больше всего заинтересовали профессора страницы о землях, лежавших непосредственно к западу от Китая. Дзе Ци-ю говорит о государстве, которое простиралось «от гор и до гор» и столицу которого автор называет Великим Городом. Если судить по географическим данным в записках, то эти горы — хребты Тянь-Шаня и Куэн-Луня. Пространство, заключенное между этими горными цепями, сейчас составляет самую унылую часть сред-

не-азиатских пустынь.

Тут профессор пустился в пространные археологические и географические умозаключения, в которых Витя вовсе ничего не понял. Он только разобрал, что Клавдий Петрович убежден в том, что возле Хотанского оазиса, в пустыне Такла-Макан, в Китайском Туркестане, должны быть развалины Великого Города, в котором когда-то нашел приют Дзе Ци-ю.

В своей книге Дзе Ци-ю восторженно описывает красоту и благоустройство своей новой родины и добродетели ее жителей.

Но по каким-то непонятным профессору причинам Дзе Ци-ю покинул Великий Город и окончил свои дни «за горной грядой», вероятно возле теперешнего Мерва, где и были найдены его записки.

— Но, Клавдий Петрович, — возразил Витя, — разве достаточно записок одного единственного человека, чтобы ехать за несколько тысяч километров разыскивать неведомый город?

— Намеки на то, что в теперешней пустыне Такла-Макан было когда-то государство, есть во многих древних источниках: в ассирийских клинописях, в еврейских летописях, персидских священных книгах... — Тут профессор пустился перечислять незнакомые Вите названия древних книг. — Это государство на каждом языке называется другим именем: Аджи, Ходжа, Хеджа, — но всегда это государство помещают в район нынешнего Хотана. Там я и предполагаю начать поиски Великого Города.

— Клавдий Петрович, ну, разве за несколько тысяч лет от города может что-нибудь остаться?

— В обычных условиях, конечно, от города не останется и следа, но иногда сохраняется очень многое. Ты о Помпее знаешь?

Вите очень хотелось сказать «да», но он отрицательно качнул головой.

— За две тысячи лет до нас в Италии, у склона горы Везувий, был город Помпея. Везувий — гора вулканическая. В один несчастный день произошло извержение, и городок

был засыпан пеплом и залит лавой. Помпея исчезла бесследно. Много лет спустя крестьяне, жившие в окрестностях Неаполя стали находить в земле старинные вещи. Ученые заинтересовались находками и принялись за раскопки. И исчезнувший две тысячи лет назад город снова появился на поверхности земли. В течение двух тысячелетий пепел охранял Помпею от разрушения. Улицы, дома, фонтаны — все сохранилось в целостности и невредимости. Так что можно сказать, что для науки извержение Везувия принесло огромную пользу, потому что теперь мы можем изучить жизнь и быт древней Италии так легко, как будто мы сами жили в то время.

— А разве в Средней Азии есть вулканы?

— Нет, но взамен вулканов есть песок. Наш знаменитый путешественник Козлов открыл в Монголии древний город Хара-Хото, исследовал его и нашел вещи большой научной и художественной ценности. Шведский путешественник Свен Гедин, который несколько раз пересекал Центральную Азию в районе Хотана, — Клавдий Петрович многозначительно поднял указательный палец, — в районе Хотана же исследовал остатки древних городов...

— Я читал путешествия Свена Гедина «В сердце Азии», — вспомнил Витя. — Значит, Великий Город — это город Бурузан, который исследовал Гедин?

— Ни в коем случае, — с живостью возразил Клавдий Петрович, — если ты будешь утверждать это...

— Я ничего не утверждаю!

— Если ты будешь утверждать это, — продолжал профессор, не слушая Витю, — то ты впадешь в ту же ошибку, в которую впали некоторые мои коллеги. Они не отрицают подлинности записок Дэе Ци-ю, но уверяют, что записки относятся к началу нашей эры и что Великий Город и Бурузан Свена Гедина обозначают один и тот же город! Но я настаиваю на том, что Дэе Ци-ю жил на полторы тысячи лет раньше возникновения Бурузана! Путешественники в Китайском Туркестане не раз слышали легенды о городах, засыпанных песками пустыни, и я сам слышал рассказ о «Великом Городе».

- Отчего же вы, Клавдий Петрович, не отыскивали его?
- К сожалению, я исследовал записки Дзе Ци-ю значительно позже. А когда я был в Туркестане, я не придавал достаточного значения народным легендам.
- Но теперь мы непременно разыщем Великий Город?
- Гм... я думаю, что мы разыщем.
- Заметь, Костя, он сказал «мы». Значит, он думает нас взять! — сказал Витя товарищу.

ГЛАВА IX

Тревога охватила мальчиков: «Возьмет или не возьмет их профессор?» Они поняли, что надо немедленно просить помощи у Алдиарова. Полетели в больницу.

Разговор с Мирзашем был короток.

— Ты, Костя, едешь, — сказал он.

Решение Мирзаша назрело за последние дни.

Мирзаш видел, что из Кости выйдет не плохой переводчик. Но, главное, Мирзашу нравилась расторопность Кости, который ловко ухаживал за профессором. И Мирзаш строго и долго объяснял Косте, как он должен глядеть за профессором, его очками, вещами, за всем хозяйством. Костя сиял от радости и обещал точка в точку выполнить все наставления Мирзаша. Он говорил это вполне искренно, так как уже привязался к чудаку-профессору, и Мирзаш, чувствуя искренность мальчика, довольно мотал головой.

Но с Витей дело не вышло.

Лицо Мирзаша стало угрюмым: он запомнил насмешки Вити над профессором. Да и говорил Витя на тюркском и китайском наречиях значительно хуже своего товарища. Мирзаш круто заявил, что Витя не нужен профессору.

— Зачем он? — прибавил Мирзаш. — Косытя и сам зернышко привезет.

«Костя зернышко привезет», а он, Витя, останется не при чем... У Вити руки похолодели, и сердце замерло. Он первый решил ехать за «чудесным зерном», он уговорил

Костю, и вдруг он — не нужен! Это все равно, если бы сказали Колумбу: «Ты не нужен. Без тебя откроем Америку».

Витя ждал, что Костя возмутится, и с негодованием увидел, что Костя спокойно согласился ехать один.

— Знаешь, кто так поступает? — воскликнул Витя, когда мальчики вышли из палаты.

— Кто? — невозмутимо спросил Костя.

— Так поступают предатели!

— Ты думаешь?

— Я не думаю: я уверен, что ты...

— А что ж, по-твоему, — лукаво прищурился Костя, — я не смогу без тебя достать зерно? Агроном какой нашелся! Ученый!

Витя пристально посмотрел Косте в глаза и сжал кулаки.

— Дал бы я тебе...

— Ого! Ну-ка, ударь!

Витя перевел дыхание, разжал кулаки и с горечью сказал:

— Я никогда не бросил бы товарища... Даже такого, как ты!

— Дубина стоеросовая! А кто тебе сказал, что я тебя оставлю?

— Как же ты... — Витя покраснел и пробормотал: — Я ничего не понимаю... Дразнишь, точно ребенка!

— Зато я понимаю. Во-первых, — Мирзаш тебя не взлюбил. Значит, нечего время терять на уговоры. Во-вторых — профессор не может взять второго человека. Нет лишних денег. В-третьих — я без тебя не двинусь. Значит, в-четвертых, надо придумать что-нибудь, потому что на наши восемь рублей далеко не уедешь!

— А если я — без билета?

— Снимут, и тогда разминемся, чорт знает, на сколько времени.

Мальчики давно уже шагали по шоссе.

Вверху громадными насекомыми жужжали самолеты. По дорожкам бежали ребята в трусах и майках.

— Вот мне бы аэроплан, — вздохнул с завистью Витя, — или хоть автомобиль.

Его взгляд скользнул по широкому кузову автобуса, только что промчавшегося мимо.

— А этак путешествовать не хочешь? — указал Костя на бегущих физкультурников.

— Нет, так, пожалуй, не добежишь, — ответил Витя задумчиво. — И так не годится, и этак не выйдет, — продолжал он шопотом, пропуская мимо себя трамвай, затем дребезжащий мотоциклет, телегу с мусором и велосипедиста...

— Каким же способом? — бормотал он, машинально останавливаясь и глядя на дорогу.

Вдруг Витя вздрогнул. Какая-то мысль блеснула в его голове.

— Ага, вот как! — крепко сжал он руку товарища. — Этак, я думаю, можно!

По Ленинградскому шоссе тащилась телега. На ней колыхался дешевый немудреный товар: плетеная мебель, дорожные корзины, детские коляски.

— Вот этим манером я и поеду, — уверенно сказал Витя.

— В колясочке детской? — с любопытством спросил Костя.

Но Витя ответил кратко и решительно:

— В корзине. Твоим багажом.

Клавдия Петровича Мирзаш легко уговорил.

За Костю Алдиаров ручался. Он даже приврал, что Костя — сын его родственника, с которым он когда-то рассорился, а так как Петровскому нужен был переводчик, то можно было взять этого новоиспеченного родственника. С профессором будет свой человек.

Мирзаш руководил из больницы всеми приготовлениями к отъезду. Он давал не советы, а приказания, которые Клавдий Петрович аккуратно выполнял, — если только не забывал их сейчас же. По распоряжению Мирзаша были закуплены полторы дюжины очков для Клавдия Петровича, так как Мирзаш уверял, что профессор будет их терять на каждом шагу. Точно так же — по совету Мирзаша —

профессор, оставив себе немного денег на путевые расходы, спрятал все полученные для остальных членов экспедиции деньги и документы в чемодан, предназначенный к сдаче в багаж.

— Так лучше; ничего не украдут! — сказал Мирзаш и поручил Косте хранить багажную квитанцию. Витя советовал отправить бумаги и деньги почтой, но так как совет исходил от Вити, то Мирзаш только презрительно фыркнул и настоял на своем.

Оба мальчика помогали укладывать вещи. К концу дня Витя исчез. По правде сказать, Клавдий Петрович на это не обратил внимания. Он только заметил, что среди его сундуков скромно приютилась Костина корзина, купленная на последние восемь рублей.

Была эта корзина вместительная, с двумя ручками по бокам. В ней кроме мягкой рухляди лежали: пакет с провизией, фляжка с водой, уцелевшая банка профессорского вишневого варенья и Витя. Снаружи висел на корзине замок, но Витя долго пытался и прилаживал что-то, пока не наловчился открывать крышку изнутри.

— Буду потихоньку, ежели можно, высовываться, — сказал он ухмыляясь, — а то закостенеешь.

Костя обещал позаботиться, чтобы корзину эту внесли осторожно в багажный вагон и поставили поудобнее. На крышке Витя крупно написал: «Хрупкое».

По железной дороге до Астрахани, оттуда — морем — в Красноводск и дальше в Мерв, где Петровского уже ожидали товарищи Веселов и Тышковский, — таков был намеченный маршрут. И только в Красноводске после пятидневного путешествия багажом должен был Витя явиться на глаза профессору.

— Не выгонит же он меня. Увидит, что мне действительно очень нужно в Туркестан... Правда, Костик?

Костя нерешительно промывчал: он не был твердо уверен в удаче...

Во всяком случае Красноводск был гораздо ближе к цели, чем Москва или Ковыли. А это чего-нибудь да стоило.

ГЛАВА X

— Ты только смотри, чтобы меня вниз головой не поставили!

— Посмотрю, Витька.

Этот последний разговор с товарищем больше всего запомнился Косте. Правда, в Москве он видел, что заветная корзина аккуратно стала поверх другого багажа в темном углу вагона. Но кто знает, что может с Витей случиться в дороге? Год назад Костя читал в газете про какого-то злополучного безбилетного пассажира, задохнувшегося в сундуке, — при этой мысли холодный пот выступал на лбу мальчика. Положим, корзина с дырочками, и Витя в крайнем случае отбросит крышку и вылезет, но все же...

Мрачный и озабоченный сидел Костя возле профессора в мягком вагоне.. На остановках он бегал в хвост поезда и умышленно громко говорил с носильщиками у багажного вагона, горланил во всю глотку, давая о себе знать то-

варищу.

Велика была его радость, когда однажды он услышал изнутри темного вагона тихий свист. С риском выдать свое присутствие насвистывал Витя «Чижик, чижик, где ты был» в знак полного своего благополучия. Действительно, Витя ехал не плохо. Он приладился к долгой поездке и настолько расхрабрился, что на длинных перегонах вылезал из корзины и разминал застывшие косточки. Пил и ел мало: берег «провиант».

Поезд прибыл в Астрахань через двое суток к вечеру. Клавдий Петрович и Костя вышли с мелкими вещами на привокзальную площадь, взяли извозчика.

Затем Клавдий Петрович попросил Костю отправить с вокзала телеграмму Мирзашу.

— Ведь он воображает, что без него я не доеду. А пока ты сбегаешь на телеграф, я пошлю за багажом. Дай квитанции.

Костя вскоре вернулся. Профессор ждал его, ждал и извозчик.

— Чего запыхался? — добродушно спросил Клавдий Петрович. — Поспел бы: еще багажа нет.

Они прождали минут десять.

— Клавдий Петрович, — забеспокоился Костя, — я сбегаю, потороплю носильщика.

— Ладно, сбегай.

— А какой у него номер?

— Номер?..

Клавдий Петрович сморщил лоб.

— Номера не помню, а каков этот носильщик с виду, могу точно сказать. Молодой такой парнишка — худой. Кепка серая, брюки — вроде женской юбки — широкие. Еще он держал пакет какой-то в красном платке. Видишь, — уж я-то не рассеян!

Костя стрелой помчался в багажное отделение. Среди сваленной груды вещей он с облегчением узнал профессорские сундуки, не хватало только одного чемодана и корзины с Витькой. Должно быть, носильщик уже понес вещи на извозчика. И Костя побежал обратно.

Профессор, сидя в пролетке, читал газету. Никаких вещей, кроме ручных чемоданчиков, около него не было.

— А... а носильщик приходил? — дрогнувшим голосом спросил Костя.

— Нет, а что?

Ничего не ответив, быстрее прежнего ринулся Костя назад к багажу. На его расспросы кладовщик заявил, что парень в серой кепке приходил действительно, квитанцию сдал, захватил две вещи и сказал, что придет погода за остальными.

— А номера вы его не заметили?

— Да он без номера — со стороны.

Электрические лампочки заплескали перед Костиными глазами, у него закружилась голова, словно он неделю не ел.

Было похоже, что парнишка в штанах клеш украл вещи. Украл самое ценное и для Кости и для профессора. Исчезла корзина с Витей. Исчез чемодан с документами и деньгами.

Костя полчаса бегал туда и сюда в поисках исчезнувших вещей. Наконец, не на шутку встревоженный, явился сам профессор.

Носильщика в клешах нигде не было.

Клавдий Петрович трясущимися руками написал заявление о краже и, сам убитый потерей документов и экспедиционных денег, пытался утешать Костю:

— Я куплю тебе новые вещи, не тужи. Что у тебя стащили?

Но Костя только мотал головой.

— В чем же дело?

И Косте пришлось сознаться профессору в затее с корзиной.

— Что теперь с Витей... Что с Витей? — почти стонал Костя.

Клавдий Петрович подумал, помолчал и серьезно ответил:

— Твой товарищ храбрый. Не пропадет.

ГЛАВА XI

За несколько минут до того, как Костя пошел справляться о багаже, с астраханского вокзала боковым выходом выбрался молодой парень в кепке и клешах. На спине его покачивалась увесистая корзина, в руке парень держал кожаный чемодан и гармошку, аккуратно увязанную в красный платок.

Парень немножко жалел, почему не взял вместо корзины дорогой заграничный сундук, но тут же успокоился: сундук мог заметить милиционер.

Пройдя шагов сто, парень кликнул извозчика, уложил корзину и чемодан и укатил на Болотную улицу.

Вдали от вокзала, на окраине, извозчик остановился, и Вите совершил в корзине путешествие через двор и дальше по грязной лестнице до третьего этажа.

Корзина беспрерывно стучалась обо что-то, и Вите казалось, что голова его раскалывается. Он даже чувствовал, как нечто мокрое и липкое текло по его лицу.

Наконец корзину поставили в углу комнаты.

Хозяйка квартиры была женщина не малого роста, говорившая глубоким басом.

— С прибылью тебя, Васенька! — приветствовала она вошедшего.

— Да уж не знаю, Марья Егоровна, много ли прибытку очистится. А спину наломал здорово, и извозчик четыре рубля содрал.

— Видать, извозчик твой не дурак. Догадался, что ты с Марьи Егоровны эти четыре рубля вернешь.

Васенька с сомнением оглядел огромную фигуру хозяйки. Он уже не раз продавал Марье Егоровне случайно и не случайно достававшиеся ему вещи и был глубоко убежден, что скупщица наживает на этом деле и что свои четыре рубля он обратно не получит. Но говорить об этом не хотелось. Он знал: ссориться с Марьей Егоровной опасно, потому что рука у нее была не легче руки хорошего молотобойца. А сам Васенька был худой и тощий.

Поэтому Васенька своих соображений вслух не высказывал, предпочитая продать корзину и исчезнуть.

Чтобы ускорить продажу, вор пустился на старую простую хитрость.

— Не знаю, хозяйюшка, придется ли мне с вас деньги получать. Я с одним человечком сговорился: он все вещи чохом берет. Разрешите, Марья Егоровна, пусть корзина с чемоданом полчасика у вас постоят, а я одним духом за покупателем сбегая. Он в пивной дожидается.

Скупщица подозрительно прищурилась, но Васенька так решительно повернул к двери, что она поверила ему. Могучим прикосновением руки она остановила гостя:

— Зачем на сторону продавать? Обжулят тебя, Васька.

Сердце у вора ёкнуло от радости. «Ключуло», — подумал он. Но на лице изобразил нерешительность.

— Не обжулит. Небось — старый приятель и при деньгах сейчас. Хорошую цену дает.

— Нет, — решительно сказала Марья Егоровна, — в пивную попадешь, до утра не вылезешь, а мне некогда твои вещи стеречь!

— Я в пивную и не зайду, только в окошко стукну, приятеля вызову и — бегом обратно.

Васька рассчитал правильно. Хитрость удалась: скупщица не хотела выпустить добычи.

Но Васенька переборщил. Он, закулив папироску, сунул-ся опять к двери.

Его упрямство рассердило Марью Егоровну.

— Пошел вон со своей дрянью! А я твое краденое стеречь не буду.

Марья Егоровна кротостью права вообще не отличалась, а вспливав, себя вовсе не помнила. Мощной рукой она рванула корзину за крышку.

В корзине лежало скрючившееся, залитое кровью человеческое тело.

— Ты... ты... зарезал человека... и ко мне хотел сплавить... — белыми от ужаса губами зашептала Марья Егоровна.

— Не я! Не я! Лопни мои глазыньки! Разрази меня!.. — залепетал вор.

Но от этого жалкого лепета Марья Егоровна пришла в ярость. Она зычно закричала и затрясла Васеньку.

— В пивнушку сбегать?! А меня, бедную, слабую женщину, с мертвецом оставить!.. А? Так я же тебе покажу, зараза проклятая!

Через пять минут растерзанная Васькина гармонь лежала среди обломков мебели, на площадке перед дверью валялась серая примятая кепка, а клочья клешей болтались на всех острых углах вплоть до самых ворот.

А по улице, в сопровождении гогочущей толпы, Марья Егоровна волокла в милицию обалделого, почти несопротивляющегося Васеньку.

Когда через четверть часа агент угрозыска переступил порог комнаты и взглянул на разгром, на следы Васенькиного избиения, он с уважением сказал:

— Ну и ручки у вас, гражданочка!

И вошел, осторожно ступая через опрокинутую и поломанную мебель.

— Ну, а где же труп?

Но Марья Егоровна стояла с раскрытым ртом: трупа не было. Правда, осталась корзина. Она лежала на боку, и из нее медленно вытекал густой и зловещий красный сок.

Агент угрозыска наклонился, осторожно дотронулся до алого сока, понюхал свой палец и, слегка улыбнувшись, облизнул его.

— Вишневое варенье, — сообщил он громоздившейся за дверью толпе.

И уже строго и сухо обратился к ошеломленной Марье Егоровне:

— Ваша фамилия, гражданка? Имя? Род занятий?..

ГЛАВА XII

Если тронешь насекомое, оно притворится мертвым. Это инстинкт.

Как мертвый лежал и Витя.

Перед этим его волочили вниз головой по лестнице, и он с испугом принял обливавший его вишневый сироп за свою кровь.

Витя смутно понимал, что попал в бандитский притон, и когда Марья Егоровна вместе с Васенькой исчезла за дверью, он решил удрать и выскочил из корзины.

Где-то капала вода. Витя выглянул за дверь — там была кухня. Мальчик вымылся под краном, затер мокрой тряпкой варенье на своем платье и огляделся, соображая, как бы половчее улизнуть. На цыпочках зашел он снова в комнату и увидел в углу знакомый кожаный чемодан. Он вспомнил, что профессор спрятал туда бумаги и деньги.

Витя выглянул на лестницу. Пусто. Все соседи побежали вслед за Марьей Егоровной и ее пленником. Но было слышно, как во дворе гудела толпа.

«Ох, задержат, — подумал Витя. — С тобой не удрать, — обратился он к чемодану. — Как же открыть тебя без ключа? Жаль мне тебя, а придется тебя взрезать».

Витя вынул из кармана нож и быстро распорол чемодан. Еще минута, и пакет с деньгами и документами перекочевал в его карман.

Витя благополучно спустился с лестницы, протиснулся сквозь толпу и быстро скрылся за воротами.

Ему чудилось, что за ним погоня, и он сворачивал из улицы в улицу, из переулка в переулок, пока, запыхавшись, не прислонился к какой-то стене. Была уже ночь.

До утра просидел Витя, забившись между двумя грязными домишками, без сна, в размышлениях о том, как найти профессора и Костю.

«Поищу по гостиницам», — решил Витя.

Утром он отправился на розыски.

В этот день милиция спозаранку уведомила профессора о том, что его вещи найдены в доме по Болотной улице.

Клавдий Петрович прямо, как был, в ночных туфлях помчался туда. Но в истерзанном чемодане, кроме своих рубашек и костюма, профессор ничего не нашел.

Клавдий Петрович ясно припомнил, как он при мальчиках укладывал в чемодан сверток с деньгами. Профессор ни в чем не упрекнул Костю, не сказал ничего об его товарище, но как будто на десять лет постарел.

«По его вине экспедиция, — удрученно думал он, — оказалась в безвыходном положении», — и эта мысль угнетала старика.

Молча вернулся Клавдий Петрович с Костей из милиции, молча стал неловкими руками рассовывать вещи из погибшего чемодана по остальным сундукам.

Костя загрустил. Наконец он не выдержал молчания и дотронулся до руки Клавдия Петровича..

— Пожалуйста, не думайте скверно о Витьке... Он не мог, уверяю вас, он не мог украсть общественные деньги!

— Я верю тебе, мой мальчик, — вздохнул профессор, — но мне очень тяжело.

И, видя, что Костя мучается, прибавил ласково:

— Ну, ничего не поделаешь, пойдем завтракать.

Костя заботливо осмотрел профессора.

— Клавдий Петрович, вы туфли ночные снимите. Где ваши ботинки?

Ботинки с раннего утра стояли вычищенные в коридоре за дверью. Костя принес их. Клавдий Петрович сунул ногу в ботинок, — нога не влезала. Профессор попробовал натянуть второй ботинок, но и эта попытка была неудачной.

— Какой дурак набил мои башмаки бумагой? — с сердцем сказал Клавдий Петрович.

— Что такое? — произнес он с изумлением, вытаскивая из ботинок деньги и документы.

Костя стремглав бросился в коридор и нос к носу столкнулся с пропавшим товарищем.

Лицо Вити сияло. Подложив деньги в ботинки, мальчик поступил как настоящий герой самого заправского приключенческого романа.

— Сумасшедший! — тряс его Костя. — А вдруг сперли бы опять!

— Я из-за угла глядел!

Завтракать пошли втроем. Ребята ели и болтали, болтали и ели. Через десять минут Клавдий Петрович узнал и о Витиных приключениях, и о чудесном зерне, и о Халиме.

Только в одном не сознались ребята — не рассказали, откуда они: боялись, что Клавдий Петрович отправит их обратно. Но профессор покусывал жиденькую бородку и одобрительно помаргивал сквозь выпуклые стекла очков.

— Ну, ладно, — сказал он под конец, — похлопочу. Может быть, оба поедете.

ГЛАВА XIII

Тяжелый «Восток» нырял на зеленых волнах Каспия. Сначала носом вверх пароход взбирался на гребень волны, потом носом вниз летел по склону водяного холма, а корма вздымалась и глядела в небо.

Каспийское море ревниво сторожило путь в Азию, не хуже сказочного дракона. Почти все пассажиры лежали вповалку, измученные качкой. Немногие счастливицы любовались зелеными кипящими волнами и ярким блеском неба.

Костя всю дорогу был болен. Профессор тихо стонал на койке. А Витя, балансируя на палубе, с жадностью старался уловить вдали смутный очерк азиатского берега. Но когда впереди затемнелась долгожданная полоска земли, он с сожалением взглянул на сердитое взлохмаченное море.

Желтые, измученные пассажиры выползли на пристань. Костя с нежностью глядел на неподвижную старую землю. Правда, и теперь ноги его тряслись и как бы разъезжались, но с каждой минутой становилось легче.

— Клавдий Петрович, — с упреком обратился он к зеленому, как антоновское яблоко, профессору. — Зачем вы решили ехать морем? Ведь и вас укачало до полусмерти.

— Да, — смущенно сознался Клавдий Петрович, — теперь я припоминаю, что на море меня всегда укачивало. Нужно записать, чтоб не забыть в следующий раз.

Наши путешественники перебрались с вещами на вокзал. Отсюда открывался прекрасный вид на Каспийское море, но Клавдий Петрович уселся так, чтобы не видеть спокойных волн. Мальчики ушли гулять по городу. Но Красноводск им показался неинтересным. Тихо, глухо. Нет ни исторических памятников, ни садов, ни фабрик.

Побродив по городу, товарищи вернулись на вокзал.

Поезд, не торопясь, начал отмеривать дорогу. Мальчики глядели в окно. Перед их глазами колыхалась печальная степь. Безводный край.

На тысячи километров — питьевая вода, солоноватая, густая, задыхающаяся на дне колодцев.

Живая вода рек — Атрека, Теджена, Мургаба и тех нескольких ручьев, что текут с горного хребта Копед-Дага, разобрана, уведена в оросительные каналы, тщательно распределена по всему краю, потому что вода здесь дороже всего, часто дороже человеческой крови.

Настоящих рек на всем пространстве до Мерва — только три, немного и ручьев.

За редкими пятнами зелени, за орошенной землей, наконец за степью, то глинистой, то солончаковой, грозно улеглась пустыня.

У моря морщились дюны — ровные, длинные гряды песка. Дальше шли бугристые пески, покрытые тощей растительностью. И наконец начинались барханы: подковообразные высокие песчаные насыпи. Бесперерывно осыпались они при дуновении ветра и, как живые, передвигались ветром с места на место.

Было лето, и степь омертвела от долгого зноя. Мальчики знали по рассказам Халима, что весной, после дождей, все огромное степное пространство, чуть ли не в несколько

часов, расцветает розовыми, алыми, синими и желтыми красками. Растения торопятся прожить свою короткую жизнь.

Но теперь удушливый летний зной застилал весь край, мутная пыль взвивалась по ветру, а зелень свернулась черными струпами.

Проехали станции Джебел и Кзыл-Арват, проехали раскаленный Ашхабад.

Наконец показался белый Мерв.

Мальчики-разносчики звонкими голосами предлагали на станции холодную воду, душистые фрукты и сладости на бараньем жиру.

— Ну, вот и товарищ Веселов, — сказал профессор и замахал рукой. — Иван Викентьевич!

— Наконец-то! — и Веселов потряс руку Клавдию Петровичу. — Здоровы? Благополучно? Где же Мирзаш?

— Вот, — профессор указал на Витю и Костю.

— Вы что ж, — своего старика в двух молодых парнишек превратили? — рассмеялся Веселов.

— Ногу сломал Мирзаш... А ребята ничего... хорошие. Возьмете их? — просительно заморгал сквозь стекла очков профессор.

Веселов улыбался, но взгляд его стал серьезен и внимателен. Мальчики украдкой и с тайным страхом поглядывали на него: этот человек решит их судьбу.

На загорелом лице лежал отпечаток здоровья. Серые глаза смотрели ясно и зорко. Никакие занятия не могли испортить зрение Веселова, и товарищи шутя уверяли, что он никогда не пользуется микроскопом.

Сын железнодорожного мастера, Иван Викентьевич, чуть не с детства боролся за жизнь, бегал по урокам и голодал, но за науку держался, крепко.

Еще в 1917 году, когда Веселову было девятнадцать лет, его на втором курсе Московского университета уже считали «подающим блестящие надежды».

В 1918 году Веселов взял в руки винтовку и только в 1923 году сдал ее вместе со своей красноармейской шинелью.

Но все эти пять лет войны он таскал за собой растрепанные университетские книги, и учебный курс входил в его память на редких роздыхах, входил несвязно, сумбурно, зато крепко-накрепко.

И практически он не прерывал работы.

Скрываясь в Кавказских горах от белых, бродя неделями в сибирской тайге, в зеленой плесени белорусских болот, у синего моря за взятым Перекопом, — всюду Веселов урывками наблюдал жизнь птиц, рыб, четвероногих, гадов и вел записи. А когда лежал раненый в лазарете, приводил в порядок свои наблюдения и отсылал записки отцу.

Закончил красноармейскую службу, и тогда заметки, написанные на клочках бумаги карандашными огрызками, стали переписываться в аккуратную тетрадь. Веселов вернулся в университет и вновь принялся за зоологию. Он уже с успехом принимал участие в двух экспедициях. Теперешняя экспедиция была третья по счету.

Но ничего этого мальчики не знали.

Для них товарищ Веселов был человек неведомый. Может быть он отнесется к ним недоверчиво, даже враждебно.

Пришлось снова рассказывать все то, что уже знал и наполовину успел позабыть профессор. Клавдий Петрович запомнил хорошо только историю пропавшего багажа.

Профессор ходатайствовал. Он даже ворчал. Он, наконец, клялся, что сам откажется от работы, если в экспедицию не будет зачислен спаситель его чемодана.

Но Веселов не сказал им ни да, ни нет. Он обещал обдумать и настаивал на том, чтобы ребята назвали себя.

Однако мальчики побоялись, что Веселов отправит их обратно в Ковыли, поэтому они упорно отмалчивались.

— Не сказать ли? — нерешительно предложил Костя.

— Не поеду обратно! — категорически заявил Витя. — Пусть в детдом нас сдает. Оттуда удерем в два счета. А если отца выпишет, значит крышка-

Тут Витя свирепо нахмурился.

— Ты думаешь, легко мне было отца бросить? А во второй раз, — он закусил губу, — во второй раз, пожалуй, ре-

шимости не хватит.

* * *

На другой день Иван Викентьевич проэкзаменовал ребят.

Через два дня была назначена первая вылазка экспедиции.

Клавдий Петрович направлялся в Старый Мерв, где нашли летопись Дзе Ци-ю, а Веселов и Тышковский уезжали в другую сторону к ближайшим туркменским аулам.

Поэтому оба приятеля лезли из кожи вон, чтобы выдержать экзамен. Костя и Витя усердно переводили Веселову разговоры с узбеками и туркменами, помогали упаковывать багаж, упражнялись в стрельбе и стряпали. Иван Викентьевич заставил мальчиков выложить весь их запас знаний по агрономии и географии, весь их опыт по зоологии и ботанике.

Мальчики отвечали, сбивались, поправлялись, снова путались и пытливо глядели на Веселова. В их глазах было безмолвное: «Возьмешь или не возьмешь?»

Но Веселов, казалось, не торопился. Он занялся почему-то просмотром старых газет, писал письма и телеграммы.

Жестокое лето стояло над городом, и даже многочисленные арыки — канавки с проточной водой — не могли умерить зной. Глиняные домишки выходили слепой стеной на узкие грязные переулки. За «дувалами» — глиняными заборами — были крохотные дворики обязательно с несколькими деревьями и струйкой воды, текущей из одного двора в другой, от соседа к соседу. Окна и двери жилищ глядели в эти внутренние дворы.

Костя и Витя тоскливо бродили по извилистым переулкам. Их терзало беспокойство: скоро ли и как решит Веселов.

Прошел еще один томительный день.

Наконец Иван Викентьевич согласился.

Витю и Костю официально зачислили в состав экспедиции.

ГЛАВА XIV

Мерв — почти последний оазис в той полосе цветущей земли, что тянется вдоль подножья горного хребта Копед-Даг. За рекой Мургабом, подле которой находится Мерв, и вплоть до системы каналов Аму-Дарьи тянется продолжение большой пустыни — Кара-Кум, что обозначает по-тюркски — черные, злые пески.

Хлопок, хлеб, сады и бахчи — все это есть только там, куда может добежать или доползти речная вода. Туркестанские реки мчатся у своих истоков мутными горными потоками, но чем дальше, тем медленнее их путь. Земледельцы задерживают их плотинами и направляют по каналам — арыкам, сначала широким и многоводным, а после разветвляющимся на сеть узких канав.

Драгоценные скупые водяные струйки подползают к хлопковым кустам, к виноградным лозам, к полям. А река — та самая, что скатывается, бурля и пенясь, с горных ледников, — ползет едва-едва, как полураздавленный червяк, и наконец, теряется в песках. А вместе с последней влагой исчезает обычная жизнь, и вступает в свои права страшная враждебная людям пустыня.

Там Иван Викентьевич хотел наблюдать незнакомую человеку жизнь пустыни, а Тышковский собрался посетить туркменские аулы, расположенные на границе Мервского оазиса.

Поэтому экспедиция разделилась на две группы: Клавдий Петрович с Костей уехали в Старый Мерв, остальные отправились верхом в аулы.

Витя был очень доволен тем, что поехал с Веселовым, а не с профессором. Ему совсем не хотелось копаться в грудах старых кирпичей, какой мысленно называл Старомервские раскопки..

Уже недалеко от Мерва дорога окунулась в пески. Колodцы с затхлой водой лишь изредка попадались на пути. Сухим, знойным дыханием встречала пустыня. Вся даль была затянута легкой дымкой. Песчаные холмы, иногда в пятнадцать метров вышиной, закрывали горизонт. Путешественники то поднимались, то снова спускались по песчаным валам.

— Ну, что, брат, тебе как будто не очень нравится путешествие? — спросил Веселов Витю.

Мальчик ответил кисло:

— Нн-нет — ничего...

— Да ты правду скажи!

— Тоска здесь: мертвечина! — воскликнул Витя. — Кроме нас, нет ничего живого .

— Напрасно ты так думаешь. Глянь-ка!

Из-под копыт лошади метнулся желтовато-бурый комок, трепыхнулся и взлетел крошечной — меньше воробья — птичкой.

— Это местная певунья — славка пустынная. Видишь там, в кустарнике, джужуне, вероятно, спрятано ее гнездышко. А теперь прислушайся!

Витя насторожил уши и услышал нежное щебетание. Это был голос пустынного жаворонка. Витя старательно присматривался, но тщетно: он не мог найти певца, желтовато-серого, как и песок. Зато мальчик увидел на гребне песчаного бугра довольно крупную ящерицу.

— Как она называется?

— Круглоголовка ушастая. «Ичкемер» по-местному. Ты вот попробуй тихонько приблизиться к ней.

Витя осторожно направил лошадь к ящерице. Животное не убежало. Но когда Витя был уже близко, ящерица широко открыла рот. Складки кожи около рта набухли и раскрылись ярко-розовым зубчатым веером, втрое увеличивая пасть ящерицы. Ичкемер надулся, зашипел.

Вид у него был настолько злобен, что Витя дернул в сторону лошадь. В ту же секунду ящерица нырнула за песчаный бугор.

— Какое страшилище! — воскликнул Витя.

— Совершенно безобидное животное, — ответил Веселов. — Эти «движения угрозы» да быстрое зарывание в песок — единственные средства ичкемера для защиты. Но знаешь, что самое интересное в этой ящерице? То, что ичкемер видит не только по сторонам, но и наверху над собой. Если тихонько подкрасться сзади к дремлющему ичкемеру и поднять над его головой прутик, то ящерица немедленно повернет свою неуклюжую голову, которая вертится как будто на шарнире, и будет рассматривать прутик. Но ведь глаза-то у ичкемера смотрят только в стороны, потому что сверху над ними выступает край лба! Как же ичкемер заметил поднятый над ним прутик?

— Слух, что ли у него такой хороший?

— Дело не только в слухе. На темени у ичкемера находится третий глаз — теменной.

— Шутите, Иван Викентьевич! Это в сказках змеи трехглазые бывают.

— Нет, я серьезно говорю. Когда-то у тех далеких предков ящериц, которые хозяйничали на земле и давно вымерли, у тех огромных ящериц нередко было по три глаза. Этот третий глаз был так же хорошо развит, как и первые два. Но у пра-правнука этих древних ящеров, у теперешнего ичкемера, остался на темени лишь светлый стеклоподобный пузырек, напоминающий своим строением глаз. Не все ученые согласны в том, что ящерица может им видеть. Но последние исследования доказывают, что может.

— Ах, Иван Викентьевич, я обязательно наловлю этих ичкемеров, и мы рассмотрим, видит он или не видит третьим глазом.

— Непременно. Да и кроме ичкемеров найдем кое-кого. Пустыня далеко не так мертва, как ты предполагаешь. Крупных млекопитающих здесь действительно мало, немного и птиц, но зато ящериц, насекомых и змей в песках водится невероятное количество, а в степных пространствах очень много и грызунов.

— Но я ничего этого не вижу.

— Потому что все животные пустыни по закону мимикрии окрашены в защитный цвет.

— Мимик...?

— Мимикрия — это явление природы, когда животные по форме и окраске сливаются с окружающей средой. Иногда это служит для того, чтобы незаметно подкрасться к добыче, чаще для того, чтобы скрыться от врагов. Полосатый тигр, незаметный среди тростниковых зарослей, зеленая гусеница на листке и вот этот серо-желтый пустынный жаворонок — все проявление мимикрии.

Иван Викентьевич был прав. Как только настала ночь и путешественники сделали привал у колодца, а Витя развел из веток саксаула свой первый костер в пустыне, воздух ожил, зашевелился, зажужжал и запищал. Насекомые, которые днем прятались в песках барханов, поползли, полетели, побежали на свет костра. Крохотные и большие, крылатые и бескрылатые они залезали в волосы, в рукава, под платье.

Витя ловил маленьких надоедливых врагов. Иван Викентьевич отбирал самое интересное, потому что для всей добычи не хватило бы ни коробок, ни бутылок, ни банок, которые были в багаже экспедиции.

С отвращением вытряхивая из своей рубашки жуков, Витя спросил Веселова:

— Иван Викентьевич, зачем это у них на лапках волосики пучками растут?

— Ишь, какие глаза у тебя зоркие, — заметил Веселов. — Эти пучки волос спасают жуков от врагов. Жуки, как венериком, разгребают ими песок и зарываются в него. У некоторых жуков ноги вооружены зубцами вроде лопаток.

— Значит, специальные ноги — на заказ? — рассмеялся Витя.

— Вот именно, на заказ. Вообще советую обратить внимание на ноги жителей песчаных пустынь. У мелких животных, грызунов — те же мохнатые пучки волос и крепкие когти, чтобы быстрее зарываться в песок. У некоторых животных широко расставленные пальцы соединены кожей, у других на пальцах есть роговые гребешки, и животные бегают, как на лыжах, не проваливаясь в зыбком песке. А из крупных животных самый приспособленный для жизни

в пустыне — верблюд.

— О, я знаю, иногда люди в пустыне надевают обувь из цельной верблюжьей лапы, вместе с копытом и кожей.

— Совершенно верно. У верблюда необыкновенно широкие копыта; он ловко шагает по песку. В некоторых местах туркестанские пастухи пользуются «верблюжьими башмаками». Но откуда ты это знаешь?

Витя не отвечал. Иван Викентьевич решил, что мальчик засыпает. Подбросив в огонь веток, Веселов лег рядом с давно спавшим Тышковским.

Но Витя не спал. Он вспомнил о том, что про верблюжью обувь когда-то рассказывал Халим, вспомнил о Ковылях, об отце...

А тут песок, и в нем тысячи жуков. Даже Кости нет около. Вите взгрустнулось, но он успел лишь раз глубоко вздохнуть и крепко уснул.

ГЛАВА XV

«Милый Костя, три дня живу в кибитке, наш хозяин ухаживает за нами, кормит, — нет, не кормит, а откармливает, словно собирается нас зарезать на обед. И поит нас знаменитым «кокчаем». Ты уже пробовал в Мерве этот зеленый чай. Ну, уж и дуют его здешние жители! Я не могу сладить с его непомерным количеством. Вдобавок я разбил три «пиалы»: ужасно неудобно пить из этих чашек без ручек. Настоящие полоскательницы!

Вчера утром я здорово напугался: ко мне в постель залезла фаланга. Я заорал во всю глотку. Четверо черноглазых малышей, которые до сих пор смирно меня рассматривали, присоединились ко мне. Они тоже испугались паука. Иван Викентьевич говорит, что фаланги не ядовиты. Я ему верю, но что за мерзкая наружность у них! Кажется, все туркмены их любят не больше моего. По крайней мере, у Алтун-Башика — нашего хозяина — был такой вид, словно ему хотелось подобрать повыше халат и вскарабкаться

на шкаф.

К сожалению, шкафов здесь нет; убранство туркменской кибитки: кошмы, ковры, подушки, одеяла. Все это лежит на полу. Столики такие низенькие, что можно есть чуть ли не лежа на животе. Свои парадные платья туркмены прячут в сундуки. Как видишь, очень высоко не влезешь не только от фаланги, но и от ядовитого паука-каракурта. А каракурт ядовит, — с этим согласен и товарищ Веселов.

Тышковский бродит по аулу, обмеряет жителям головы, рассматривает их жилища, их сельскохозяйственные орудия и расспрашивает стариков об их дедушках и прадедушках. Я у него за переводчика.

Иван Викентьевич почти все время проводит в охоте за всякой всячиной. Он уверяет, что тут водятся антилопы — сайги, каракуйрюки — животные вроде диких коз, а также дикие ослы — куланы. Все эти животные такие проворные, что не поленятся за сотню километров прибежать на водопой. Только такие быстроногие животные и могут жить в здешних сухих местах.

Может быть, из-за их проворности я до сих пор и не видел еще даже кончика хвоста дикой козы.

Кроме таких скороходов, в здешних местах могут существовать животные, которые почти не пьют и не потеют. Поэтому здесь уйма пресмыкающихся, у которых нет потовых желез и которые почти не теряют внутреннюю влагу. Вот лягушка, которая потеет, не может здесь жить, и я ей вполне сочувствую. Здесь так жарко, что дождь испаряется прежде, чем успеет коснуться раскаленной земли. Впрочем, дожди летом бывают очень редко.

Растения приспосаблиются — не хуже животных — к местному климату. У некоторых нет листьев, чтобы не испарялась влага, а вместо листьев у них чешуйки или колючки. Один только верблюд ест эти колючки. У других растений есть маленькие листочки: например, у здешней акации. Ее называют «заячья кость» — куян-сюек — из-за очень крепкой древесины. Листочки ее покрыты пухом, который задерживает испарение. А некоторые растения сохраняют вла-

гу, потому что их зелень покрыта налетом соли или летучего масла.

Куян-сюек еще интересна вот чем: когда ветер выдует песок из-под ее корней, дерево склоняется верхушкой до самой земли, пускает новые корни и переселяется на другое место.

А кустарник «кандым» пускается на такую хитрость, чтобы его не засыпал песок: редкие веточки у него настолько широко расставлены, что песок проходит сквозь «кандым», как сквозь растопыренные пальцы.

Все эти растения — верблюжья радость, а для человека они хороши тем, что своими корнями задерживают движение песка, которого здесь невероятное количество. Я спрашивал Ивана Викентьевича, отчего это. Он говорит оттого, что здесь летом жара доходит до 60 градусов, а зимой — лютые морозы в 40 градусов. При таком режиме ни одна горная порода не может выдержать и рассыпается в песок и пыль, а ветер носит пыль по всему краю, пока ее не задержат горы или высокие деревья оазиса. Тогда пыль оседает и уплотняется в плодородный лёсс. Земля здесь богатая.

Здесьние жители разводят хлопок — это ты сам знаешь. А полей здесь почти нет. Туркменам гораздо выгоднее разводить на орошенной земле хлопок. В Узбекистане полей больше, так как там и воды больше. Зато здесь разводят очень много овец. Сейчас они кормятся в горах, а через месяц их пригонят обратно к аулу.

Я видел, как из овечьей шерсти туркменки делают ковры. Здесь в юртах попадают ковры, которым по сто и по двести лет, а краски на них так и горят. Такими коврами хозяева очень гордятся, и немудрено: ведь их ткут годами, краску для них готовят специальную, которая не выгорает, не линяет, а шерсть для ковров берут от самых лучших овец.

Спрашивал я и так и этак про нашу пшеницу. Никто ничего не знает. Все-таки я взял отсюда образцы зерен: может быть пригодятся»...

На этом месте Витя остановился, облизнул карандаш и хотел продолжать. Он сидел в кибитке, свет в которую проходил через отверстие в потолке. Было слышно, как в ауле лаяли собаки, кричал осел, разговаривали на улице люди. Из-за спущенной над входным отверстием кошмы раздался голос Тышковского:

— Время!

Так как Тышковский говорил не чаще трех раз в сутки, то следовало обратить внимание на его слова.

Витя приподнял кошму, выглянул наружу и увидел: Алтун-Башик сидел верхом на крохотном ослике, а следом за осликом тянулись десяток верблюдов с грузом хлопка.

Алтун-Башик недавно стал разводить новый улучшенный сорт хлопка. Соседи с любопытством целый год ждали, что у него выйдет, и Алтун-Башик чувствовал себя все время не слишком хорошо. Теперь он, гордый, спокойный, чуточку насмешливый, вез на рынок пышный хлопковый пух, который был вдвое лучше старого привычного сорта.

Витя передал сложенный вчетверо исписанный листок бумаги Алтун-Башику, который положил письмо в «наскладу» — тыквенную табакерку, болтавшуюся у пояса и маленький караван скрылся за кибитками аула.

ГЛАВА XVI

С ружьем для зверья и сачком для насекомых Веселов неумоимо бродил то по песчаным буграм, заросшим редким кустарником, то среди барханов, дымящихся пыльным облаком при малейшем движении воздуха. Витя, как тень, следовал за ним.

То один, то другой туркмен сопровождал их в этом бродяжничестве, так как иначе они рисковали заблудиться. Часто приходилось ночевать где-нибудь у степного колодца или разводить костер между песчаными холмами.

Саксаул, твердый, как железо, горел ярким пламенем. Это дерево пустыни дает изумительный уголь. Под пеплом

костра через два и даже через три дня находят тлеющие угольки, — так медленно и горячо горит саксаул.

Узловатые, покрытые вместо листьев серыми чешуйками, ветви саксаула не похожи на яркую зелень европейских деревьев. В зарослях саксаула нельзя найти прохлады: наоборот, воздух там застаивается, становится душным и нестерпимо знойным. Ветер не шелестит листьями, и только слышно, как песчинки ударяют о корявые стволы..

Но саксаул в пустыне — лучший друг людей. Не только важно то, что он дает прекрасное топливо, — еще важнее, что своими корнями он связывает зыбучие пески, точно железными скрепами охватывает барханы и не позволяет им передвигаться с места на место. Там, где люди нерасчетливо уничтожают саксаул, пустыня побеждает: пески начинают передвигаться с места на место и засыпают оазисы.

От ходьбы и лазанья по зыбучим холмам у Вити болели руки и ноги, ломило спину. Но зато росли запасы «всякой всячины».

Ивану Викентьевичу удалось подстрелить дикую степную кошку «манул». Убитый зверь был вдвое больше самой крупной домашней кошки, с необыкновенно нежной, серой, в темных полосах шерстью и пушистым хвостом.

Иван Викентьевич показал Вите, как надо снимать шкуру. Ободранный остов бросили в стороне.

Ночью Витя растолкал Веселова:

— Иван Викентьевич! А Иван Викентьевич! Кто это смеется там?

Веселов приподнялся. Пронзительный вой раздавался вперемежку с хохотом. Туркмен лениво пробормотал сквозь сон:

— Ничего! Это гиена падаль жрет.

Действительно, к утру от манула не осталось даже косточек. Гиены, смеясь и плача, скрылись в норах. На одну из таких нор наткнулся Витя, когда разыскивал ускользнувшую ящерицу.

Витя сунул в нору ружейное дуло. Раздался сердитый вой гиены. Безобразная, точно пришитая к туловищу, голова животного высунулась из норы. Длинные конусооб-

разные зубы со страшной силой сжали ствол ружья. Витя машинально спустил курок. Гиена дернулась и больше не шевелилась.

— Посмотрите, Иван Викентьевич, — сказал Витя, выдергивая ружье из судорожно сжатых челюстей, — она почти прокусила ствол ружья.

— Не удивительно, — ответил Веселов, помогая Вите вытащить трофей охоты, — гиена с такой же легкостью раскусывает бедренную кость быка, как собака куриную лапку. Но удивительно то, что гиена решилась высунуться из норы. Обычно она прячется в самый дальний угол своей берлоги и предпочитает не встречаться с человеком.

Витя нагнулся к отверстию норы. Оттуда шел резкий и тошнотворный запах падали.

— Бррр... какая дрянь!

— Да, гиены падки на тухлое мясо. Они часто разрывают могилы и пожирают трупы. Но есть от гиен и польза: в Африке, во многих селениях, эти отвратительные животные, как единственные санитары, уничтожают падаль, нечистоты, отбросы.

— О, — воскликнул Витя, который заглядывал во внутренность норы, — теперь я понимаю, отчего наша гиена не спряталась! Она защищала детеныша.

В глубине норы блестели две точки. Перепуганный детеныш прятался в дальнем углу. Решили разрыть берлогу. Несмотря на ужасный запах, Витя работал с упоением: ведь это он убил гиену и нашел детеныша.

На щенка набросили одеяло. Он визжал, кусался, царапался, но его все же доставили в аул и посадили в клетку к великой радости всех ребятишек.

Веселов просил ребят, чтоб они не мучили маленькую гиену, которая предназначалась в подарок московскому зоологическому саду.

Но к огорчению Вити, когда он и Иван Викентьевич дня через два вернулись из очередной разведки, маленькой гиены уже не было. Она ночью прогрызла деревянный пол клетки, вышла на свободу — и ее разорвали собаки.

Утешились остальной добычей: насекомыми и животными. Особенно удачной была ловля ящериц.

Иван Викентьевич раздобыл самые различные экземпляры этих юрких и ловких созданий, начиная крошечными «пустынными гологлазами» красивого бронзового цвета и кончая уже знакомым Вите ичкемером. Вите очень нравился туркестанский хамелеон или агама. Это довольно крупная ящерица, ловко лазающая по ветвям кустарников. Когда Витя дотрагивался до нее, агама сейчас же меняла желто-серый цвет на ярко-синюю окраску и этим приводила Витю в восхищение.

За дни непрерывной работы на свежем воздухе под горячим солнцем Витя исхудал и загорел. Рыжие волосы его блестели золотом, глаза сверкали от удовольствия, а карманы топырились от образцов пшеничных зерен. Каждый образец был завернут в бумагу, на которой красовалось название аула, где сеяли этот сорт.

Но Витя уже меньше мечтал облагодетельствовать мир новой пшеницей и меньше желал прославиться: вопрос о «чудесном зерне» отодвинулся в сторону, хотя Витя еще не вполне сознавал это.

Желанными стали дни среди золотых песков, среди незаметных жизней, среди животных, которых нужно было отыскать, словить, засадить в ящики для коллекций, а потом включить в подробное описание пойманной добычи. Витя с наслаждением думал о том, что впереди ждет их еще много интересного и неожиданного.

Экспедиция, нагруженная первым «урожаем», возвращалась в Мерв.

ГЛАВА XVII

— Завидуешь! Завидуешь!

— Да иди ты в болото, отстань!

Костя, сердясь и смеясь, отбивался от Вити, а Витя тормозил товарища, приговаривая:

— У-у, завидующая твоя душа!

Поезд рассекал раскаленную туркестанскую муть. Мерв со всеми зелеными оазисами Мургаба остался позади, и лишь мертвые унылые пески струились вдоль вагонов. Путешествие превращалось в пытку. Пассажиры сидели распаренные, покрытые слоем едкой пыли и обессиленные настолько, что теряли способность разговаривать.

Одни только мальчишки азартно спорили.

— Прозевал аулы и охоту в пустыне, — дразнил Витя, — завидуешь!

— Есть чему завидовать! Стоило столько времени таскаться по пескам, чтобы наловить сотню пауков и тараканов, — отгрызался Костя.

— Ну, а манул?

— Вот еще! Ободрал хозяйскую кошку и хвастаешься!

— Хозяйскую! — негодовал Витя. — А гиена?

В ответ Костя недоверчиво подмигивал, словно был уверен, что и гиена была не настоящая.

Поезд шел на северо-восток через Чарджуй, Бухару, в Самарканд, где экспедиция рассчитывала пробыть некоторое время, прежде чем выехать в Ташкент.

За Чарджуем промелькнули под мостом мутные воды Аму-Дарьи, которая берет начало среди ледников «крыши мира» на Памире. Мелькнула и исчезла вдали Бухара, и вот опять потянулись зеленые сады и бахчи, пестреющие дынями и арбузами.

Вот и Самарканд.

Прохлада садов, ослепительные краски неба, цветов, пестрых халатов и фруктов — все это сразу восхитило утомленных путешественников и заставило забыть об усталости.

— Что за город! Ах, что за город! — бормотал Витя, когда он вместе с Костей и Тышковским пробирался через толпу на площади. Это была знаменитая площадь — «Ригистан», одно из красивейших мест, созданных художественным гением человека. Три мечети, сверкавшие узорами мозаик, делали эту площадь прекрасной. Недаром Самарканд издавна называли жемчужиной Зарявшанской долины.

Даже Тышковский, довольно равнодушный к архитектуре прошлых веков и больше интересовавшийся нынешними глинобитными домами и юртами Туркестана, — даже он был тронут этой чудесной картиной и сказал «длинную и выразительную» фразу:

— Хорошо!

— Красивый край, — прибавил Витя, — для него тысячу километров отмахать не жалко. Жалко только, что я ничего об этом крае не знаю, кроме того, что он доставляет хлопот, и существует эта земля благодаря искусственному орошению.

— Ага! Вот ты, братец, не знаешь, а мне, пока ты жуков с Иваном Викентьевичем ловил, профессор об этом рассказывал да рассказывал.

— Знаю! Он так говорил, — Витя сморщил лоб, по-птичьи нагнул на бок голову, заговорил тонким голосом и вдруг сразу стал похож на Клавдия Петровича: «О, Азия! Великая золотая колыбель человечества! О, великая страна, давшая миру все злаки и всех домашних животных, начиная от северного оленя и собаки, кончая курицей и слоном!» Заметь, Костя, — всех домашних животных, за исключением кошки и осла, родина которых Африка.

— Ну, я думаю, что некоторые ослята являются в Азию не из Африки, а прямо из наших совхозов!

— Ишь ты, заноза! Ну, радуйся: сейчас и я завидую твоим сведениям!

— Завидовать нечего. О животных ты, конечно, от Ивана Викентьевича узнал, а я тебе с удовольствием расскажу то, что мне профессор говорил.

Костя зажмурился и медленно, как бы вспоминая затверженный урок, начал:

— Ты правду сказал, что Азия — родина человечества. Здесь же явились и первые науки и ремесла. За семь тысяч лет до нас здешний человек научился добывать медь и делать сплав из меди и олова. Получалась бронза, из которой выделывали оружие, вещи, украшения. А ведь в Европу бронза пришла спустя тысячу лет! Когда в Европе еще ничего кроме диких лесов не было, в Азии, в теперешней Месопотамии, расцвела уже большая культурная страна — Вавилония. Недавно ученые прочитали надпись на обломке, найденном при раскопках древнего Вавилона...

Костя вытащил свою записную книжку, перелистал ее и прочел: «Я приказал рыть канал Нар-Гаммураби, благодать для народов Шумира и Аккада. Берега по обеим сторонам я назначил для землепашцев и приказал засеять эти берега хлебом. Я доставил народу неиссякаемые воды. Я призвал народы толпами, я создал им пищу и питье. Я даровал плодородие, обилие и мирную жизнь».

Костя почесал кончик носа и продолжал:

— Эту надпись велел высечь на камне древний вавилонский царь Гаммураби. Жил он более четырех тысяч лет назад, и канал этот — чудо строительного искусства не только для того времени. Даже теперь хорошо было бы его восстановить. Но на это потребуется страшно много труда и денег.

Витя одобрительно кивнул:

— Я всегда говорил и голову готов прозакладывать, что раньше люди знали и умели гораздо больше, чем теперь!

Костя удивленно поднял брови.

— Ты серьезно?

— Вполне серьезно.

— А поездка? А радио?

— М-м, может быть их когда-нибудь изобретали, а потом забыли. Откуда ты знаешь?

— Для этого и существует археология, — солидным басом сказал Костя. — Она изучает остатки древнего мира. Археология восстанавливает быт, историю и нравы давно исчезнувших племен. И если ты побудешь около нашего профессора, то узнаешь от него, что в Средней Азии действительно существовали культурные народы, но никогда не было у них ничего похожего ни на радио, ни на электричество.

— А куда же девались эти твои культурные народы?

Костя опять потер кончик носа: он припоминал уроки Клавдия Петровича.

— Видишь ли — вся история Азии зависит вот от чего... Гм...

Тут Костя снова достал, свою клеенчатую тетрадь и начал читать записанное: «Север Азии — холодный, недоступный край. Население там было редкое. А в остальной Азии — Центральной, Передней и Южной, где природа богаче и мягче, — различные племена сменялись друг другом с незапамятных времен. Они строили города и проводили дороги. На смену осевшим народам из глубины Азии появлялись новые племена. Они завоевывали за краем край. Новые завоеватели, дикие племена кочующих пастухов, разрушали страну, но сами постепенно перенимали культуру коренных жителей, начинали заниматься земледелием и делались оседлым народом. Так смешивались племена, обычаи, цивилизации. И до сих пор мы встречаем в Центральной Азии следы различнейших рас и культур. Следствием всех великих перемещений народов было то, что у Тихого океана и на юге, где теплые богатые земли, скопилось много жителей, образовались цветущие государства. Началось мореплавание, торговля, промышленность. Из самых дальних земель люди стремились пробраться в эти богатые страны. Египтяне, греки, римляне, а за ними и все другие народы искали дорогу в Китай, в Индию. Была такая дорога

— морская, но ужасно длинная, опасная...»

— И не всякий любит морское путешествие! — рассмеялся Витя. — Я знаю кое-кого, кто чувствует себя лучше на твердой земле!

Костя погрозил пальцем, как профессор.

— Слушай и не мешай. «Морем мало пользовались оттого, что тогдашние суда редко попадали в Индию и еще реже возвращались оттуда обратно. К тому же морская дорога длилась целые годы. Более надежными были сухопутные дороги, которые соединяли Европу и Африку с Китаем и Индией...»

— А ты знаешь, где был проложен первый торговый путь?

— Погоди — у меня записано... Сейчас... Вот! «За шесть тысяч лет до нашего времени первый путь был проложен между Египтом и Месопотамией...»

— Ну, это нам не требуется. А вот по Туркестану когда проложили первую дорогу?

— Сейчас... Гм... «За две тысячи лет до нас китайцы открыли постоянный торговый путь в оазисы Туркестана. А еще раньше здесь проходила дорога на Афганистан и Индию». И, знаешь: вся история этих мест — это борьба за великие торговые пути, за рынки.

— Воображаю, как заграбастовали деньгу те, кому принадлежали дороги на Индию! Страна чертовски богатая!

— Клавдий Петрович говорит, что каждое государство, которое ухитрялось захватить эти пути, страшно богатело. Здесь была когда-то огромная богатейшая Персидская монархия, она занимала все земли от Средиземного моря и до Индии. Это было две тысячи пятьсот лет назад. Потом нахлынули греки во главе с Александром Македонским. Александр Македонский по дороге захватил вот этот самый Самарканд, в котором мы сейчас находимся и который уже тогда считался древним городом. Потом торговыми путями, а вместе с ними и всеми землями владели турки-селевкиды, потом парфянский народ, потом арабы...

— Будет! Все равно не запомню!

— Еще одно — самое интересное! В тринадцатом веке Туркестан был завоеван монгольскими полчищами Чингисхана. А в 1336 г. в Бухаре родился знаменитейший монгольский завоеватель Тимур, которого еще называют Тамерланом или «Железным Хромцом». Он был хромым, отвратительный по характеру, отчаянный вояка и держал в страхе не только свои азиатские владения, но и тогдашнюю Россию, а за ней — и всю Европу.

— Отчего же ты считаешь это самым интересным?

— Оттого, что Тимур сделал Самарканд своей столицей. И это он разукрасил и разукрасил Самарканд, превратив его в красивейший из городов Азии. По приказанию Тимура были выстроены дворцы, мечети на Ригистане, устроены чудные сады... Вот Клавдий Петрович все это нам покажет и обо всем расскажет...

ГЛАВА XVIII

Под предводительством профессора наши путешественники несколько дней осматривали замечательные древние здания.

Профессор рассказывал о том, что мечеть Биби-Ханум была построена Тимуром в честь его любимой жены. Когда-то эту мечеть окружал вымощенный мраморными плитами двор. Камень для этой постройки привозился на слонах из далеких гор. Сотни рабочих покрывали его тонкими рисунками, а из Индии были привезены искуснейшие строители, и сам «Железный Хромец» следил за ходом работ.

Но Витя морщился: после «золоченой» мечети, которая возвышалась на Ригистане, Биби-Ханум казалась ему развалиной. Зато утешил Витю мавзолеем «Шах-Зинде», сверкавший той же пестротой глазированных кирпичей, как и здания на Ригистане.

Узнав о том, что в Шах-Зинде похоронены родственники Тимура, все отправились в мавзолеем воздвигнутый над могилой Железного Хромца.

Под огромным узорчатым куполом на зеркальной полированной поверхности намогильного камня непонятным узором разбегались надписи — перечисление предков Тимура и Чингис-хана, легенда об их волшебном происхождении от солнца и дата смерти Тимура.

— Смотрите, — сказал Клавдий Петрович, указывая на темную зелень намогильника, — мы скоро передадим привет родине вот этой глыбы. Это зеленый нефрит, который очень ценится в Азии. Еще при жизни Тимура этот кусок нефрита был высечен в горах Куэн-Луния и привезен сюда из того самого Хотана, куда мы сейчас направляемся.

Костя и Витя ходили на базар, где продавалась глиняная посуда, голубая, как самаркандское небо, и желтая, как пески Туркестана. Ребята видели медников, которые с помощью молотка и обыкновенного гвоздя, даже не наведя предварительно рисунка, а так — просто на глаз — покрывали паутиной чеканкой узкогорлые медные кувшины — кумганы — и широкие плоские тарелки.

Витя и Костя видели еще, как разматывают воздушные нити шелковичных коконов, брошенных в кипяток, как шелковинки скручиваются в нитку, окрашиваются, и из них узбеки ткут узкие пестрые туркестанские шарфы.

Узнали мальчики еще о том, что опасно пить воду из «хаузов». Так называются бассейны со стоячей водой, которая бережется на случай недостатка проточной влаги. Попробовавший воду из хауза рисковал проглотить личинку «ришты» — червя, который размножается в теле человека под кожей и причиняет большие страдания.

Витя, изучавший Азию по-своему, накурился потихоньку «анаши», одурманивающего курева, очень распространенного в Средней Азии.

Накурившись, Витя начал неудержимо и бессмысленно смеяться. Смеялся он всю ночь напролет, напугав насмерть Костю, Клавдия Петровича и Тышковского.

Один Веселов сжал крепко губы и ничего не сказал. Зато утром, когда Витя, пожелтевший и пристыженный, выполз к завтраку, Иван Викентьевич отвел его в сторону и тихо

переговорил с мальчиком, после чего щеки Вити из лимонно-желтого стали вишневого цвета.

Краем уха Костя уловил слова своего товарища:

— Честное, честное слово — никогда и ничего похожего...

* * *

Прежде чем покинуть Самарканд, экспедиция посетила несколько кишлаков, разбросанных по окрестностям. Эта поездка интересовала главным образом Тышковского.

В Чилекской волости Самаркандского уезда экспедиция ознакомилась с последним, быть может, поколением узбекских мастеров, выделяющих войлочные юрты.

Все меньше и меньше становится узбеков, живущих в юрте. Большая часть живет в «михман-хана» — глинобитных саклях, и только очень зажиточный узбек покупает юрту. За время басмачества погибло много скота, и шерсть для войлока стала недоступно дорогой.

Чем дальше от города, тем шире становились арыки, тем чище делалась в них вода.

Река Зарявшан давала жизнь всему краю. Нагорное пространство, «дашът», где не было воды, казалось жалким и унылым по сравнению с цветущей речной долиной. Там, наверху, среди скудных участков богарных¹ посевов редкой пшеницы, были скупы разбросаны людские поселки. Даже дома в этих поселках были меньше размером, чем дома в густо населенном «вилайяте».

— Почему у вас такие домишки? — спрашивали мальчики. — Ведь глины здесь много.

Старик, хозяин тесной и жалкой сакли, покачал головой:

— Чтобы замесить глину, нужна вода.

¹ Орошаемых только атмосферными осадками.

Вода! Она одна делала из пустыни цветущий сад.

Старик прожил жизнь, дрожа над мутной солоноватой водой, которую скудно давал колодец.

Пшеница терпеливо ждала случайного дождя и покорно выносила зной. Витя взял горсть пшеничных зерен. Это, конечно, не было чудесное, желанное зерно, но, быть может, оно пригодится в Ковылях.

Когда путешественники покидали кишлак, старик вышел их провожать. За полу дедушкиного халата держался толенькой смуглой ручонкой трехлетний внук. Поглаживая бритую колючую головку внука, старик задумчиво сказал:

— Я видел, как железная машина разминала землю в поле. Быть может позже мой маленький Ибрагим увидит, как вода из Зарявшана поднимется на «дашьт».

ГЛАВА XIX

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ КОСТИ

«Я не успеваю записывать, — каждый день куча нового.

Клавдий Петрович говорит о древней Азии. А Тышковский рассказывает о сегодняшних живых людях. Собственно говоря, Тышковский не рассказывает, а только машет рукой и произносит по четверть слова. Но я научился его понимать. Очень интересно. Ужасно интересно! Он как-то предложил мне, чтобы я записывал местные обычаи. Я так и делаю. Здесь, в записной книжке, не только мое. Витя ловко замечает и хорошо рассказывает, но у него нет терпения записывать. Значит, я и его рассказы буду вписывать в тетрадку.

Мы посетили несколько уездов: Самаркандский, Катта-Курганский, Джизакский. Больше всего здесь узбеков. Кочевых узбеков я не видел. Тышковский говорит, что они уже все оседлые, разводят хлопок, занимаются ремеслами, тор-

гуют. Есть еще здесь цыгане. Летом они кочуют в кибитках, — ну совсем, как у нас. А зимуют в кишлаках. Они делятся по родам: «зигляр» — золотых дел мастера; «касатарош» — те, которые делают деревянную посуду. А «джуги» и «мультаны» вороват и попрошайничают.

Живут в Самаркандской области и туркмены, только их здесь немного.

Интереснее всего, по-моему, описать, как мы были в гостях у арабов, которые живут между станциями Нагорная и Джума.

Я не понимал, откуда они взялись в этих местах, — ведь до Аравии отсюда страшно далеко.

Тут опять пригодился Клавдий Петрович. Он рассказал, что это остатки тех арабов, которые 1600 лет назад владели всей страной. Эти арабы давно уже говорят по-узбекски и живут как узбеки, но они всегда гордились своим происхождением, родством с Магомедом и презирали соседей. Царское правительство поддерживало их в этом и ссорило с другим населением, как ссорило узбеков с туркменами. А пока среди населения шли раздоры, царское правительство всю страну прибрало к рукам. Теперь вражда исчезает.

Мы остановились в деревне Боглы, в сакле у араба по имени Али-хан. Тышковский с первой же минуты начал измерять его череп, нос, руки и ноги. Али-хан принял нас гостеприимно. Кормил он нас дыней, сладкими сушеными абрикосами, лепешками, поил кокчаем и все вздыхал. Оказалось, что у него болен единственный сын. Как вежливый хозяин, он старался, чтобы мы не заметили его грусти, но мы видели, что Али-хан едва слушает нас. Он все время прислушивался к звукам из женской половины, где лежал больной ребенок. Мы с Витей разузнали, что мальчика не мог вылечить ни один местный знахарь.

Наши хозяева куклопоклонники — «куурчак-параст». Я видел у них одну куклу, разряженную в зеленые и белые лоскутки, в полметра величиной. Ее уже давно просили о помощи, но деревянный упрямый «Ирдан-Бек» очевидно не желал помочь! Один из гостей шепнул, что нынче ве-

чером огорченные родители будут просить исцеления у священного очага.

Когда я перевел это, Тышковский ужасно обрадовался. Махнул рукой и сказал два слова под ряд: «Языческое жертвоприношение».

Уж я не знаю, как Ивану Викентьевичу удалось уломать хозяина, но Али-хан устроил так, что нас допустили присутствовать при церемонии.

Али-хан выбрал лучшего ягненка в своем маленьком стаде. Али-хану ничего не было жаль для сына. Мы пошли в другую саклю. Здесь, перед большим очагом, который в Боглах считают священным, старенький, желтенький старичок, глава всего рода, заколол ягненка. Этого старика называют «учакным каттакани» — старший очага.

Он постоянно возится у священного огня, следит, чтобы тот не потух, зажигает воткнутые в очаг «пилики» и молится. Пилики — это лучинки или соломинки, обернутые ватой и обмокнутые в масло. Арабы верят, что пилики умилоствляют злых духов.

Когда ягненок был зарезан, старик вымазал больного свежей кровью, приговаривая при этом: «Твое несчастье — обратиться на него» (то есть на ягненка).

Шкуру и голову ягненка старший очага забрал себе, а мясо сварил тут же на священном огне и съел вместе со своими помощниками. Нас не угостили.

Тышковский был в восторге от зрелища и все записывал.

Лекарь уплетал ягненка, а больному делалось все хуже и хуже. С большим трудом Иван Викентьевич уговорил на другой день Али-хана показать сына.

У него оказалась жестокая туркестанская малярия, а его лечили молитвами, пиликами и бараньей кровью!

Иван Викентьевич дал больному хинин. Конечно, —тому полегчало.

В день нашего отъезда сын Али-хана впервые за много дней смеялся и попросил есть, а сам Али-хан благоговейно спрятал коробку хинина, оставленную ему Веселовым».

ГЛАВА XX

Оазис Хотан расположен на 37° северной широты и на 80° восточной долготы. До него можно добраться через оазисы Кашгара и Яркенда, которые находятся ближе к границам СССР. Существуют две дороги. Первая из них —более короткая — идет из Андижана через Ош и Гульчу и дальше на Иркештам. Она длиной около 500 километров. Другая дорога — 650 километров длиной — начинается от города Фрунзе у Семиреченской железной дороги, идет через поселки Токмак, Рыбачье, Нарым и поворачивает на Тургутарт.

Но более короткая дорога считается труднее. Она вьется через перевалы, недоступные зимой. Летом по ней могут пройти только вьючные животные. Второй же путь почти всюду пригоден даже для передвижения на колесах.

Решили, что на обратном пути из Китайского Туркестана в СССР экспедиция воспользуется более спокойной дорогой, чтобы довести в целости добытые материалы. Но какой дорогой направиться туда? Итти через Ош и Гульчу, где недавно побывала русско-немецкая экспедиция, не хотелось. Поэтому надумали повторить — но только в обратном направлении — путь Пржевальского через Тянь-Шаньский хребет, Тарим и весь бассейн Хотан-Дарьи.

Для знаменитого исследователя Центральной Азии, который шел из Китая к русским границам, конечной целью этой дороги было озеро Иссык-Куль, тогда еще никем не описанное. А наши путешественники должны были выйти из города Фрунзе, обогнуть Иссык-Куль, отдохнуть в Пржевальске, который теперь называется Каракол, и двинуться через хребты Тянь-Шаня к тем местам, где с рекой Таримом сливается Хотан-Дарья.

Вите и Косте было безразлично, какой дорогой пробраться к Хотану. Они только помнили, что таинственное, чудесное зерно хранится в пустыне за снежными кряжами гор.

Экспедиция, покинув Самарканд, побывала в Ташкенте, где все запаслись припасами и вещами. Витя первым долгом купил себе пробковый шлем, несмотря на уверения Клавдия Петровича и Веселова, что гораздо разумнее купить баранью шапку, какую носят туземцы по всей Средней Азии. Но Витя не чувствовал бы себя настоящим путешественником, если бы не напялил на свою голову пробкового шлема. Затем экспедиция выехала во Фрунзе.

Впереди экспедиции выступал крошечный ослик. На нем, почти шаркая по земле пятками, сидел проводник, взявшийся доставить путешественников до Каракола. За осликом шагали лошади — верховые и выючные. Было бы дешевле купить верблюдов, но Веселов боялся, что верблюды не одолеют горных перевалов. На общем собрании решили, что обменяют лошадей на свежих неутомленных верблюдов тогда, когда придется пересекать пустыню.

Мальчики ехали верхом, и каждый глоток воздуха казался им необычайно вкусным, каждый день впереди —

необыкновенно значительным: ведь они отправлялись в невиданные страны и ехали не так, как Ленька беспризорный: не на крыше вагона, не на буфере, и не брели пешком. Они по-заправски ехают верхом с настоящей научной экспедицией, как равноправные ее члены.

Переночевали в поселке Токмаке и направились дальше. Крутом набегали горные гряды Александровского хребта. Река Чу, вынырнувшая из Буамского ущелья, ласково мурлыкала. Дорога на Каракол шла по ущелью навстречу течению реки до самого «теплого озера» — Иссык-Куля.

Ровное шоссе показалось сначала нашим путешественникам однообразным, но за деревней Кара-Булак дорога внезапно оборвалась. Впереди зияла пропасть. И в мерцающей глубине провала рвалась меж камней, плача, сердясь и жалуясь, мутная вода Чу.

Осторожно ступая, лошади перешли через легкий мост и начали подниматься по крутому зигзагообразному подъему. Над узким проходом высоко-высоко синело небо, и пробегали облака. Дорога то спускалась к шипящей желтой речной пене, то ползла вверх.

Это было знаменитое ущелье Буам — одно из самых красивых ущелий, через которое когда-либо проходил человек. Его стены состоят из хрупкого песчаника, постоянно грозящего обвалом. Пробираясь по горной тропе, проводник с тревогой поглядывал на узкую голубую полосу неба, где сгушались грозовые облака. Буамское ущелье тянулось на 75 километров, и проводник все настойчивее торопил своих спутников. Он опасался дождя, во время которого стены Буама сползают лавинами камней и песка. Но еще грознее обвала в это время река: она ударяет, как разъяренный бык лбом, о неожиданное препятствие, неудержимо заливаet и крушит все вокруг себя, смывает деревья, камни, людей, животных.

Экспедиция благополучно прошла через Буам, и воспоминание об его жуткой, необычайной красоте надолго осталось в памяти у всех.

У всех, — кроме Клавдия Петровича.

Между Фрунзе и поселком Токмак он потерял очки и ничего за всю дорогу не видел, кроме лошадиной головы впереди себя. Немного утешил его Костя, который напомнил, что в багаже осталось еще пятнадцать пар очков.

Профессор почти не обратил внимания на то, что белые, синие и лиловые скалы Буама сменились неприветливым побережьем Иссык-Куля.

Зато зоркие глаза Вити и Кости не только видели зелено-голубую поверхность озера, шелестящего меж крутых берегов, не только улавливали очерк дальних снежных вершин на противоположном берегу, — они различали в глубине прозрачной воды блестящие силуэты многочисленных рыб.

Нашли удобное место, сделали привал и принялись удить жирных крупных сазанов, которыми кишело озеро. Вода, никогда не замерзающая, благодаря бьющим на дне озера теплым источникам, лениво терлась о камни.

Тополь у берега серебрился нежными листьями. Свежий воздух дышал запахом цветов, расцветших после недавнего дождя. На противоположном берегу синели горы. Быть может на них вершинах уже выпал снег. Но здесь было тепло, почти жарко, и только иногда порывы ветра доносили прохладную влагу воздуха.

К вечеру стало душно, и ветер затих. Проводник недовольно щелкнул языком:

— Сильная гроза будет — ух! — и дернул за повод переднюю лошадь.

Но животное из всех сил упиралось передними ногами в землю, пятилось и не хотело итти. Другие лошади дрожали, сбившись в кучу.

— Ай-ай, нехорошо! — пробормотал проводник. Действительно, вышло нехорошо.

Хотя воздух оставался неподвижным и густым, как пролитое масло, но Витя вдруг увидел, что соседнее дерево начинает раскачивать зеленой верхушкой. Витя протер глаза: тополь все больше и больше размахивал ветвями.

Мальчику показалось, что вслед за тополем закачался и он сам.

Медленно-медленно, почти неощутимыми взмахами вздымалась под ногами земля, и это едва заметное колебание было ужасней, чем самая жестокая буря на море.

Раздался глухой звук, застонала земля, и гладкий Исык-Куль внезапно лизнул берег длинной тяжелой волной.

Мелкие степные птахи — джурры и чеканы — взвились и затрепыхались в воздухе. Дикая кошка с толстым в черных кольцах хвостом растерянно выскочила на дорогу и распласталась всеми четырьмя лапами, словно старалась удержаться за землю.

— Землетрясение! — закричал Веселов. — Скорей — дальше от берега!

Но прежде, чем успели добежать до безопасного места, земля уже утихомирилась и лежала по-старому неподвижной. Кошка, мелькнув пушистым серым комом, исчезла. Птицы опускались в свои гнезда. И только Исык-Куль, точно мощный барабан, бил тревогу волной о звонкий берег.

— Иван Викентьевич, — спросил Витя, все еще дрожа всем телом, — что ж это было? Неужто землетрясение?

— Быть может это отголосок далекого землетрясения. Быть может местное очень слабое. Трудно сказать наверное. Горные кряжи здесь еще не вполне установились. Складки земли продолжают временами сморщиваться, — от этого происходят землетрясения. Они часто бывают около Исык-Куля.

— Значит, это развлечение опять скоро начнется? — с ужасом спросил Костя.

— Все ли кончилось, сказать не могу, но едва ли землетрясение повторится. Во всяком случае здесь, на открытом воздухе и далеко от скал и озера, бояться нечего.

— Брр... — заметил Костя. — Если бы нас качнуло в ущельи Буама! Жуть берет!

На следующий день экспедиция узнала, что подземный толчок — как будто легкий, невинный, — действительно наделал много неприятностей в Буамском ущельи. Огромный оползень засыпал дорогу и похоронил часть ка-

равана, шедшего от китайской границы.

Но больше толчки не повторялись, и экспедиция благополучно добралась до Каракола, а оттуда поспешно двинулась с новым проводником к перевалу, так как первый снег в горах уже выпал, и дорога могла стать через несколько дней непроходимой.

ГЛАВА XXI

Тысяче-километровый Тянь-Шаньский хребет — таинственный «небесный» кряж — пересекал дорогу —

Со времен глубокой древности этот хребет, или, вернее, целый ряд могучих горных цепей, преграждал дорогу народам. Смелчакам, пришедшим с востока ли, с запада ли к подножью Тянь-Шаня, казалось, что за этими грозными скалами, за свирепыми ветрами, дующими из ущелий, за острыми шипами ледяных пиков, за непроходимыми ледниками лежит прекрасная страна.

Народы запада создавали легенды об этой недоступной сказочной стране. А народы востока кочевали по ту сторону небесных гор и тоже, видимо, пылали желаньем проникнуть за хребет и добраться до неведомого края на западе. И время от времени они вскакивали в седло, покидали знакомые пастбища и степи, пробирались, вооруженные луком и легкими стрелами то через проход Тарбагатай, прозванный «воротами народов», то через горные ущелья и, как смертельная лавина, неслись на запад.

Многие народы проходили через «небесные» горы, но от этого дорога через Тянь-Шань не стала лучше. Перед караваном среди скал и острых камней еле намечались, вероятно, те же самые крутые тропинки, по которым когда-то осторожно переступали лошади кочевников. На каждом повороте ледяной ветер налетал на маленькую экспедицию, словно стремился сбросить смелых путешественников как можно скорее в пропасть.

Издали казалось, что Тянь-Шань, как допотопное чудовище, выгнул острые позвонки своего хребта. Вблизи каждый позвонок оказывался скалой, пиком, обледеневшей глыбой.

Впереди всех шел проводник, держа в руках поводья лошади. Остальные, связанные друг с другом крепкой веревкой, осторожно следовали за ними.

Проводник тревожно приглядывался, принимаясь к воздуху. Он боялся, что зимние бури начнутся прежде, чем караван перевалит через хребет и начнет спускаться к оазису Ак-су. Проводник торопился. Он только потому согласился сопровождать путешественников, что сам жил постоянно в Ак-Су.

— Хотя бы они не останавливались, — бормотал Касим, проводник. — Но — иншалла! — они любопытны, как щенята, и больше рассматривают дорогу, чем идут по ней.

«Они», то есть экспедиция, действительно не торопились.

На высоте 2 000 метров тянулись еловые леса — густые и темные. Выше лесов на лугах доцветали последние цветы.

Олени-маралы проносились мимо — осторожные и пугливые. Несколько раз путешественники видели стоящего на краю пропасти неподвижного маркура — козла с огромными винтообразными рогами. Животное с любопытством смотрело на людей, но при первом их движении скрывалось среди развороченных скал.

Огромные снежные грифы, почти не шевеля крыльями, кружились в воздухе. Иногда они срывались вниз и снова поднимались к вершинам гор, держа в когтях зазевавшуюся горную куропатку, ласку или сурка.

Но чем выше забирался караван, тем пустыней делались скалы и тяжелей становился путь. Далеко внизу остались леса. Исчезли горные луга. Разреженный воздух вызывал у всех «горную болезнь». Сердце билось учащенно. Часто носом шла кровь.

Глядя на Клавдия Петровича, нахохлившегося, до кончика носа закутанного в шерстяной шарф и плед, Веселов

начинал торопить товарищей.

Наконец приблизились к перевалу. От него начинался спуск и дорога к поселку Ак-Су. Там ждал хороший отдых. Вверх нужно было карабкаться еще не более часа. Но внезапная горная темнота настигла караван раньше, чем успели дойти до высшей точки хребта.

Экспедиции пришлось заночевать на каменной площадке около тропы. Кое-как разместились. Справа была стена, изрытая пятнами пещер, слева обрыв, который в темноте казался бездонным.

Разожгли костер. Вечер был тих и ясен.

Но перед рассветом, когда все спали, укутавшись в одеяла и кошмы, от дальнего горного пика отделилось туманное пятнышко и поползло через каменные хребты. Ветер вздохнул, и в быстро похолодевшем воздухе пронеслись первые снежинки...

Первая метель летела через «небесные» горы, покрывала предательским белым и мягким покровом провалы ущелий, прятала тропинки, заносила перевалы. В несколько минут караван был почти засыпан снегом. В ледяной каше, кипевшей в воздухе, беспомощно терялся свет электрических фонарей, и голоса проснувшихся людей исчезали в столах вьюги.

Буря усиливалась с каждой минутой, грозя сбросить в пропасть горсточку людей.

— Эй! — раздался голос Касима. Он кричал Веселову прямо в ухо, но ветер рвал слова, и трудно было разобрать, чего хотел проводник.

— Бери, вяжи! Себя вяжи... соседа вяжи... — доносились обрывки фраз.

Иван Викентьевич почувствовал, как жесткая промерзшая веревка охватила его вокруг туловища. Он понял, что Касим предлагал связать всех вместе, чтобы устоять при порывах урагана.

«Если один сорвется, другие поддержат», — подумал Веселов, лихорадочно стараясь справиться с негнущейся веревкой. Он привязывал веревку к поясу Тышковского.

Через несколько минут, пытаясь перекрычать бурю, Веселов спросил, все ли привязаны.

— Я готов, — донесся голос Тышковского.

— И меня зацепили, — объявил невидимый Костя.

— И... я... на... в-е-р-е-е-е-в-к-е! — отозвался Витя.

— А Кл-а-а-а-вдий Петро-о-о-вич?

— А Клавдий Петрович?

— А Клавдий Петрович?

Профессор не отзывался.

Среди глубокой темноты, среди бушующего снега, широко расставляя руки, старались найти профессора. Хватали друг друга, натыкались на скалы, на дрожащих лошадей. Звали. Кричали.

Клавдий Петрович не отзывался.

Наступил рассвет. Розовое солнце прорвалось сквозь снежное пенистое облако. Внезапная тишина легла на горы. На каменной площадке, на краю пропасти, стояли связанные друг с другом веревкой пять окоченевших человек.

Шестого — профессора Клавдия Петровича Петровского не было.

Веселов подполз к краю обрыва, заглянул вниз. Зияла мгlistая глубина, громоздился хаос скал, и медленно внизу кружился распластанный орел.

Бедный профессор исчез.

— Скорей! Скорей! — торопил Касим. — Подмокнет снег, заледенит — джейрану не пройти, не то, что нам. Иншалла! Быть может успеем перевалить на ту сторону, но скорей, скорей!

Осторожно ведя под уздцы лошадей, нащупывая невидимую тропинку, двинулись к перевалу.

Горестное молчание нависло над караваном. Каждый упрекал себя в том, что задерживались в пути, что забыли про снеговые горные бури...

— Если бы чуточку поторопились, успели бы до метели пройти перевал, и Клавдий Петрович был бы с нами...

Жгучее раскаяние мучило всех, и в порыве этого раскаяния каждый стал несравненно осторожнее и старался, чтоб

хоть пятеро пришли к той цели, куда еще вчера шли шесть человек.

Спуск начался через несколько часов. Он был не легче подъема. К счастью по ту сторону перевала снег еще не выпал. И все же экспедиция снова скользила по крутизнам, с трудом и опасностью огибала мощные выступы синевато-красных скал. Ежеминутно приходилось цепляться, прыгать, спускаться, подниматься и вновь спускаться все ближе и ближе к неприветливым тянь-шаньским долинам. И вот снова глубоко внизу замохнатились пышные темные ели...

Не прошло еще часа с тех пор, как начался спуск.

Касим шел впереди и только что скрылся с глаз за громадным камнем, как вдруг путешественники услышали глухое восклицание и увидели, что Касим мчится назад с легкостью горного козла. На лице его был неописуемый ужас.

— Что с тобой?

— Медведь?

— Дорога обвалилась?

— Да говори же!

Но Касим тщетно шевелил губами.

— А... Кла... Кла....

Пожав плечами, Веселов пошел вперед. Он скрылся за скалой. Вслед за этим раздался его громкий крик, повторенный эхом.

Тогда — один за другим — Тышковский, Костя и Витя перебрались на ту сторону тропинки.

На тропинке сидел грязный, измазанный и веселый Клавдий Петрович. А рядом толпились его товарищи и рассматривали неуклюжего маленького медвежонка. Медвежонок испуганно визжал, пытаясь обороняться когтями. Витя подсовывал ему шоколад. Медвежонок затих, понюхал и принялся с жадностью уничтожать сладкое.

— Иншалла! Дедушка опередил нас! — с недоумением бормотал проводник и тарашил глаза на профессора. — Как это случилось?..

Проснувшись среди ночи от внезапного холода, профессор решил поискать местечко потеплее и наткнулся на какое-то отверстие.

— А-а, дверь! — пробормотал он.

Правда, дверь была низкая, кривая, но Клавдий Петрович упрямо протиснулся в отверстие.

— Тепло, тихо... Вот и ладно! — с удовольствием произнес он, растянулся на земле и крепко уснул.

Проснулся Клавдий Петрович, вероятно, тогда, когда экспедиция, накричавшись до хрипоты, уже поплелась выше к перевалу.

Снег плотной пробкой заткнул отверстие в пещеру, куда влез профессор. Снег заглушал все звуки. Было темно, но карманный электрический фонарик, который впился в профессорский бок, напомнил Клавдию Петровичу о своем существовании.

При свете электричества Клавдий Петрович с трудом рассмотрел место своей ночевки. Слабый луч фонарика то там, то здесь выхватывал из темноты пестрые стены, испещренные прожилками горных пород.

— Иван Викентьевич! — крикнул профессор.

Молчание.

— Иван Викентьевич! Костя! Никто не отзывался.

Конечно, Клавдий Петрович мог попытаться выбраться наружу тем же путем, каким и вошел. Но в это время из темного угла послышалось сопение. Кто-то ворочался в темноте, кряхтел.

— Потом скажут, что я рассеян, — бормотал Клавдий Петрович, — а я отлично помню, что мы заночевали... Где же мы заночевали? Да, вспомнил: на площадке. А ночью, когда стало холодно, перебрались в пещеру. Должно быть, всей компанией?..

Кто-то тяжело дышал в углу пещеры. Клавдий Петрович направился туда.

«Здорово храпит!» — подумал он, проникаясь уважением к могучему сопению.

— Эй, будет спать, молодцы! — весело крикнул профессор, высоко поднимая фонарь.

Нога Клавдия Петровича наступила на что-то мягкое и живое. Затем это «что-то» с воплем выскочило из-под его ног.

А из темноты вместо мерного храпа раздался оглушительный рев. Укрывавшаяся в пещере, разбуженная медведица спешила на выручку к своему детенышу.

Клавдий Петрович шарахнулся и понесся в глубь пещеры, словно вдогонку за медвежонком.

А медвежонок в паническом ужасе мчался по извилистым расщелинам, кубарем катился в ямы, выскакивал и снова мчался, жалостным визгом призывая на помощь мать.

За ним летел Клавдий Петрович, крепко стиснув в руке электрический фонарь. Он тоже падал в ямы, продирался сквозь щели, перелезал через глыбы скал.

Электрический луч узкой полоской бежал впереди профессора, освещая круглый зад медвежонка и еще больше пугая маленькое животное.

Беглецы не подозревали, что медведица не может догнать их и растерзать обидчика, потому что медвежонок вскоре свернул в боковой проход, который был настолько узок, что даже Клавдий Петрович с трудом в него протиснулся, а разъяренная медведица, засунув в расщелину голову, уже вовсе не могла двинуться ни назад ни вперед и только бешено редела в темноте.

Клавдий Петрович потом всю жизнь был искренно уверен, что только ловкость и быстрота спасли его от медвежьих зубов. А в действительности бедный профессор уже через десять минут едва передвигал ноги. Устал и медвежонок. Их обоих подгонял только смертельный страх.

Постепенно рев медведицы стал слабеть в отдалении.

Узкий извилистый проход расширился. Наконец мутным пятном блеснул впереди свет. Путь сквозь гору кончился.

Сначала из пещеры вывалился наружу медвежонок, грязный и взъерошенный. Мягкие нежные лапы с некрепкими, длинными, белыми коготками, — медвежонок был настоящим белокоготным тянь-шаньским медведем, — эти лапы были исцарапаны об острые камни.

С жалобным визгом измученный зверок улегся на землю. Затем из пещеры вылез Клавдий Петрович. Тяжело

вздыхая, он уселся рядом с медвежонком.

Внизу очень глубоко в голубом тумане лежал Синцзян — Китайский Туркестан.

Узкая тропа, шириной в три человеческих ладони, шла вниз от каменного выступа, на котором они уселись. Но ни Клавдий Петрович, ни медвежонок не чувствовали себя в силах спуститься по крутизне. Там и увидал их Касим, а за Касимом и остальные товарищи.

Выяснилось, что, пока экспедиция с трудом карабкалась через перевал, Клавдий Петрович обогнал их и ждал, сидя на каменном выступе на высоте 4 000 метров над уровнем моря. Пещеры шли сквозным туннелем через горы на несколько сот метров ниже перевала. Это сокращало и облегчало дорогу. Поэтому Иван Викентьевич отметил красной звездой вход в туннель «имени профессора Петровского».

Медвежонку оставили на пропитание две плитки шоколада, и экспедиция отправилась к долине Ак-Су и Уч-Турфана.

ГЛАВА XXII

Через несколько дней караван пересек реку Уч-Турфан и посетил поселок, который состоял из старой китайской крепости и грязных домишек.

Настоящий отдых был, однако, не здесь, а в Ак-Су.

Ак-Су, или «белая вода», — это название часто встречается в Центральной Азии и обозначает реку, питающуюся горными снегами.

В Ак-Су продали лошадей, заменили их четырьмя вьючными и пятью верховыми верблюдами и опять соблазнили Касима: он взялся проводить экспедицию до Хотана, где, по его словам, он был три или четыре раза.

Набравшись сил перед дальней дорогой, экспедиция направилась к Тариму.

Путь от Ак-Су к самой большой и длинной реке Китайского Туркестана был нетруден. Верблюды были сыты, Касим повеселел, погода установилась мягкая и ясная.

Тарим кудрявился зарослями камыша, из которых доносились всяческие птичьи голоса. Здесь отдыхали перелетные птицы, а следом за ними шли лисицы, рыси, барсы. Это было заманчивое место для охотников. Поэтому ни Вите, ни Косте, ни Веселову не хотелось расстаться с берегами Тарима.

Ежедневно обед путешественников разнообразился подстреленной дичью, и Костя проявлял поварской талант, то фаршируя диких уток, то жаря на самодельном вертеле жирных дроф.

* * *

— Эх, Иван Викентьевич, — мечтательно говорил Витя, лежа на животе у медленно текущей воды, — смастерить бы плот и поплы-ы-ы-ть бы вниз по Тариму! Интересно!

— Еще бы не интересно, — отозвался Веселов. — Из европейцев один только Свен Гедин совершил такую прогулку. В 1900 г. он проплыл по всему Тариму, до самого его устья, и удостоверился, что Тарим действительно впадает в озеро Лоб-Нор.

— Вот и нам бы!

— Ну, для этого пришлось бы сделать крюк в семьсот километров.

— Неужели эта река такая длинная?

— Дело в том, что Тарим состоит из двух рек: Яркен-Дарьи и Кашгар-Дарьи. Они берут начало в горах Карако-рума и Памира. Если считать от их верховьев, то длина Тарима никак не меньше тысячи двухсот километров. Тарим перерезает одну из самых диких пустынь земного шара, и если бы не густые заросли, река, пожалуй, не добежала бы до озера Лоб-Нора, а затерялась бы в песках пустыни, как теряются десятки средне-азиатских рек.

— Обидно все-таки оставить Тарим. Ведь говорят, здесь и тигры бывают...

Но Вите пришлось примириться. Экспедиция переправилась через Тарим и направилась к югу.

ГЛАВА XXIII

Дни были еще летние, но по ночам ледяной ветер забирался под одеяло.

Уже позади остались тростники Тарима и последнее человеческое поселение. Теперь по пути попадались только угрюмые пастухи. Они подозрительно присматривались к путешественникам. А еще чаще, узнав неведомым путем о приближении экспедиции, пастухи поспешно перегоняли стада овец на новое место, и только по клочьям овечьей шерсти на колючках кустарников можно было догадаться, что здесь недавно проходило стадо.

Однако раза два путешественники наткнулись на стоянку пастухов, которые встретили их очень ласково. Пастухи отогнали злых сторожевых псов, усадили неожиданных гостей у костра и угостили их молодым овечьим сыром и зеленой дикой редькой, которую едят, посыпая солью. Они рассказывали пастушеские новости, указывали места, где водилась дичь, и охотно разрешали Тышковскому измерять свои головы и записывать песни.

Иван Викентьевич и Витя охотились. Было время перелета птиц, и все ежедневно лакомились свежей дичью.

Но чем дальше от Тарима, тем становилась безотраднее дорога. Правда, грунтовые воды под высохшим руслом Хотан-Дарьи давали жизнь растениям. Но, чтоб добраться до воды, какой-нибудь пучок серой зелени сантиметра в три величиной пускал корни в глубину на метр, на два и больше.

Однажды Иван Викентьевич потратил чуть ли не полдня, пытаясь выкопать с корнем одно такое упорное растение.

— Гляди, — сказал Веселов Вите, который усердно помогал ему, — на какие приспособления пускается природа! Видишь: весь корень словно вложен в футляр из спекшихся песчинок, и только самый кончик корня, нежный и чувствительный, высовывается из футляра. Корень защищен от сухой почвы. А кончик корня, уже добравшийся до влажных слоев, больше не нуждается в защите.

Несмотря на скудость растительности, русло Хотан-Дарьи все же было полоской жизни. С обеих сторон этой узкой полоски сторожила пустыня, готовая надвинуться, чтоб поглотить ее. Но подпочвенные воды высохшего русла охраняли жизнь. В тех же местах, где эти воды иссякали, путешественники видели группы мертвых деревьев. Они стояли совершенно высохшие, ветви их были хрупки, как стекло, и ветер с легким звоном ударял песчинками о мертвые стволы.

Экспедиция продвигалась по руслу, но иногда она, захватив с собой побольше воды, сворачивала в пустыню Такла-Макан, чтоб через некоторое время вернуться опять к оставленной дороге.

Эти побочные поездки Витя называл «разбойничьими набегами», потому что после них экспедиция возвращалась, нагруженная добычей. Привозились убитые животные, собранные растения, невероятное количество насекомых. Из одной такой поездки Иван Викентьевич привез убитого кара-куйрюка — род дикой козы, быстрой, как ветер.

Однажды Витя увидел издали двух верблюдов. Были ли это дикие верблюды или одичавшие домашние животные, нельзя было решить, так как они исчезли, как тени.

Витя настаивал, что это были дикие верблюды, хотя до сих пор считалось, что они встречаются лишь в области устья Тарима и озера Лоб-Нор.

Костя же уверял, что эти животные отбились от какого-нибудь каравана.

— А еще вернее, — смеялся он, — Витя принял за верблюда двух сусликов, которые вылезли подышать свежим воздухом.

Витя остался в убеждении, что превзошел Пржевальского и Свен Гедина, однако верблюдов этих больше не видел, как ни старался при «набегах» в пустыню глядеть во все стороны.

Путь экспедиции шел зигзагами, вдоль едва заметной полоски пересохшего русла.

Одному профессору еще ни разу не пришлось свернуть с прямой дороги, чтобы утешить себя какой-нибудь находкой. За все время, начиная от Ак-Су, из которого Клавдий Петрович выехал полный надежд, по дороге не попалось ничего достойного внимания археолога.

Наконец, когда на двадцать шестые сутки экспедиция остановилась на отдых, Костя и Витя, рыскавшие по окрестностям, примчались с известием, что за барханом они нашли развалины древнего города. Обрадованный профессор рысью пустился вслед за мальчиками.

Находка оказалась действительно развалившимся поселком. Но поселок развалился не больше двадцати лет назад, и в глазах профессора по своей ценности равнялся песку в пустыне.

Профессор поворчал и направился к стоянке. Сконфуженные мальчики, втихомолку посмеиваясь, пошли за ним.

Когда они вернулись к стоянке, то увидели, что в тени тополя рядом с Веселовым сидел невысокий черноволосый человек и угощался консервами. Тем временем Тышковский молча измерял объем черепа неожиданного гостя и делал пометки в своей записной книжке.

Прижав руки к груди, гость приветствовал поклоном профессора. Говорить он не мог, так как рот его был набит маринадом.

Веселов объяснил, что нашел нового знакомого в кустах, где тот оплакивал гибель своего коня и готовился к своей собственной смерти. Действительно, неподалеку лежала издохшая лошадь, а пешком вряд ли можно было бы отсюда куда-нибудь добраться.

Дружелюбно поблескивая лукавыми глазами, незнакомец проглотил последний кусок, облизал пальцы и пояснил, что имя его Ислам-бай и что он из рода, который из-

давна кочует по Хотан-Дарье.

Ислам-бай восхищался верблюдами экспедиции, восхищался пробковым шлемом Вити, очками профессора. Через полчаса он успел выпросить у Веселова пачку папирос, у Вити — пояс, у Кости — еще одну банку консервов, успел передружиться со всеми путешественниками и сообщить своим новым друзьям, что они сбились с дороги.

— Ну да, — воскликнул Витя, — я так и знал, что Касим напутал. Если бы он повел нас через настоящее русло Хотан-Дарьи, то мы в камышах давно бы раздобыли тигровую шкуру!

Касим изумленно и протестующе поднял руки, призывая в свидетели Магомета.

— Тигры попадают на путь Хотан-Дарьи так же редко, как справедливый человек на должность судьи, — сказал он, — а я вел вас правильной дорогой.

Веселов в задумчивости тер щетинистый подбородок, поглядывая то на Касима, то на Ислам-бая.

— Если господин желает убить тигра, — спокойно проговорил Ислам-бай, — то надо немного свернуть с этой сухой тропы. — Он внезапно расхохотался. — Клянусь, такого зверя вы не увидите у себя на родине!

— Иван Викентьевич, голубчик! — затараторили Витя и Костя, тормоша Веселова. — Ну, чем вы рискуете? Одним лишним днем!

— Мне кажется, он врет.

— Что ему за смысл надувать нас? Что он нам может сделать? Он один — нас шестеро. Обокрасть он нас не сможет: присматривать будем...

— Пожалуй, что так, — еще колеблясь сказал Веселов.

Но мальчишки уже вытаскивали с лихорадочной быстротой свои ружья, проверяли их, заряжали и в то же время жадно расспрашивали нового знакомого, где, по его мнению, находится тигр, какой он величины, свиреп ли он.

Касим сердито поглядывал на сборы. Наконец он подошел к Тышковскому.

— Касим привел бы вас в Хотан. Ислам-бай лжет о тигре!

Тышковский ничего не понял: он до сих пор не мог заучить ни одного тюркского слова. Касим с видом оскорбленного достоинства занял последнее место в караванной цепи. Впереди каравана, опираясь на посох и поблескивая в улыбке белыми зубами, пошел Ислам-бай.

Однообразная путаница желтых песчаных холмов, видимо, не смущала нового проводника. Он уверенно шагал и, казалось, был по-верблюжьи неутомим. Десятки раз он сворачивал между барханами, скользил по пескам, задумываясь над дорогой не больше ящерицы.

Следом за Ислам-баем качался на верблюде Костя. Он-то первый и увидел темную полосу Хотан-Дарьи.

— Видишь, — обернулся Витя к утрюмому Касиму, — Ислам-бай не обманул нас!

Струйка воды сочилась в густом тростнике. Очевидно, здесь был водопой. Сырой песок хранил следы лисьих лап, овечьих копыт. Многие деревья на берегу были изуродованы рылом дикого кабана.

Все ехали молча, не отрывая глаз от земли, в невольных поисках отпечатка страшных тигровых лап.

Один Касим насмешливо покачивал головой.

Он был вполне уверен, что тигров нет на этой дикой пустынной дороге, и не знал в точности, правильна ли эта дорога.

Правда, до сих пор он полагал, что экспедиция интересуется только змеями, ящерицами, птицами. Касим знал в Ак-Су одну старуху, которая тоже собирала маленьких зверюшек. Из их костей старуха делала настойки и лечила ими.

Быть может русские у себя на родине тоже будут лечить больных?

Один раз, когда у Касима болел живот, Веселов дал ему какой-то порошок, и он выздоровел.

Вспомнив об этом, Касим преисполнился благодарностью к Веселову и начал добросовестно и старательно искать тигра. Но нашел он только свернувшегося клубочком ежа, которого тут же и преподнес Ивану Викентьевичу.

Тот, не отрывая глаз от земли, взял ежа, укололся и передал колючий комок Вите:

— Возьми, Витя. Кажется, интересный экземпляр... — машинально сказал он.

Витя завернул ежа в носовой платок. В эту минуту Ислам-бай обернулся.

— Тигр там. — Он указал на заросли.

Темная тусклая зелень щетинилась камышевыми остриями.

При виде зелени верблюды подняли крик, и Ислам-бай заявил, что дальше надо идти пешком.

— Почему это?

— Нужно тихо-тихо. Сейчас зверь спит, жарко. А верблюд разбудит.

Доводы были основательны. Все сошли на землю. Мимо проковылял дудак на тонких ножках. В кустах нежно завела свою песенку гоин-карга — маленькая славка, лучшая певунья пустыни. Веселов проверил ружье. Клавдию Петровичу поручили сторожить верблюдов, которые тотчас же принялись общипывать зелень. Их не расседлали: Ислам-бай сказал, что тигр мог перейти на новое место, и тогда придется снова ехать верхом.

Витя отдал ежа профессору:

— Спрячьте, пожалуйста, Клавдий Петрович: интересный экземпляр...

Клавдий Петрович послушно взял ежика и пошел разыскивать подходящее место, чтобы спрятать находку Касима.

Все бесшумно двинулись в глубь зарослей.

Тень камышей ложилась полосами и превращала каждую кочку в полосатую тигровую шкуру.

Вдруг Веселов почувствовал, как новый проводник сжал его руку.

Желтые солнечные пятна попрежнему скользили по земле. Но вот одно пятно, кажется неподвижным — не тигр ли это?

— Он близко, — зашептал Ислам-бай, — я отойду немного: у вас всех ружья, а у бедного Ислам-бая нет даже хо-

рошей палки. Зверь не лучше человека; раньше всего он, конечно, бросится на беззащитного бедняка.

— Ты говоришь правду. Тебе опасно. Отойди в сторону, — сказал Костя, судорожно сжимая обеими руками ружье.

— Струсил! — презрительно улыбнулся Витя, когда Ислам-бай быстро удалился. — Ведь мы могли дать ему запасное ружье...

Все медленнее пробирались охотники сквозь душную заросль. Попрежнему то здесь, то там мелькали солнечные пятна и обманчиво походили на тигровую шкуру. Но звериных следов не было.

— Он обманул нас, здесь нет никакого тигра, — сказал, наконец, Костя.

— Мне тоже так кажется, — ответил Веселов.

Вдруг он вздрогнул, прислушался и бросился бегом по направлению к реке, откуда ветер донес крики верблюдов и голос Клавдия Петровича.

Одна и та же мысль мелькнула у всех: «Ислам-бай! Где он?»

Новый проводник исчез.

Уже издалека донесся голос Веселова:

— Р-е-б-я-т-а!

— Я говорил, что Ислам-бай — мошенник, — торжествующе бормотал на бегу Касим.

...Профессор сидел на земле, потирая голову:

— Он меня ударил! Он вскочил на переднего верблюда и удрал вместе со всеми остальными!

Все с ужасом переглянулись: действительно, верблюды, связанные друг с другом поводьями, должны были последовать за вожакom.

Вместе с верблюдами экспедиция потеряла и все запасы.

Удастся ли добраться пешком до какого-нибудь поселка? А дальше что?

— Я говорил, что Ислам-бай мошенник, — угрюмо бубнил Касим, растирая голову профессора. — Но отчего так кричит верблюд?

Рев верблюда все еще доносился до путешественников. Он то приближался, то удалялся, словно всадник не мог найти дороги.

Но ведь был день, и вор, наверно, хорошо знал местные тропинки.

Рев верблюда снова приблизился. Послышался треск сучьев. Прорываясь сквозь кусты, ломая их, вылетел верблюд. Его бег сопровождался необычайными прыжками, он мотал головой, припадал к земле, словно всячески стараясь сбросить ношу. На спине его корчился смертельно испуганный Ислам-бай.

Следом за первым верблюдом бежали, смешно и жалостно дергаясь, остальные, крепко привязанные к жожаку.

«Верблюд взбесился!» — была первая мысль Веселова.

Но вот животное с новой энергией заметалось из стороны в сторону. Ислам-бай слетел на землю, а верблюд остановился, дрожа и жалобно раскрывая вспененную пасть.

— Господин, — смиренно обратился Ислам-бай к профессору, — отчего ты не сказал мне, что ты любимый сын пророка и что коснувшийся тебя умрет? Я бы скорей пошел пешком через всю Такла-Макан, чем дотронулся бы до тебя или сел без разрешения на это благословенное животное, которое тащило меня через самый колючий кустарник.

И вор отвесил верблюду такой почтительный поклон, что все невольно засмеялись.

Касим набросился на обманщика и ругал его самыми обидными и выразительными словами.

— Убийца детей! — восклицал Касим, указывая на умирающих со смеха Витю и Костю. — Из-за тебя они погибли бы в пустыне!

Глаза Ислам-бая лукаво сверкнули.

— Ты все-таки нехороший проводник, — спокойно возразил он, с достоинством отряхивая пыль с одежды. — До первого поселения Хотанского оазиса несколько часов пути. Вы дошли бы до него по реке... А бедный Ислам-бай повернул бы в другую сторону, продал бы где-нибудь верблюдов и купил бы себе лошадь. Бедный Ислам-бай! — он вздохнул и исчез в кустах.

Никто его не преследовал.

— Я сильно подозреваю, — сказал Веселов, — что этот хитрец и не думал выводить нас на другую дорогу; просто он покружился между барханами и вернулся к тому же руслу, но только чуть южнее, туда, где Хотан-Дарья еще не затерялась в песках.

— Умный парень! — с невольным восхищением прибавил Веселов. — Он сразу сообразил, на чем поймать нас.

— Хотел бы я все-таки знать, — задумчиво сказал Клавдий Петрович, — отчего взбесился верблюд.

— И я не понимаю, что случилось с животным. Глядите, теперь верблюд совершенно спокоен. Костя, Витя, помогите Касиму расседлать нашу конницу. Отдохнем после этой сумасшедшей охоты.

Мальчики принялись развьючивать верблюдов.

— О-о! — закричал Костя, поглаживая заматавшегося во-жака и осторожно снимая с него седло. — Что это такое?

Под седлом, впившись в верблюжью спину, лежал колючий комок.

Бедный еж, сунутый профессором по рассеянности под седло, своими острыми иглами спас имущество экспедиции, а сам погиб во время скачки Ислам-бая на обезумевшем от боли верблюде...

* * *

Наконец экспедиция добралась до Ильчи — главного поселения хотанского оазиса.

И здесь вокруг оазиса лежали поля, покрытые сетью водяных прожилок. Как и в городах западного Туркестана, дома в Ильчи были маленькие, почти без окон; за глухими стенами лежали дворики, в которых росли тенистые деревья, протекала струйка воды, кричали ослики, и остро пахло нечистотами. Пожалуй, здесь было грязнее, чем в городах Русского Туркестана, да на шумном спрятанном под навес базаре все товары были подороже и похуже.

В Ильчи путешественники распростились с Касимом, подарили ему на прощанье верблюда, и он с попутным караваном отправился кружным путем в Ак-Су.

ГЛАВА XXIV

«Уважаемый товарищ Орешников!

Пользуюсь счастливым случаем, чтобы отправить вам очередное письмо. Редко пишу вам потому, что, как вы сами понимаете, мы почти совершенно оторваны от всего мира.

Но вчера внезапно появился аэроплан, который совершает рекордный перелет из Калькутты в Лондон. Он переполошил жителей Ильчи. Они до сих пор не знают, бежать ли им в глубь пустыни от дьявольского наваждения или же рассмотреть вблизи прилетевшее чудо. Многие не смогли преодолеть любопытства и побежали осматривать аэроплан, несмотря на воркотню английского летчика.

Через час огромная чудесная птица насосется досыта бензина, умчится и увезет с собой это письмо.

Витя тоже писал. Но в конце концов он разорвал свое послание, и от него вы, очевидно, письма не получите. Вы знаете, как он упрям. А он вбил себе в голову, что не должен давать о себе знать. Но в остальном он очень изменился за эти месяцы. Во-первых — вырос, во-вторых — возмужал, в-третьих — стал настоящим бодрым, крепким человеком.

Уверяю вас, что вы не пожалеете о разлуке с сыном. Он изъездил с Тышковским десятки поселков и, благодаря своему неистощимо хорошему настроению, юмору и веселости, всюду обзаводился приятелями. Он прекрасно овладел местными наречиями, и я знаю, что с каждого поля он брал образцы пшеничных зерен для Ковылей. Однако я не уверен, что Витя сохранил первоначальный интерес к пшенице. В последнее время он редко упоминает о «чудесном зерне». Зато за этот год Витя увлекался попеременно всем,

начиная от охоты и кончая раскопками Бурузана — города, развалины которого впервые исследовал Свен Гедин. Мы туда ездили всей компанией.

У Вити — богатырский сон, прекрасный аппетит. Он хворал за все это время только раз. Все остальное время он провел в непрерывной работе.

Иногда ему приходилось нелегко. Средства наши довольно скромны, почти все нам приходится делать самим. При раскопках мы редко нанимаем рабочих, а почти всегда сами беремся за лопату.

Сейчас, когда начались знойные дни, это не слишком большое удовольствие. А Вите приходится работать немало. Он больше всех копается вместе с Клавдием Петровичем в самых пустынных, заброшенных и неприятных местах Хотанской провинции.

Когда мы начинали нашу экспедицию, Витя работал под моим руководством, но с тех пор, как профессор нашел указания на существование древнейшего Великого Города, Витя пристрастился к археологии.

К сожалению, кроме случайных намеков на то, что город похоронен где-то поблизости в пустыне Такла-Макан, более подробных сведений Клавдий Петрович ниоткуда пока не получил.

Некоторые местные жители не верят в существование Великого Города, другие путают его с Бурузаном, третьи указывают на развалины, уже известные исследователям Восточного Туркестана. Есть, правда, несколько стариков, которым приходилось много ездить с караванами, — они уверяют, что Великий Город существует, но что его можно видеть только с разрешения духов пустыни, а в остальное время он невидим.

Вероятно, такое поверье происходит оттого, что песок, засыпавший древние развалины, по временам сдувается ветром, а затем снова налетает на город.

Во всяком случае, никто не может или не хочет указать Клавдию Петровичу нужную дорогу.

Витя чрезвычайно занят поисками Великого Города. Это у него доходит до азарта, как, впрочем, становится для

него азартом всякое увлечение. Сегодня он расспрашивал летчика, который довольно недурно говорит по-русски, — не пролетал ли тот над какими-нибудь развалинами. Но англичанину, перемахнувшему через Гималайский хребет, было не до развалин.

Витя очень этим расстроился. Но могу вас уверить, товарищ Орешников, что это хорошее огорчение, после которого ваш мальчик примется, как мужчина, за работу, за поиски. Впрочем, кроме Вити, огорчился ответом летчика еще некий сэр Генри Джуд.

Это чрезвычайно богатый путешественник, англичанин, который прибыл сюда из Индии, с собственным караваном в 50 верблюдов. Он-то и привез сюда запас бензина, пригодившийся для аэроплана. Сэр Генри Джуд неоднократно путешествовал по Азии, мечтая открыть что-нибудь необычайное. К сожалению, его преследуют неудачи.

В Бурузане Свен Гедин его опередил на один месяц. Козлов нашел в Монголии мертвый город Харо-Хото, в то время, как бедный англичанин искал этот город на три градуса южнее.

Негодует также этот путешественник на русско-немецкую экспедицию, недавно обследовавшую неизвестную до тех пор область Памира и открывшую там величайший в мире ледник.

Сейчас сэр Генри Джуд, кажется, хочет заняться розысками Великого Города — в конкуренцию нам. Во всяком случае, он очень интересуется работой Клавдия Петровича.

Я отвлекся, а время идет. Я вижу, что борт-механик-индус делает мне знак. Нужно торопиться.

Теперь — о Косте.

Я знаю, что о нем думают в Ковылях не меньше, чем о Вите.

Из коренастого белоголового подростка он за этот год лагерной жизни превратился в широкоплечего высокого юношу, с волосами, выцветшими от туркестанского солнца. Он крепок, здоров и серьезен. Несмотря на повседневную тяжелую работу, Костя ухитряется систематически заниматься. Его клеенчатая тетрадка давно исписана. А за ней

он исписал еще три тетрадки, уже не наши советские, а из китайской бумаги.

Записи свои он прячет, и я полагаю, что он ведет что-то вроде дневника.

Костя прекрасно управляет с нашим хозяйством и при этом работает во всех отделах маленькой экспедиции: этнографическом, археологическом, зоо-ботаническом.

Оба мальчика — я их так привык называть, хотя они почти взрослые люди, — думают и вспоминают о Ковылях, любят вас всех, но грустить — для этого у них просто нет времени!

А у меня нет времени, чтоб продолжать это письмо. Через несколько минут аэроплан улетает. Привет самый сердечный. Будьте спокойны. Через один или два месяца мы двинемся на северо-запад, домой».

Иван Викентьевич быстро надписал адрес.

Спустя несколько минут над Ильчи вспорхнула пронзительно стрекочущая птица, и обезумевшие от страха верблюды с ревом ринулись от нее во все стороны.

ГЛАВА XXV

Незаметно дни скоплялись в недели и в месяцы.

Коллекции Веселова пополнились новыми видами: крысой-песчанкой с тремя бороздками на передних зубах, безногой кроткой ящерицей, пугавшей врагов своим поразительным сходством с ядовитой змеей — цитомордиком. Но больше всего Веселов гордился крохотной змеей, найденной в окрестностях Бурузана. Это грозное животное было величиной с палец, но мышь умирала почти мгновенно от укуса ее игольчатых зубов, и Фын, китайский купец, с караваном пересекавший неоднократно пустыню, уверял, что даже верблюд умирает от укуса «черноголовой».

Бесконечно вежливый китайский купец старался встречаться с членами экспедиции как можно чаще. Экспедиция нуждалась во многом. Люди обносились, инструменты

требовали ремонта, не хватало патронов для охоты. А у Фына можно было раздобыть все, что угодно, начиная от шоколада, кончая мазью против насекомых. Но когда он называл цены, то Клавдий Петрович начинал вздыхать, а Веселов — ругаться.

Все же покупали и платили, а китаец день ото дня становился назойливее. Постоянные его визиты раздражали Веселова. Но Фын был неизменно вежлив, предлагал что-нибудь из товара и уходил, расточая сладкие приветствия.

Иногда он делал намеки на Великий Город, но, несмотря на всю его китайскую любезность, бедный профессор не мог добиться толку. На все расспросы купец отвечал изречениями Конфуция¹.

Все хотанцы точно сговорились против профессора, и дело не подвигалось.

— Бросьте, Клавдий Петрович, — говорил ему Веселов. — К сожалению, пора возвращаться, но в следующий раз мы метр за метром исследуем область. Я убежден, что сейчас, кроме новых смутных слухов, вы ничего не добьетесь.

— Да, — с горечью отвечал профессор, — через год здесь будет какая-нибудь английская экспедиция, найдет остатки погибшей великой культуры, а мы...

— И будет доказывать, что создали эту культуру древние предки Ллойд-Джорджа! А потому данная страна должна принадлежать Британии! — вмешался Витя.

— Не озорничай, Витя! — сказал Веселов и прибавил в утешение профессору: — А мы можем пробыть здесь еще месяца полтора. Расспросите поскорее Фына. Он исколесил этот край вдоль и поперек. Предложите ему за сведения мои часы. Только боюсь, что часы-то он возьмет, а правды не скажет!

— Мудрец сказал: «Обдумай дело десять раз, прежде чем дать ответ», — произнес Фын, когда пред ним блеснули золотые часы. Он жадно рассматривал хронометр Веселова, и Клавдий Петрович проникся надеждой.

¹ Древний китайский мудрец.

Но через час купец явился снова.

— Нет, умнейший из людей. Боюсь, что твои часы идут ие совсем правильно. — И Фын медленно вытащил из кармана другие.

— Часы фирмы Watch, — пробормотал Веселов.

— Видишь, — спокойно заметил китаец, — твои стрелки в один час убежали вперед на шесть секунд, а Конфуций говорит: «Прекрасны все мгновенья жизни». И по твоим часам я боюсь потерять шесть прекрасных мгновений.

— О! — воскликнул Витя, — это не наши часы спешат, а просто твои отстают. Смотри, не прозевай чего-нибудь!

Витя внезапно замолчал.

* * *

— Что ты хотел сказать Фыну? — спросил Витю Веселов, когда они остались вдвоем. — Мне показалось, что ты не договорил чего-то?

— Ничего особенного. Только, кажется, я знаю, где китаец раздобыл свои великолепные часы...

— Я тоже начинаю думать, что Великий Город существует. Фыну не напрасно платят за молчание, — серьезно ответил Иван Викентьевич. — И мне не нравятся его частые посещения. Я его сегодня опять застал в моей палатке. Не хочет ли он украсть что-нибудь?

События следующей ночи подтвердили подозрения Вити и Веселова.

Когда стемнело, Витя, ежедневно пытавшийся обучить змейку танцам, принес к огню из палатки Веселова легкую мелкоплетеную клетку — жилище пресмыкающегося.

Черная злая головка с бешенством ударялась о проволоку клетки и с легким шипом покачивалась из стороны в сторону.

Жалобные пронзительные звуки, которые Витя извлекал из тростниковой дудочки, только раздражали змею.

— Оставь ее в покое, — проговорил Костя. Он осторожно просунул внутрь клетки мышонка. — Эх, Витька, — продолжал Костя, принимаясь за починку профессорского пиджака, — знаешь, вот бы нашей змее к Ленке беспризорному попасть... Где-то теперь парень?.. Да не играй ты — у Черноголовки живот разболится от твоей музыки!

И Костя бросился отнимать дудочку. Витя брыкался и отбивался. Веселов, смеясь, глядел на них. И почти никто не заметил, как профессор ушел, забрав с собой легкую клеточку, портфель и пиджак.

Ночная прохлада приласкала всех. Крепко спали в приоткрытых палатках. Тишина надвинулась над пустыней. Крупные звезды мерцали в небе.

Бесшумно и легко шевельнулся край одной палатки...

...Витя, спавший вместе с Веселовым, вдруг проснулся. Сразу он не сообразил, в чем дело. В воздухе еще дрожал пронзительный звук, который разбудил мальчика. На мгновение все стихло, и снова раздался ни на что не похожий вопль.

Затем Витя услышал голос Веселова:

— Это из палатки профессора...—и бросился на крик.

Блеснули ручные электрические фонари и осветили белые полотняные стены.

Посреди палатки профессора стоял Фын. Его желтое лицо почернело от ужаса.

— Что случилось? — схватил его за плечо Веселов.

— О! О! Змея! Змея!

Веселов оглянулся. Змейка свирепо свистела в клетке. Около клетки лежал пиджак профессора — портфеля не было.

При виде этого Клавдий Петрович вскричал тревожно:

— Где мои бумаги?

— Ваши бумаги вы оставили в другом месте, — отвечал Веселов, — а вместо бумаг взяли к себе... — Веселов снова потряс китайца за плечо и сердито спросил: — Толком, толком скажи, в чем дело?!

Крик прекратился, и Фын протянул свою руку. На указательном пальце краснела капелька крови.

Все с ужасом смотрели на крошечную ранку.

— Черноголовая, — сказал кто-то топотом.

Было ясно: в поисках портфеля с профессорскими бумагами китаец наткнулся в темноте на случайно попавшую в палатку Клавдия Петровича клетку, и змея, которая еще с вечера была раздражена шумом и светом, укусила вора.

Если б она накануне убила мышонка, можно было бы еще рассчитывать, что в ранку попало немного яда, но змейка была голодна, и теперь не было надежды спасти китайца.

Веселов хотел расширить ножом рану и выдавить кровь, но китаец мрачно отстранил его:

— Поздно. От укуса черноголовой может спасти только «змеиный камень». Его нет у вас.

Наступило молчание. Витя медленно подошел к столу, поднял валявшийся пиджак профессора, внимательно посмотрел на него, повесил на гвоздь и уткнулся лицом в мягкую пиджачную спину.

— Не плачь, — сказал Иван Викентьевич. — Я попробую прижечь рану... — Но тут Веселов с изумлением приметил, что мальчик дрожит не от слез. Витя смеялся. Притянув к себе Веселова, мальчик зашептал ему на ухо.

Потом Витя подошел к Фыну. Китаец больше не кричал.

Он лежал на земле и немигающими глазами глядел на свою рану. Укушенный палец посинел, и казалось, что си-

нева ползла выше по руке.

— Слушай, Фын, — обратился к нему Витя, — ты умираешь. Но, — тут голос мальчика зазвучал торжественно, — но, как говорит Конфуций, «всякую вещь можно купить за подходящую цену».

Китаец поднял на Витю глаза и слушал.

— Например, портфель с бумагами профессора у тебя хотели купить за золотые часы. Не так ли? Однако самые прекрасные часы ничего не будут стоить, когда вот эта синева дойдет до твоего сердца.

Фын жалобно застонал. Он с ужасом взглянул на чернеющий палец.

— Но, — продолжал Витя, — что дал бы ты, например, вот за эту вещь?

В его руке блеснул синий камень величиной с кулак.

— Взгляни на эти знаки. — Витя поднес камень к своему носу китаец и спросил: — Узнаешь ты эту надпись?

— Нет, — пробормотал Фын.

— Ты мало читал Конфуция. Это змеиный камень!.. Змеиный камень, найденный великим нашим начальником товарищем Веселовым в черной голове ядовитой змеи. Той самой, что Иван Викентьевич собственноручно убил на прошлой неделе!

Китаец приподнялся, как на пружине.

— Спаси меня!

— Конечно, спасу, но только за плату — за хорошую плату, дружочек!

— Я отдам тебе мой магазин на базаре и тот караван, который должен притти из Калгана.

— Нет, купеческая твоя душа! Ты мне лучше скажи, где находится Великий Город... Взгляни — опухоль идет выше!

Несчастный взглянул: синева начала покрывать кисть руки.

— Скажу! Скажу! Я сам провожу вас туда. Кроме меня, во всем Хотане дорогу знают не больше десяти человек. Они боятся пустыни и молчат. Но «черноголовая» страшней всякой пустыни, и я провожу вас в Великий Город.

— Правда?

— Клянусь моей могилой и могилами моего отца и деда!

Тут Витя решил, что поверить можно: редкий из китайцев рискнет нарушить такую клятву, — и торжественно прижал синий камень к укушенному пальцу.

Фын с надеждой повернул к мальчику перекошенное лицо.

— Поклянись и ты, что я останусь жив,

— Клянусь московским крематорием! — прочувствованно говорил Витя, придерживая камень.

Мало-по-малу лицо Фына начало светлеть. Зловещая синева на руке побледнела, уменьшилась и наконец исчезла.

ГЛАВА XXVI

Изгибаясь в поклонах, Фын покинул палатку, куда час назад он пробирался ночным воров.

Невдалеке от лагеря советской экспедиции он наткнулся на сэра Генри Джуда.

— Ну, что? — нетерпеливо спросил англичанин.

— Высокорожденный, — ядовито отвечал китаец, — твои часы оказались никуда негодными. Я их выбросил с мусором. — И не обращая внимания на рассерженного англичанина, Фын исчез в темноте.

* * *

Когда купец ушел из палатки, на Витю посыпался град вопросов. Всех, кроме Веселова, изумила нелепая церемония со змеиным камнем. Мальчик, сияя и хохоча, ответил:

— Все объясняется очень просто: дело в том, что змейка не укусила Фына.

— Как не укусила?!

— Она не могла его укусить! Да! — продолжал Витя, и глаза его победно сверкали. — Да, змея не укусила, потому

что не могла укусить. Потому что она сидела в своей клетке — в специальной, мелкоплетеной, безопасной, совершенно безопасной клетке!

Все переглянулись.

— Ну, а ранка откуда же?

Молча Витя снял с гвоздя пиджак Клавдия Петровича. В рукаве торчала забытая Костей иголка.

— Дело в том, что вечером профессор захватил с собой немножечко не то, что хотел захватить. Он взял в свою палатку змею, а портфель забыл. Я думаю, — продолжал Витя, — что вор, шаря руками в поисках портфеля, услышал в темноте хорошо знакомый ему змеиный шип и испугался. А когда он наколол палец на Костину иголку, то совсем обезумел и нисколько не сомневался, что его укусила змея.

— Почему же у Фына все-таки посинела рука? — удивился Костя.

— А вот этого я и сам не знаю!

— Это я могу вам объяснить, — сказал Веселов. — Видите ли, если нервный человек сильно испугается какой-нибудь болезни, то бывает, что у него появляются все ее признаки, хотя он совершенно здоров. Во время эпидемий часто появляются такие мнимые больные.

— Значит, рука у Фына синела только от того, что он знал, что ей полагается синеть после змеиного укуса?

— Ну, конечно.

— Ах, и здорово же напугался Фын! — рассмеялся Костя. — Умный китаец и хитрый, а с испуга поверил, что камень в кулак величиной мог поместиться в голове черноголовой змеи. Кстати, откуда ты, Витька, раздобыл этот камень?

— Из археологической коллекции Клавдия Петровича. Иван Викентьевич, скажите, пожалуйста, откуда взялась сказка о змеином камне?

— Это не сказка. Змеиный камень существует. Разумеется, его не находят в голове гадюки или кобры. Его приготавливают из обожженных костей, извести и обугленной смолы. Такая масса легко впитывает в себя жидкость. Если приложить змеиный камень к ране, то он вместе с кровью вытянет и яд. Индусские священники веками хранили в

тайне этот секрет. Да и теперь, как видишь, еще верят в волшебный камень.

— Однако, ребята, — прибавил Веселов, зевая, — пора последовать примеру этого умного животного. — Он указал на змею: она лежала сонная, переваривая проглоченного мышонка.

Все разошлись по палаткам.

Один только Клавдий Петрович не мог спать. Радость не давала ему закрыть глаза. С волнением Клавдий Петрович мечтал о Великом Городе.

Утром ждали Фына. Но ни утром, ни днем купец не пришел. Лишь к вечеру он прислал оборванного китайца, который передал от Фына тысячу тысяч извинений и весть о том, что Фын чувствует себя плохо после змеиного яда и не может сопровождать экспедицию. Взамен себя купец предлагал в проводники этого самого оборванного китайца. Звали посланного Чаон-Го. Он уверял, что не хуже своего хозяина знает местоположение Великого Города. Ему пришлось проезжать мимо этих развалин, когда караваны Фына везли контрабанду и не могли пользоваться обычной дорогой.

ГЛАВА XXVII

Теперь вел экспедицию Чаон-Го. Делал он это неохотно, но добросовестно. При наступлении темноты он бормотал заклинания от злых духов. Множество амулетов болталось у него на шее, у пояса и у седла.

Дорога оказалась мучительной.

Вода из бурдюков, наполненных у последнего колодца Эч, была неприятна на вкус. Мелкая едкая пыль раздражала кожу, проникала под платье, скрипела на зубах. Чай, поставленный на огонь, превращался в жидкую грязь. Но никто не жаловался на трудности перехода.

Уже четверо суток экспедиция была в пути. Великий Город приближался, и все были взволнованы его приближе-

нием. Но больше всех волновался профессор. Он приподнимался в седле, что-то бормотал, снова опускался в седло. Несмотря на слой пыли и загара, было видно, что профессор похудел и побледнел.

Последние часы все ехали в глубоком молчании.

Вдруг китаец протянул руку и коротко сказал:

— Город.

Из-за дальнего бархана, сверкая на солнце блестящими гранями, как обломок огромного зуба, торчал темно-красный камень.

Лицо Клавдия Петровича стало такого же темно-красного цвета. Он дотронулся рукой до воротника, словно горло его не могло пропустить глотка воздуха. Потом профессорская рука обхватила шею верблюда.

Неизвестно, ущипнул ли Клавдий Петрович своего «коня», или верблюд почувствовал, что именно сейчас наступило время показать свою прыть, но только животное рванулось вперед и в несколько минут, ныряя меж одними барханами, карабкаясь через другие, скрылось из вида.

Только когда караван добрался до красного обломка, на который указывал Чаон-Го, увидели профессора.

Вооруженный лупой и двумя парами очков, Клавдий Петрович лежал на раскаленном песке и разбирал почти исчезнувшую надпись на остатках разрушенных ворот, которые подымались из песчаного моря Такла-Макан.

Обломанный красный зуб оказался верхушкой башни, на три четверти засыпанной песками, и эта башня была только началом, только частью спрятанных сокровищ.

Между барханами виднелись развалины.

Кусок стены блестел на солнце уцелевшей облицовкой. Дальше виднелся ряд шестиугольных построек, похожих издали на огромный пчелиный сот.

Потонувшие в пустыне остатки города там и сям протягивали свои обломки, словно умоляли о спасении.

Это был «Великий Город».

Нужны были тысячи рук, сотни дней и много любви и терпения, чтобы раскопать чудовищную песчаную насыпь и отдать науке то, о чем до сих пор не ведала история.

Этот город уже лежал в развалинах, когда две тысячи лет назад китайские войска заняли цветущие долины Хотана, и Клавдий Петрович был первый европеец, который прошел через его ворота.

Клавдий Петрович опустил увеличительное стекло и обернулся.

Одна пара очков сдвинулась на лоб, другая съехала на кончик носа, и между ними глядели сияющие, счастливые глаза профессора.

— Это прекраснейшие в мире иероглифы, — с ликованием произнес профессор. — Я в них решительно ничего не понимаю!

Все окружили профессора, поздравляя его: кто пытался сказать маленькую речь, кто обнимал Клавдия Петровича, кто молча тряс его руку.

* * *

У ворот Великого Города, возле зубцов темно-красной башни, экспедиция раскинула лагерь.

Витя был целиком поглощен Великим Городом. Необычайные открытия и приключения мерещились ему в этих развалинах, над которыми протекли тысячелетия и которые хранили в себе память о неизвестном прошлом.

Профессор и Витя работали почти круглые сутки.

Правда, приходилось торопиться. Неожиданное открытие Великого Города застало экспедицию врасплох. Средства экспедиции иссякали, пора было возвращаться домой.

К тому же мучились с водой. В колодце, вырытом у лагеря, вода скоплась в чрезвычайно скудном количестве. Раз в неделю Чаон-Го отправлялся за водой к колодцу Эч. Корм верблюдам выдавался тоже в половинном размере, и чуть ли не по полдня проводили в поисках верблюжьих колючек между песчаными грядами.

Первое время осматривали развалины на поверхности песчаного моря. Было очевидно, что эти остатки города не раз покрывались песком и лишь по капризу бурь иногда появлялись на поверхности. Камни построек были изъязвлены острыми песчинками и сухим ветром, и только немногие стены сияли блеском полированного камня.

Доступней всего оказались шестиугольные башни.

Они, вероятно, служили когда-то крепостью и были массивны и грубы. Камни, из которых были сложены стены, поражали своими размерами. Казалось невероятным, чтобы люди без помощи машин могли сдвинуть эти глыбы.

Клавдий Петрович пришел к заключению, что шестиугольные башни и немногие другие постройки — более позднего происхождения, чем ворота города и чем те стены, которые сохранили через тысячелетия блеск и свежесть своей облицовки.

Витя доказывал, что в древности здесь были машины не хуже наших, иначе, по его мнению, люди не могли бы притащить такие камни. Но осмотр крепости поколебал его уверенность.

Через проломы в стенах экспедиция проникла в башни, оттуда в крепостные подвалы, в которых некогда хранился провиант и боевые припасы. Некоторые же из них, должно быть, служили темницами. По крайней мере, в од-

ном из подвалов был найден скелет, который, когда до него дотронулись, рассыпался белой пылью.

Темница на всем пространстве, куда только могла дотянуться рука узника, была покрыта грубыми, первобытными рисунками.

Инструмент, которым пользовался неведомый художник, валялся тут же на земле: это был овальный камень с заостренными краями.

Чтобы при помощи этого камня в темноте подвала покрыть рисунками стены тюрьмы, требовалось нечеловеческое терпение и долгие годы заключения.

— Слушай, Витя, — сказал профессор, — ты составил себе мнение о том, как строилась эта крепость. Но ты не привел ни одного доказательства. А вот здесь кое-что имеется. — Профессор пальцем обводил контуры глубоко вырезанных в камне фигур. — Смотри внимательнее. Ты видишь, здесь изображена постройка. Сколько рабочих! Они тащат камни, поднимают их, укладывают... Они падают под непосильной тяжестью... А вот тут лежат голые тела. Их клюют птицы. Это тела тех, которые не выдержали работы и погибли. Около работающих стоят люди в повязке и с плетью в руках. Безусловно, это надсмотрщики. Витя, ты узнаешь здание, которое они строят?

— Конечно, — ответил Витя, — это шестиугольная башня.

— Ну, вот видишь, — строители поднимали на собственных спинах камни, из которых построена крепость. Если они падали от изнеможения, их поднимали ударами. Не хитрая машина... А?

— А здесь что изображено? — спросил Витя и указал на две фигуры на другой стене.

Опрокинутый навзничь человек, в повязке надсмотрщика, лежал на земле. Его попирали ногой второй человек — голый, как те, что трудились над постройкой башни.

— Хотя я и не археолог, но мне это кажется ясным, — задумчиво сказал Костя. — Рабочий убил надсмотрщика. Может быть, он хотел поднять восстание, и, может быть, это он сам был брошен в тюрьму, прикован к стене, и он же вырезал эти рисунки.

— Вполне правдоподобно, — заметил Клавдий Петрович.

— Вот она какая, археология! — с восторгом воскликнул Витя.

ГЛАВА XXVIII

Занялись раскопками.

Однако первые дни не принесли ничего интересного. Немногие найденные вещи разлетались пылью, когда до них дотрагивались. Песок снова и снова сыпался на откопанные развалины. Днем невыносимый зной кружил голову, а безлунные ночи были темны, и электрические фонари плохо помогали работе.

Лучше всего было в первые утренние часы. Но чем выше поднималось солнце, тем медленнее становились движения работающих. В полдень путешественники спасались в глубину крепостных подвалов.

В одно удачное утро попали на «жилу» и откопали ряд предметов, которые уже не таяли в руках от малейшего прикосновения. Эти вещи были из бронзы, стекла и нефрита исключительно художественной работы. Но «жила» исчезла так же внезапно, как и появилась.

Наконец однажды благодаря буре, бушевавшей всю ночь и к утру разметавшей песчаный холм, добились первого крупного успеха: обнаружили дом, которому, по мнению профессора, насчитывалось не менее 4 000 лет. В этом доме оказались различные вещи домашнего обихода. Но все они находились в жалком состоянии: песок, века кочевавший над ними, изгрыз их.

Клавдий Петрович затосковал: перед ним лежала сокровищница, но он не мог использовать ее. Чтобы разрыть все пески и добраться до неповрежденных остатков Великого Города, нужно было затратить средства, в тысячу раз превосходившие средства экспедиции.

И Чаон-Го усердно помогал в работах, и безмолвный Тышковский яростно разбрасывал песок, и Веселов с неизменной аккуратностью работал спокойно и четко, но дело подвигалось туго. Экспедиция потеряла «жилу», вещи стали попадаться все реже.

В одно раннее утро, когда ночная прохлада еще освежала воздух, Витя со злостью бросил лопату.

— Я точно муравей в яме: лезу-лезу, мучусь-мучусь, а песок все осыпается. Чаон-Го! — крикнул он с отчаянием китайцу. — Неужели же нет местечка, где барханы над развалинами наворочены не в таком количестве?

Чаон-Го ответил, что на восточной окраине Великого Города барханы должны быть пониже, но он не станет копать в тех местах.

— Отчего? — удивился Витя. — Разве не все равно тебе, где жариться на солнце?

— Чаон-го не коснется лопатой земли у восточных стен Великого Города, потому что мертвые уходят навстречу солнцу. У восточных стен находится кладбище, и ни один китаец не станет раскапывать могил!

Клавдий Петрович, узнав о разговоре с Чаон-Го, назвал себя старым дураком за то, что сразу не догадался осмотреть восточную сторону города.

Чаон-Го горько сожалел о своих неосторожных словах, но, как добросовестный проводник, повел экспедицию. Однако он клялся, что не дотронется до лопаты и ежеминутно проверял, на месте ли все его амулеты.

Западные ворота и башни скрылись из вида, дорога мелькала однообразными песчаными волнами. Казалось невероятным, что под этими застывшими волнами лежат дома, улицы, люди и вещи.

Переход длился около часа. Барханы стали ниже. Кое-где снова показались остатки стен.

На этот раз удача улыбнулась Клавдию Петровичу. Между двумя барханами виднелось на три четверти увязшее в песке здание, похожее на огромную юрту. Но эта «юрта» была выстроена из синего и желтого кирпича, твердого, как бетон. Кирпичу было несколько тысяч лет.

Как в настоящей юрте кочевников, в этом здании не было окон. Если в нем и была дверь, она скрывалась под песком, и экспедиции предстояла тяжелая работа найти ее. Все были измучены, но никто не медлил ни минуты. Замелькали лопаты, заструился песок.

Только Чаон-Го, расседлав верблюдов и распаковав выюки, уселся на песке. Он не желал работать.

Копали молча.

Клавдий Петрович с тоскливой жадностью поглядывал на здание. В огромной каменной юрте не виднелось никакого отверстия: это и печалило и радовало профессора. Печалило, потому что нельзя было проникнуть внутрь, а радовало, потому что давало надежду на то, что все находящееся внутри постройки сохранилось.

Стали соображать, не пробить ли стену.

Вдруг Тышковский хлопнул себя по лбу и уронил одно слово:

— Дым!

— Какой дым?

Тышковский молча указал пальцем на куполообразную крышу здания. Но купол не дымился.

— Какой же дым?

— Отверстие...

— Отверстие?

— О, я понимаю! Тышковский говорит, что, быть может, на верхушке купола есть отверстие, какое бывает в обыкновенных юртах для дыма! — воскликнул Костя, вскарабкался на крышу здания, и вскоре оттуда раздалось его звонкое:

— Так и есть!

— Отверстие? — встревоженно спросил профессор. — Значит, постройка наполнена песком?

— Нет, но здесь есть медная круглая заслонка, которая, должно быть, закрывает отверстие.. А на заслонке какой-то зверь вырезан.

В несколько минут все очутились рядом с Костей.

Действительно, верхушку здания закрывала круглая медная заслонка.

Заслонку не без труда сняли.

Выждали, пока свежий воздух войдет в помещение, и все по веревке спустились внутрь. Лучи солнца врывались через отверстие в куполе и освещали внутренность помещения.

Чаон-Го был прав: на восточной окраине Великого Города было расположено кладбище, — найденная постройка была древней гробницей, и в ней, очевидно, был похоронен славный охотник.

Четыре скелета тигров, быть может, трофеи последней охоты, лежали по четырем углам намогильного камня. В ногах вытянулась бронзовая фигура барса в золотом ошейнике. Глаза его, сделанные из зеленого камня, блестели.

Возле могилы лежало оружие — меч и наконечник копья, древко которого сгнило. Стены были покрыты рисунками, изображавшими охоту с охотничьими гепардами и соколами.

Опьяневший от восторга профессор сравнивал найденную могилу с египетскими гробницами и уверял, что могилы Великого Города не хуже. Памятники древнего Египта были больше и богаче, но зато «юрта» превосходила их в художественном отношении.

Вслед за первой гробницей в течение ближайших недель были открыты еще две. Ни формой, ни размерами они от нее не отличались. Одна из них хранила сундук, наполненный предметами женского обихода. Там были разукрашенные зеркала из полированного серебра, прялка, украшения и легкая шелковистая пыль — остаток от платьев, когда-то положенных в сундук. Красивое женское лицо было вырезано на могильной плите, на двери и на снятой верхней ставне.

В третьей гробнице были найдены статуэтки, шкатулки, букеты цветов из сплава серебра и золота. И так как на медной ставне было изображение человека, лепящего куклу или статуэтку, то решили, что в этом склепе похоронен художник.

На новом месте экспедиция работала налетами, потому что здесь не было ни капли воды. Приезжали сюда на рас-

свете, а вечером возвращались к западным воротам.

Время шло. Средства и силы истощались. И когда открыли четвертую гробницу, решили вернуться в Хотан, а оттуда ехать в СССР.

Последняя находка ошеломила всех, а в особенности Витю. Эта четвертая гробница была так глубоко скрыта в одном из барханов, что вершина ее купола приходилась почти вровень с гребнем песчаной насыпи, и Витя совершенно случайно наткнулся на верхушку гробницы своей лопатой.

Один Костя услышал его громкое:

— Ох!

— Ты чего? — обернулся он.

На верхушке купола четвертой гробницы, только что вынырнувшей из песка, сверкал знак, тот знак, который увел мальчиков за 5 000 километров от Ковылей.

Золотое солнце в венце из пшеничных колосьев блестело в горячем песке.

ГЛАВА XXIX

На помощь Вите собрались все члены экспедиции.

Сам Витя работал так, что товарищам страшно становилось, когда они взглядывали на его багровое лицо.

Какую тайну прятала четвертая гробница? Не хранятся ли в ней зерна чудесной пшеницы?

— Да это не медь! — с удивлением воскликнул Веселов, рассматривая диск, закрывавший отверстие в склеп. — Похоже, что сюда примешали серебро.

— Должно быть, царская гробница, — коротко ответил Клавдий Петрович.

Размеры купола, превышавшего вдвое куполы первых трех могил, тоже заставляли думать, что здесь лежал не «простой смертный».

Заслонка подалась, поехала в сторону, и верхушка купола глянула в небо черной дырой.

Исследователи спустились в гробницу.

Внутри стены гробницы мерцали разноцветными фарфоровыми плитками. Нежная окраска сияла такой свежестью, словно фарфор только вчера вышел из рук мастера.

Только в одном месте не хватало нескольких блестящих плиток, и это место зияло черным пятном. На одной из стен была картина.

Каждая фигура в этой картине состояла из бесчисленных кусочков разноцветного фарфора, которые были подобраны так искусно и тонко, что в двух-трех шагах картина казалась написанной красками.

На синей горе, вокруг которой расплывались облака, стоял человек. В руках он держал кувшин такой же формы, как и сосуды, найденные в Великом Городе. Человек наклонял кувшин и лил на землю воду. Семь разноцветных дорог бежали с горы и, пройдя сквозь пестрые луга, кольцом охватывали семь городов. Изумительные крошечные фарфоровые дома напоминали постройки, лежавшие теперь грудой развалин под песками Такла-Макан.

Но нигде на картине, ни в одном из семи городов, не было ничего похожего на мрачные шестиугольные башни. Этот факт подтверждал слова профессора о том, что крепость построена гораздо позднее остального города.

Кроме этой картины, никаких украшений и вещей в гробнице не было. Только венок из золотых колосьев шел вокруг открытого сверху отверстия.

Витя поднял руку, указывая на этот венок.

— Клавдий Петрович, я знаю, почему здесь изображены колосья. Когда солнце в полдень проходит над этим окном, снизу кажется, что солнце окружено венком пшеницы. Чудесной пшеницы... — прибавил тише мальчик.

— Гляди, — шопотом прибавил он, сжимая руку Косте, — ведь могильная плита кажется золотой, оттого что на ней нарисованы тысячи крохотных пшеничных венков и тысячи маленьких солнц.

Сделали массу снимков «гробницы семи городов», как назвал могилу Клавдий Петрович. Фотографировали до тех пор, пока не истощился весь запас пластинок.

Из гробницы нечего было взять, кроме изумительных фарфоровых стен. А чтоб перенести их целиком в музей, где тысячи людей смогли бы любоваться их тысячелетней красотой, требовалась другая — специальная экспедиция.

Клавдий Петрович глядел на зияющее черное пятно на фарфоровой стене. Кто же вынул плитки?

И профессор вздыхал. Он боялся, что тот, кто опередил его и нанес первую рану «гробнице семи городов», вернется вскоре, чтобы закончить начатый грабег.

— Они не постесняются, — вздыхал профессор. — Какой-нибудь варвар-миллионер, чтобы разукрасить свою квартиру, способен выломать всю облицовку и по кусочкам вытащить эту единственную в мире мозаику.

Но вскоре Клавдий Петрович успокоился. Было более похоже на то, что давно уже, может быть сотни лет, гробница никем не посещалась, и вора, выломавшего часть облицовки, вероятно, уже несколько столетий нет на свете.

Но кто же был человек, для которого воздвигли такую необычайную гробницу?

В первых трех склепах напрашивались догадки: то были, видимо, могилы — охотника, женщины, художника.

Но кто этот человек на вершине горы с кувшином в смуглых руках? Изображение казалось портретом, а не просто картиной. Морщины на широком лбу, пряди длинных волос, полуседая борода и глубокий рубец на щеке — все это доказывало, что тысячи фарфоровых осколков увековечили не фантазию художника, а живого человека.

Тысячелетия стояла гробница, а человек на картине улыбался в темноте, как улыбался он и теперь — лучам и солнцу, и людям, заглянувшим в гробницу.

Витя тщетно ломал себе голову: зачем и почему столько раз в гробнице повторялся таинственный знак заповедной пшеницы? Он расспрашивал Клавдия Петровича, но профессору было теперь не до этого. Клавдий Петрович собирал материалы, торопливо делал зарисовки, укладывал найденные вещи, — оставалось немного дней.

Витя тщательно обыскивал откопанные в Великом Городе сосуды, не найдется ли в них хоть горсточка семян. Витя помнил, что при раскопках каких-то памятников древнего Египта были найдены зерна пшеницы; их посадили, и они взошли не хуже, чем те зерна, которые сеются каждой весной.

И мальчик надеялся найти среди развалин зерна, собранные несколько тысяч лет назад под здешним жгучим солнцем. Уж эта пшеница, наверное, не побоялась бы засухи!

Но ни одного зернышка не оказалось.

ГЛАВА XXX

— Ох, как мне жалко уезжать отсюда! — проговорил Витя.

По всей стоянке валялись клочья бумаги, обрывки веревок. Запаковывались тюки. Все, что было возможно взять с собой из Великого Города, увезли для музеев.

Маленькие человечки из желтой и золоченой глины, сохранившиеся в гробнице художника, мирно лежали в ящиках, переложенные ватой и бумагой; древние кувшины, чашки с цветочным узором — все это было уже упаковано.

Клавдий Петрович заботливо и бережно окутывал шелковистой бумагой хрупкие вещи. Он надел вторую пару очков и любовался милыми его сердцу предметами.

Услышав горестные слова Вити, Клавдий Петрович тя-

жело вздохнул.

— Если бы можно было остаться еще хоть на полгода!

— А я, признаться, — сказал с улыбкой Веселов, — в глубине души все-таки предпочитаю те вещи, которые делаются сейчас на фабриках и заводах. Какой толк в этих старых кладбищенских штуках?

— Не смейтесь, Иван Викентьевич, — возразил Витя, — над кладбищенскими древними вещами, а то Чаон-Го испугается, что дух его покойной тетки отомстит нам в пустыне!

Последнюю фразу Витя произнес по-китайски, подмигивая в сторону Чаон-Го.

Китаец, которого не выводили из терпения ни жара, ни усталость, ни даже свирепые насекомые пустыни, рассердился. Мутный румянец окрасил его желтое лицо.

— Не говори дурно о моей достопочтенной тетке и не отзывайся с насмешкой о духах пустыни. Если б не жадный Фын, я никогда не решился бы притти сюда.

— Хорошо, что ты сознаешься, Чаон-Го. А мы с Костей раньше думали, что в Хотане живут храбрые люди.

— У тебя на языке такой же огонь, как и в волосах, — с обидой ответил проводник, — но ты вернешься в свою страну, и ни один дух пустыни не погонится за тобой так далеко.

— А до Хотана злой дух разве добежит?

— Не знаю. Может быть нет. Фын сказал, что нет. И потому я пошел с вами. Но Фын не всегда говорит правду.

— А как же ты в пустыне не боишься духов?

— Я боюсь. Но я никогда не остаюсь один. А духи пустынь появляются, когда возле человека нет никого другого.

— Значит, ты сейчас ни за что бы не отъехал на один час пути от стоянки?

— И ты, храбрец с огненной головой, не отъедешь.

— Дурак будет, если отъедет, — спокойно заметил Костя. Он закончил свою работу и пошел помогать профессору.

— Давай-ка снесем вещи в палатку, — обратился к нему Клавдий Петрович, и оба они ушли. Веселов и Тышковский крепко спали у костра.

Витя поглядел на китайца.

Ему показалось при неверном свете огня, что Чаон-Го смеется. Смеется, считая его, Витю, суеверным трусом.

А Чаон-Го вовсе не смеялся. Наоборот, мысли его были довольно грустные. Он думал о Фыне, который, наверное, обманет его и снова заберет его заработок в счет долга. Десять лет назад он занял у Фына немного денег, и Чаон-Го, бедный неграмотный Чаон-Го, не понимал, как это случилось, что вот уже одиннадцатый год он выплачивает этот долг, а долг все не уменьшается.

Еще думал Чаон-Го о том, какие странные и непонятные люди эти русские. Они, впрочем, ничего: они добрые, храбрые и веселые.

О своем разговоре с Витей китаец уже забыл, когда рука мальчика тронула его за плечо.

Витя стоял перед ним и говорил:

— Я оседлал Рыжего. Он сердится, но это пустяки. Я поеду к могиле Семи Городов, а чтоб ты поверил, что я был там, я привезу очки Клавдия Петровича: он их вчера опять забыл в гробнице.

Проводник с испугом схватил Витю за руку.

— Не делай этого! Что скажет мудрейший из людей, если я тебя отпущу одного? И многоуважаемый, высокочтимый товарищ Веселов тоже будет сердиться на Чаон-Го. Гнев его будет справедлив, потому что ты только упрямый ребенок, а духи пустынь свирепы...

— Ничего не скажут ни профессор, ни товарищ Веселов: я вернусь прежде, чем потухнет костер.

Витя хлопнул себя по боку: там болтался револьвер.

— Вот средство, если не от духов, то от зверя... А... все-таки скажи, тигры не заходят сюда? — Голос Вити слегка дрогнул.

Весьма вероятно, что Витя все же остался бы возле огня. Он очень наработался за день. Хорошо бы, как Веселов, крепко заснуть у костра... Но мальчик сам уловил в своем голосе колебание, и самолюбие заставило его перебороть себя.

Недовольный верблюд выплыл к западным воротам.

Под лунным светом песок дымком курился на барханах. Ветер колыхнулся теплой волной и замер, ударившись о разрушенную стену.

Чаон-Го все еще шел за мальчиком и уговаривал вернуться. Наконец он пригрозил Вите, что пойдет разбудить Веселова. Мальчик повернулся к нему, наклонился с верблюда и произнес упрямо и раздраженно:

— Попробуй только! Не будь я Витя Орешников, если не расскажу всем духам пустыни, что это ты роешься в старых гробницах! Пусть самый свирепый дух слопает тебя!

Чаон-Го, потрясенный Витиной угрозой, неподвижно застыл на месте. Потом быстро побежал к костру: нельзя в пустыне оставаться одному!

Ветер усиливался и Витя быстро удалялся.

Прошел час. Барханы закрылись черной бушующей пеленой. В воздухе слышалось рычание: это мчались пески пустыни.

ГЛАВА XXXI

Верблюд терпеливо шагал, осторожно ставя копыта на дымящийся песок. Миллионы песчинок катились под дыханием жаркого ветра, и следы исчезали, словно кто-то их тщательно стирал.

Мгла заволакивала небо; воздух, потемневший и тяжелый, почти не пропускал света.

Солнце, по которому Витя пытался определить место стоянки, исчезло, и мальчику от непрерывного покачивания верблюда начало казаться, что животное кружится на месте.

Барговые пески двигались, сыпались, дымились.

Они выплывали из-за жгучей мглы, падали и снова появлялись на прежнем месте — бесконечные, одинаковые, страшные своим однообразием.

Минутами Вите казалось, что пески с невероятной быстротой вертятся в противоположную сторону, как бывало, когда слишком долго кружишься на карусели.

Витя еще и еще раз пытался уловить солнечный луч, пытался определить направление, но невидимое солнце висело где-то за красной мглой, и верблюд продолжал идти неизвестно куда.

Витя осмотрел револьвер. В нем осталось только два патрона. Горячая сталь обжигала руку. Витя выстрелил два раза. Выстрелы замерли без ответа. Казалось, сыпучие пески проглотили звук.

Постепенно свет угас, красная мгла почернела. Не погасло ли солнце навсегда? Нет, — только наступила ночь. Уже вторая одинокая ночь в пустыне.

Воспоминание о первой ночи было похоже скорее на давно прочитанную главу из приключенческого романа.

Еще не проехав и половины дороги до могилы Семи Городов, Витя сбился с пути.

Струившийся в лунном свете песок перепутал все знаки, по которым днем легко добирались до гробницы.

Когда же поднялась песчаная буря, отчаяние охватило мальчика.

Помня, что опасней всего оставаться на одном месте, Витя всю ночь гнал верблюда, и ему казалось, что они воз-

вращаются к лагерю.

Когда настала вторая ночь, верблюд опустился на землю. Он повернул голову, и кроткие глаза его в тщетной надежде следили за мальчиком.

Витя с трудом слез с седла и погладил Рыжего — так звали верблюда.

— Бедняга, — просипел он, — ты ждешь воды. Негде, негде взять ее!

Он лег возле верблюда, но накаленный за день песок жег кожу. Шатаясь от слабости, Витя вырыл яму карманным ножом и опустился на менее горячий слой песка. Тяжелый сон окутал его.

Когда он проснулся, небо было прозрачно и ясно. Блестящая луна висела над пустыней, голубые барханы застыли волнами от края до края.

В глубочайшей тишине спала пустыня, и миллионы миллионов песчинок неподвижно лежали на безбрежном пространстве. Нужно было пользоваться затишьем и ночной прохладой.

Отчаянным напряжением воли Витя заставил себя встать. Долго карабкался он в седло, красный туман застилал ему глаза. Отощавший верблюд зашагал по серебряному песку. Между его обвисшими горбами сидел Витя, а позади бежала их черная короткая тень.

Перед рассветом откуда-то сверху донесся дальний и нежный звук. Витя поднял голову.

Высоко-высоко, наперерез спускавшейся луне с севера на юг летела знакомым косым углом стая птиц.

Журавли.

Птицы устали. Они летели издалека, и с ними на журавлиных крыльях летела, весть о том, что на севере заалела рябина, что там потянуло непогодой: нависли тучи, наступало время долгих холодных дождей.

Птицы устали, им негде было отдохнуть. Внизу под ними распластались бесплодные пески, да чернела тень одинокого мальчика.

Выкатилось ослепительное солнце, залило розовым светом пустыню, и Витя забыл о птицах. Чем выше поднима-

лось солнце, тем ниже склонялась голова мальчика к бурой верблюжьей шее.

Вдруг Витя заметил, что из-под ног верблюда скользнула ящерица. Он встряхнулся и стал оглядываться.

Если здесь жила ящерица, значит где-то есть близко вода, и надо раздобыть хоть несколько капель.

Надежда окрепла: между двумя песчаными холмами жалкий куст тамариска протягивал узловатые ветви.

Радость захлестнула мальчика. Он дрожащей рукой хлопал по шее верблюда.

— Иди, иди, Рыжий! Торопись, скоро найдем воду! Там, впереди, вода!

Рыжий, только вытянувший мягкие губы, чтобы ощипать тощую зелень, при знакомом слове «вода» двинулся вперед.

Качаясь на его спине, Витя засмеялся счастливым смехом.

— Вперед, старик, вперед!

Минуты бежали раскаленной вереницей.

Опять показался между двумя холмами одинокий куст тамариска.

— Видишь, Рыжий! Мы близко — торопись!

Верблюд обгрыз немного зелени и неохотно двинулся дальше. Витя ежеминутно привставал, оглядывал бесконечные барханы, ждал, что вот повеет свежестью, брызнет ручей, зашелестит зеленый оазис.

Шлем упал с его головы; он не остановился, чтобы поднять его, и завязал голову носовым платком. Он крепился изо всех сил, так как знал, что спасение близко.

Наконец он опять увидел зеленый тамариск. Куст этот был так же одинок, как и два первых.

Витя взгляделся в него: зелень была объедена и помята. Около, на песке лежал белый шлем...

Очевидно, Рыжий хитрил и, желая съесть уже найденный обед, делал круг и возвращался к единственному скудному клочку зелени. Не было ни второго, ни третьего деревца.

Все заходило ходуном перед глазами Витя; ему начало казаться, что огненные журавли летят через пустыню и что воздух наполняется каким-то пронзительным звоном.

Верблюды с наслаждением объедали уцелевшие ветки. Но тамариска хватило не надолго, и верблюд, постояв немного, двинулся дальше.

Он уже не лукавил. Он шел прямо, покачиваясь на длинных ногах, покорный и терпеливый, как были покорны и терпеливы его отец и дед и тысячи-тысячи верблюдов, за сотни лет до него пересекавшие великие земные пустыни.

Витя знал, что если он сойдет с верблюда, то потеряет сознание и умрет, не дорывшись до слоя прохладного песка. Ему было легче чувствовать, что он движется к какой-то невидимой цели, прижавшись к свалявшейся шерсти Рыжего.

Теперь Витя думал уже не об одной капле воды. Его кожа, его кости, его мозг горели нестерпимо. Он грезил о потоках, о реках студеной, влаги.

В струях льющегося и мерцающего воздуха шевелились миражи. Вот взгромоздилась голубая горная цепь. Ледники сползали по склонам, потоки срывались вниз с обрывов. Через мгновение горная цепь растаяла, и появилось озеро, блестящее, как стекло, среди нежной зелени.

Воспаленными глазами Витя смотрел в обманную пламенную муть пустыни. Огромная ящерица, с желтым зубчатым шлемом на голове взглянула на путников и исчезла. Витя помотал головой.

— Не верь ей, Рыжий, — прошептал он, — эти проклятые животные не то, что ты и я: они, видно, могут жить без воды...

Глаза его закрылись, но через несколько минут чей-то жалобный голос заставил его очнуться.

— Воды! Воды! — повторял кто-то хрипло и монотонно...

Это был его собственный голос. Он бредил.

Витя заплакал от жалости к самому себе, но солнце мгновенно осушило слезы.

Озеро расплылось, как раньше расплылись горы, но теперь приблизился новый мираж. Он был нестерпимо ясен и отчетлив. Верблюд шел через развалины города. Витя видел призраки дворцов, изъеденных вечным дыханием пустыни, видел остатки башен, видел дома — одни почти совсем засыпанные песком, другие словно вынырнувшие со дна песчаного моря. Рыжий шагал среди миража с верблюжьим равнодушием.

Витя еще раз страхнул с себя бред. Мираж ли это? Прохладная тень закрыла его от палящего солнца. Тень от башни.

Верблюд подогнул колени и лег. Витя свалился с него. Дотронулся рукой до каменной стены. Шершавый камень охлаждал кожу, и песок около башни был не так горяч.

Витя оглянулся; он увидел то тут, то там сидящих людей. Одни из них скрывались в полуразрушенных домах, другие сидели, прислонившись к остаткам стен. Витя пополз к ближайшему человеку.

Он полз медленно, очень медленно. Может быть, прошло десять минут, а может быть — целый час, пока он добрался до человека и простонал:

— Воды...

Никто не ответил мальчику.

— Воды! — умолял он.

Витя вгляделся пристальней. Вокруг сидели мертвецы.

Одни из трупов высохли от зноя, другие белели скелетами, третьи рассыпались пылью при порывах ветра, и смертный прах вместе с песком летел в глубь знойной пустыни. А ветер все чаще налетал короткими порывами.

Вероятно, кроме песка, он принес с собой что-то необычайное. По крайней мере, верблюд насторожился, глотнул воздух, принялся, испустил вопль и бросился навстречу летящему ветру.

ГЛАВА XXXII

— Тише, тише! Мальчик спит...

Но Витя уже открыл глаза. Над его головой виднелось маленькое окошко, оттуда струился зеленоватый свет. Ветки дерева качались снаружи и заглядывали в комнату. Должно быть, свет становился зеленым, пройдя сквозь листву дерева.

На стенах небольшой комнаты висели грубо тканые ковры. На одном из ковров лучилось вытканное солнце в венке пшеницы.

Витя лежал на таком же ковре, а рядом с ним сидела черноволосая, смуглая женщина.

— Он проснулся! Вы разбудили его! — воскликнула она, обращаясь к кому-то в раскрытое окно.

Голос у женщины был гортанный и низкий, а говорила она на тюркском языке, примешивая китайские слова. Иногда — но это Витя заметил позже — попадались слова, несхожие ни с тюркским, ни с китайским языком.

— Молчи, молчи. — Женщина наклонилась к Вите и тут же спросила: — Как ты очутился в городе мертвых?

Витя открыл рот, чтобы ответить, но женщина снова заставила его замолчать и начала поить прохладным овечьим молоком.

— Благодарю тебя, мать, — пробормотал он.

Эта фраза была обычной благодарностью в Азии, но женщина залилась горькими слезами и быстро вышла из комнаты.

Витя, испуганный этим внезапным взрывом горя, попытался приподняться. Чья-то рука легла на его плечо. Седой старик, которого Витя раньше не заметил, ласково обратился к нему:

— Дай ей поплакать. Она потеряла сына. Вчера его отвезли в город мертвых. Но Сохэ взамен умершего нашла тебя.

— Ее зовут Сохэ? Значит, это она спасла меня?

— Скорее ты ее спас. Мы думали, что она умрет от горя. Но вчера, когда мы приближались к кладбищу и встре-

тили чужого верблюда...

— А, это Рыжий! Он убежал от меня, когда учуял оазис.

— На твоё счастье мы увидели верблюда и поняли, что поблизости находится его хозяин.

— И нашли меня?

— Да. Ты был ещё жив, и Сохэ — моя дочь — взяла тебя к себе. Но скажи, ради вечного солнца, что ты делал среди мертвецов?

Витя с усилием припоминал. Мысли его разбегались.

— Видишь ли — я, кажется, заблудился... Раньше я был с моими друзьями. Мы пришли из дальней страны — СССР. Ты знаешь, где это?

Старик покачал головой.

— Я уже больше тридцати лет ничего не видел, кроме домов Аджи да пустыни, окружающей их..

— СССР — это очень далеко... Сто ночей пути — на лучшем верблюде... Мы пришли сюда, потому что наш старший товарищ — учёный человек — узнал о том, что в здешних местах сохранился древний город. Мы раскапывали пески в пустыне.

— Что же, вы нашли что-нибудь? — с живым любопытством спросил старик.

— Да, нашли, — с гордостью ответил он. — Мы открыли развалины прекрасного Города, стены, башни. Мы открыли старую гробницу, где есть изображение человека, который льет из кувшина воду на семь разноцветных дорог... У меня очень болит голова, — жалобно прибавил Витя, — я никак не могу ронять, кто этот человек с кувшином.

Старик почтительно поклонился Вите, прижимая свою руку к сердцу, и сказал:

— Дай я погляжу в твои глаза. Ты счастлив, если видел гробницу великого человека. Когда-то весь мой народ тоже мог её видеть. Но пустыня поглотила могилу. Иные из нас думают, что это наказание за грехи, но я полагаю, что это просто движущиеся пески...

Старик помолчал, глядя на окно, за которым угасал дневной свет, и продолжал:

— Видишь ли, пески убивают здесь все. Наш оазис — последний из тысячи. Ты видел город мертвецов? Он лежит в трех часах пути от нас. Пустыня съела его, как болезнь ест человека. А я помню, как птицы пели в его садах... Но тогда я был еще ребенком...

— А теперь?

— Теперь я уже стар, а туда, где были сады, мы уносим наших мертвецов, потому что у нас — увы! — не хватает земли и для живых.

Старик поднялся, достал из угла кувшин и сказал:

— Выпей. Это хорошее лекарство.

Витя послушно глотнул приятное кислое питье.

— Моя дочь не спала много ночей. Она очень несчастна. Будь с ней ласков. Пустыня убивает все, к чему прикасается. Города рушатся, поля уменьшаются, дети наши умирают, нас остается все меньше и меньше. — Старик зажег наполненный жиром светильник. — Усни, — снова заговорил он, — твоя голова горяча, как песок в полдень. Я посижу возле тебя, прежде чем итти в хранилище.

Витя хотел спросить, что это за хранилище, но старик велел ему молчать, и Витя уснул. Сон его был прерывистый и тяжелый. Каждый раз, когда Витя открывал глаза, старик давал ему лекарство, и от этого становилось легче.

Наконец Витя услышал, как старик пробормотал:

— Пора итти.

Через минуту старик вышел. И вслед за ним пошелся Витя.

Если бы он не был в полубредовом состоянии, то, конечно, отложил бы свою прогулку. Но сейчас болезненное и непреодолимое любопытство заставило его пойти за стариком.

Он откинул занавеску, которая заменяла дверь. Между могучими стволами деревьев (они казались такими же старыми, как развалины Великого Города) виднелась луна. В серебряном сумраке смутно светлели призраки домов. Некоторые из них были невысоки, с плоскими крышами; другие подымались несколькими ярусами, наподобие китайских храмов. Эти здания походили на дворцы.

Старик неторопливо шел вперед. Он приблизился к высокому зданию, одиноко стоявшему в стороне и от домов и от дворцов. Тяжелая дверь отворилась и закрылась за стариком. Витя приблизился к этой двери: она блестела в лучах уходящей луны, и сначала Витя увидел в отполированной поверхности только смутное отражение своего лица. Но через минуту, взглядевшись пристальнее, Витя увидал на двери вырезанное солнце в венке из колосьев.

Луна закатилась, и все померкло, как бывает перед рассветом. Вдруг Витя услышал легкий звенящий звук, похожий на звук вагонных скрепов, когда останавливается поезд.

Этот звук шел от башни и через минуту замер.

Всю жизнь Витя помнил эту ночь. Действительность мешалась с бредом. То Вите казалось, что он спит, то ему чудилось, что он вернулся в Ковыли. Он направился обратно в хижину Сохэ, но не нашел дороги. Он спотыкался о корни деревьев, натыкался на дома. Один раз он наступил на что-то мягкое и живое. Шарахнулась овца и долго блеяла ему вслед.

Наконец розовый рассвет задрожал в воздухе. Витя все двигался куда-то. Ноги его подкашивались, голова кружилась. Он видел, что дома исчезли и впереди лежит открытое пространство. Красно-огненный край солнца разрезал небо.

Перед Витей колыхалось от ветра поле пшеницы.

Две девочки — одной из них было лет десять, а другой около четырех — гнали небольшое стадо овец. Животные с блестящей шелковистой шерстью торопливо бежали по узкой дорожке.

Увидев Витю, пастушки остановились, стали шептаться, и наконец старшая заговорила:

— Я узнала тебя. Ты мальчик из города мертвых? — На ее лице было большое любопытство и ни капельки смущения. — Меня зовут Ли, и я хотела прийти к тебе, но дедушка Ашур сказал, что ты болен. Ты выздоровел?

Витя не знал хорошенько, выздоровел ли он. Во всяком случае, он себя чувствовал немного лучше, чем недавно в темноте.

Немного лучше, но не совсем хорошо. Он утомился.

— Ты будешь с нами играть? — тоненьким голоском спросила младшая, застыдилась и спряталась за подругу.

— Ладно. Только раньше скажи, где бы мне помыться.

— Ты испачкался, — покачала головой Ли. — Попроси Сохэ, она даст тебе траву шах, ты вытрешь себя.

— Я хочу вымыться водой.

Девочки с изумлением посмотрели на Витю.

— Где же моются водой? А впрочем, спроси у дедушки Ашура, может быть, он тебе разрешит.

— Зачем мне у него спрашивать? — перебил Витя. — Скажи мне, где тут река, или арык, или ручей.

— Река?.. Как ты сказал? Я не поняла.

— Ну да, река или озеро.

Девочка покачала головой:

— Я не понимаю этих слов. Что они обозначают? — И девочка с удивлением посмотрела на Витю.

— Ну, воды — много воды... — с нетерпением хотел объяснить Витя.

— О! — воскликнула старшая, — это вода, которая льется с неба! Но у нас она называется — дождь, а не так, как ты говоришь. — И затем, обернувшись к меньшей, она пояснила: — Ты этого не можешь помнить. Ты еще маленькая. А я помню: дождь падал несколько жатв назад. — Обращаясь снова к Вите, Ли продолжала: — Ведь правда, небо тогда становится черным, и сверху льется вода. Она бежит по земле, так что в нее можно лечь, как в песок! Я это видела. Все выбежали и ловили капли. А капли падали, как абрикосы с дерева, — хлоп! хлоп!

Младшая девочка, раскрыв рот, смотрела на подругу. Она не помнила, и ей стало досадно. Ударив хворостинкой овцу, она побежала со стадом и скрылась за золотистой массой колосьев. Ли не договорила начатой фразы и бросилась за ней вдогонку.

Витя остался один. Небо сияло. Сорванный колос высыпал на ладонь Вити тяжелые крупные зерна. Витя поглядывал на них и зажмурил глаза, словно эти зерна его ослепили. Солнце жгло голову, и она нестерпимо болела. Мы-

сли мчались, налетая одна на другую. «Вот она, пшеница! Невиданная пшеница, которая растет на земле, где нет ничего похожего на реку. На земле, над которой дождь проносится раз в несколько лет. Чудесное зерно...»

Усталость, болезнь и волнение кружили ему голову, но Витя горел гордостью, его чудесное зерно уже росло пышными полями там, на севере, на родине, в сухих безводных степях. Как он был прав, когда поверил Халиму! Как изумятся все в Ковылях, когда он приедет и высыплет на стол перед ними золотистое волшебное зерно! У Джека Лондона — он помнит — золотоискатели высыпают найденные самородки... Но его золото гораздо лучше.

Сияющий радужный туман окутывал предметы.

«Я еще болен, — подумал невольно Витя, — надо бы спросить у девочек, как вернуться к Сяхэ»...

Витя зашагал по тропинке — дальше в поле: ему не хотелось покидать найденное сокровище.

Колосья стояли ровными рядами, чуть-чуть шевелились от легкого ветра и цеплялись за Витино платье. Они даже, кажется, что-то шептали, как будто говоря друг другу:

«Это он, это он!»

Вдруг Витя споткнулся и упал ничком.

Неширокая глубокая канава пересекала тропинку. Витя не ушибся, но он не вставал: расширенными глазами глядел он в канаву.

Прошла минута. Пять минут.

Какое-то насекомое поползло по его неподвижному телу. В канаве виднелась тонкая струйка воды, которую медленно всасывала земля.

А Витя все смотрел на высыхающую воду, пока не потерял сознания.

ГЛАВА XXXIII

Конечно, Витя потерял сознание не от того, что увидел, как его чудесное зерно орошается водой, вместо того, чтобы расти без единой капли влаги. Может быть, немножко и от этого, но главное — его подкосила болезнь.

Недавнее трехдневное блуждание в пустыне, без питья и пищи и последняя бессонная ночь — вызвали обморок.

Маленькие пастушки рассказали Сохэ, которая встреченно искала Витю, где они встретили его. Сохэ во второй раз нашла «мальчика из города мертвых», во второй раз принесла его к себе и опять вернула к жизни.

На этот раз Витя прохворал несколько дней. Хворал серьезно. Ашур и его дочь ухаживали за ним. Они не позволяли никому из жителей оазиса тревожить больного.

Витя днем лежал в хижине, а вечером, когда наступала прохлада, его выносили на воздух, и тогда он лежал на ковре под деревом, которое прожило уже сотни лет.

С изумлением разглядывал Витя те здания, мимо которых он проходил ночью. Это были остатки древнего города, быть может, такого же древнего, как Великий Город.

Многоярусные дворцы не были ночным бредом. Они стояли между деревьями, сверкая остатками золоченой облицовки, которая их когда-то покрывала.

По стенам ближайшего дворца безголовые титры могучими прыжками убегали от охотников. Время выбило из рук охотников лук и стрелы, сняло головы со зверей и разрушало постепенно самые стены.

В этих дворцах никто не жил.

В их обширных залах жители оазиса Аджи хранили зерно и сушеные плоды: это были общественные кладовые. Витя видел, как жители заходили во дворец и выходили оттуда с припасами.

В нижних этажах, подогнув длинные нелепые ноги, отдыхали верблюды. Ягнята прыгали по ступенькам величественных лестниц. Дети бросали твердые глиняные шары, стараясь попасть в нежные фарфоровые рисунки, еще

украшавшие карнизы зданий.

Население оазиса жило в глинобитных мазанках среди пышных развалин. Эти хижины походили на ласточкины гнезда, которые лепились по карнизам старых дворцов.

Всего народа в оазисе было четыреста двадцать семь человек.

Витя был четыреста двадцать восьмым.

Лежа на ковре, Витя наблюдал жизнь оазиса Аджи.

Ему было и хорошо и грустно. Хорошо оттого, что он выздоравливал, оттого, что он не чувствовал жгучего воздуха пустыни, оттого, что сладко пахло абрикосами, которые сушились на плоских кровлях домов. А грустно оттого, что Витя чувствовал себя одиноким в оазисе, несмотря на внимание Ашура и заботы Сохэ. И было еще особенно грустно потому, что Вите казалось, что смуглые люди, которые проходили мимо, очень несчастны в своих глиняных мазанках среди обломков бывшего великолепия.

Вите хотелось расспросить их об этой жизни, об оазисе, о дворцах... А больше всего все же хотелось узнать о таинственном знаке солнца и пшеницы, о знаке, который заставил его поверить в то, что он нашел «чудесное зерно».

Но Ашур был строгим врачом и не разрешал Вите говорить, пока он не выздоровеет. Витя вздыхал, но покорялся.

Он вспоминал товарищей и думал о том, как, вероятно, напугались они, когда он исчез.

К вечеру пятого дня Ашур поглядел на Витю и рассмеялся.

— Ты уже здоров, даже потолстел. А я ведь думал, что солнце не оставит тебя в живых! Теперь ты можешь встать, ходить и разговаривать, с кем хочешь.

— Слава вечному солнцу! — пробормотал Витя. — Наконец мне разрешено говорить.

Он хотел вскочить и бежать, но ноги были как чужие, и мальчик с трудом поплелся на улицу.

Все население ждало Витю. На площади, над которой уже зажигались крупные звезды, собрались жители оазиса Аджи. Некоторые пришли с работой, некоторые захватили с собой ужин — овечий сыр, хлебные лепешки и розовые душистые абрикосы.

Старый Ашур сидел у маленького огня, который горел между камнями, сложенными в виде очага. На огне стоял горшок с травами, и Ашур, все время помешивая кипящую жидкость оструганной палочкой, варил какое-то лекарство.

Витя впился глазами в эту картину. Он жалел, что не захватил с собой карманный электрический фонарь. Было бы замечательно пустить сноп никогда здесь невиданного света на эту толпу, пеструю и молчаливую, мирно сидящую под вековыми деревьями. Что бы они сказали?

Пробормотав приветствие, Витя неловко уселся около Ашура.

Ли, бойкая, любопытная, пробралась к Вите, дернула его за рукав и сказала:

— Рассказывай! — И она уселась рядом с Витей и старым Ашуром.

— О чем же мне рассказывать? — оживился и смутился Витя.

Темнота густела, но Витя увидел, как толпа людей придвинулась ближе.

— Рассказывай! — услышал он.

Вопросы падали сначала редко и сдержанно, а затем все чаще и чаще. Так весенний дождь начинается осторожными каплями, а потом шумит без перерыва.

...Созвездия уже прошли половину своего ночного пути. Ли сладко спала, укрытая бараньей шкурой. Витя устал и охрип. Он замолчал.

— Ложись спать, — сказал Ашур. — Я заслушался тебя, а ты еще вчера был болен. И лекарство мое выкипело. Я забыл его на огне. — И он обратился к одной из женщин: — Принеси мне воды, чтоб долить...

— Воды! — нетерпеливо прервал Витя старика. — Я половину ночи рассказывал вам обо всем, о чем вы спрашивали. И теперь я все равно не усну. Я тоже хочу знать. Пока ты, дедушка Ашур, будешь варить лекарство, прошу тебя, расскажи мне в свою очередь!

— О чем ты хочешь спросить?

— О воде. Объясни мне, откуда она берется здесь. Откуда вы сами пришли? Почему на дверях вон той башни нарисован тот же знак солнца, что и на гробнице Великого Города? Почему никто ничего не знает о вас ни в Хотане, ни у ближайших оазисов?

Ашур снова взял палочку, которой он мешал кипящую жидкость. А в это время синяя прозрачная азиатская ночь медленно передвигала с востока на запад свои покорные звезды.

Рассказывал Ашур нараспев. Зажмурив глаза, Витя слушал старика, и ему минутами казалось, что он слышит Халима.

— Я мало знаю. Жизнь моя коротка, а край этот жил бесконечное множество лет. Мне говорил о минувшем мой дед, а дед мой ребенком рассказы слышал от других стариков... Видишь, — вода закипает, и белая пена, шипя, поднимается вверх. Я варево палкой мешаю. Новая накипь ползет, опадает, чтоб вновь пузырями покрыть беспокойную жаркую чашу.

Так и народы — один за другим — как пена, текли, вечно друг друга сменяя. Сильные слабых давили и гнали прочь

от воды, питавшей прекрасную землю. Прочь уходили в пустыню народы в тоске и бессильном гневе. Слабые женщины горько рыдали у редких колодцев в пустыне. Не удивляйся, что жалкие капли воды солони и поныне...

ГЛАВА XXXIV

— Тут я нечаянно уснул и не дослушал до конца.

— Но я не подозревал, что ты умеешь так ловко переводить плавную восточную речь, да еще с такого языка.

— Ох, боюсь, Иван Викентьевич, что это мой первый и последний опыт. Клавдий Петрович, не сердитесь: мне самому ужасно жалко, что я ночью не дослушал до конца Ашур-ра. Это сказание, по-моему, существует уже страшно много времени. Все до одного, не исключая и ребят, распевают его там вроде того, как у нас распевают Буденовский марш! Но у меня как-то не хватило времени записать целиком. Вообще, — тут Витя с живостью обернулся к Веселову, — эти вечеринки аджинцев ужасно мне напоминали наши семейные вечера в клубах: поют, работают, играют в шахматы. Только шахматы у них не совсем такие, как у нас: у коня другие ходы, я вам покажу как-нибудь. А в общем хороший народ, честное слово!

— Да ты, Витька, не отвлекайся, докладывай дальше!

Костя с изумлением глядел на товарища. Ему все еще не верилось, что Витя сидит рядом с ним.

Пятнадцать дней, проведенные в безуспешных поисках, почти без сна, почти без пищи, почти без воды, измучили всех больше, чем все прежние месяцы работы и странствований.

Экспедиция обыскала развалины и все песчаные сугробы от западных ворот вплоть до могилы Семи Городов. Очки, оставленные Клавдием Петровичем в гробнице, лежали нетронутые: было ясно, что Витя не добрался до гробницы.

Песчаный вихрь замел следы исчезнувшего товарища.

Чаон-Го, обливаясь слезами, покаялся в своей оплошности. Он извлек из своей сумки весь запас припрятанных цветных бумажек, испещренных непонятными значками, и сжег их перед самым высоким барханом. Пока курился тоненький синий дымок, китаец бормотал заклинания, уле-щивая злых духов, похитивших Витю.

Наконец наступил момент, когда все поняли, что поиски тщетны. И сил и припасов осталось ровно столько, чтоб добраться до колодца Эч. Кроме того, Клавдий Петрович высказал правдоподобное предположение о том, что Рыжий, который чаще других верблюдов приносил воду из Эча, мог во время бури направиться к знакомому колодцу.

Появилась надежда, что Витя ждет экспедицию у Эча, боясь двинуться с места, чтобы не заблудиться и не погибнуть.

Лагерь снялся с места. Отъезд был печален.

Экспедиция увозила драгоценнейшие вещи, вырванные у пустыни и у тысячелетий, во взамен этого она потеряла веселого, доброго товарища.

Как всегда, караван шел гуськом. Чаон-Го шагал впереди. Скрылись крепость и западные ворота. В последний раз сверкнул красный зуб развалившейся башни и опять заструились пески и барханы.

Экспедиция добралась до колодца Эч. Вити там не было, и путешественники, наполнив в глубоком молчании турсуки¹ водой, двинулись дальше.

Верблюды с повислыми горбами медленно шагали по дороге в Хотан. Клавдий Петрович с ужасом глядел на утомленных животных, боясь, что придется выбросить что-нибудь из клади.

С мучительной медлительностью двигался караван. И поэтому его легко нагнали смутные люди, закутанные в плащи из овечьей шерсти. Их было восемь человек, они мчались на необычайно быстрых верблюдах, точно совершали разбойничий набег.

¹ Турсуки — мешки для воды из бараньей кожи.

Когда всадники приблизились, с одного верблюда кубарем скатился какой-то человечек и вцепился в Веселова.
— Витя! — воскликнул тот.

ГЛАВА XXXV

Недоверчиво рассматривали аджинцы бледный, почти невидимый при свете дня, свет электрических фонарей. Иван Викентьевич подарил им три фонаря, отдал также по настойчивой просьбе Вити почти весь запас инструментов. Аджинцы охотно взяли подарки. Отвечая на любезность любезностью, четверо из них сошли с верблюдов и, прижав левую руку к сердцу, передали поводья Вите. Они уверяли, что оставшиеся у них животные прекрасно доставят их обратно и что друзьям рыжеголового мальчика необходимы свежие верблюды, если они только хотят невредимо добраться до ближайшего оазиса.

Прежде чем проститься один из всадников отвел в сторону Костю и спросил его:

— Как зовут повелителя вашей страны, где умеют огонь запирать в коробку и делать его холодным?

— Но... у нас нет повелителя, — ответил Костя, — мы сами управляемся со всеми делами!

— Это правда? — резко повернулся аджинец к Чаон-Го, который прислушивался к их разговору.

— Увы! — вздохнул китаец. — Я не из их страны. В моей земле повелевают те, у кого есть деньги. Но у них, слышал я, управляют те, кто работает.

Белые зубы аджинца сверкнули на смуглом лице.

— Пусть будет приятна жизнь твоему отцу, — сказал он Вите, — за то, что ты нам рассказывал правду. Отныне каждое новолуние мы будем навещать Великий Город до тех пор, пока не вернется к нам кто-нибудь из твоего народа. Мы скрываемся от тех, кто приходит, чтобы грабить бедных людей. Но для людей твоего народа у нас будут приготовлены пища, вода и овечье молоко! — Он протянул руку Вите и продолжал: — Но как же мы узнаем тех, которые явятся из твоей страны к Великому Городу?

— У них будет красная звезда! — быстро ответил Витя.

— Хорошо, я запомню.

Всадник тронул верблюда, тот зашагал, а за ним и остальные. Все быстрее становился их шаг, и пыльное облако поплыло за ними.

И теперь, сидя под чахлыми кустами кандыма, все слушали с неистощимым интересом рассказ Вити. Но, сам не замечая того, Витя о себе говорил коротко и скупно.

«А год назад, переживи он такие дни в пустыне, как пылала бы его фантазия!» — мелькнуло в голове у Веселова. Но Витя не чувствовал себя героем. Чудесного зерна он не нашел. И не его заслуга в находке оазиса Аджи. Это была счастливая случайность.

— Ашур — хороший старик, — говорил Витя, перескакивая от одного воспоминания к другому, — он вылечил меня, он лечил всех.

— В каждом селении у диких народов есть какой-нибудь лекарь, — заметил Веселов.

— Да, но это не лекари, а знахари. Помните, как лечили у «священного очага» сынишку Али-хана? А старый Ашур не колдует, не шаманит. Он собирает травы на лекарства и всех их учит, как ими пользоваться, никаких секретов из этого не делает.

— Ну, а о древних аджинцах ты еще что-нибудь узнал?

Витя улыбнулся, вытащил из-за пазухи пакет. Это была знаменитая географическая карта, с которой Витя начал свое путешествие из Ковылей. За полтора года карта истрепалась, загрязнилась, но плотно, на которое она была наклеена, еще крепко держало закуржавившуюся по краям бумагу.

— Внимание! Доклад мой будет иллюстрирован последними заграничными фильмами, — торжественно заявил Витя. — Я вам уже рассказывал, как я слушал Ашура и уснул. — Потом я понемножку собирал сведения об аджинцах. Когда-то, еще раньше всех знаменитых азиатских завоевателей, было здесь — «от гор и до гор» — царство. В нем жили древние аджинцы. Это были турки или что-то вроде. Царство это было таким, как полагается всякому царству: правитель драл семь шкур с подданных и воевал с соседями. Воды тогда было больше, чем теперь. Хотан-Дарья не исчезала в песках, и текли другие реки, которых теперь нет.

Но все-таки рек было мало, и селение теснилось возле них. Кое-как жили. Народ работал. Царь, придворные, купцы жили привольно. Помучившись довольно долго, бедняки и рабы возмутились.

Когда не стало ни царей, ни богачей (а борьба длилась несколько лет), восставшие стали раздумывать, как бы лучше наладить жизнь. Пустыня воспользовалась тем, что о ней позабыли, и проглотила несколько оазисов. Народы, жившие за горами, прекратили подвоз припасов, потому что соседние правители запретили торговать с разоренной мятежной страной. Но тогда среди восставших появился человек — тот самый, который лежит в гробнице Семи Городов. Он был простой раб с клейменной щекой (помните шрам на портрете?). Своими речами и примером он воодушевил тех, кто пал духом. Он поставил около горных проходов и перевалов вооруженную охрану. Но этот человек был не только вождем. Он оказался искусным строителем, и под его руководством была устроена оросительная система, которая протянулась от гор через всю страну и спасла восставший народ от гибели.

— Это вполне правдоподобно, — заметил Клавдий Петрович, — вероятно, он возобновил существовавшую раньше сеть оросительных каналов.

— В том-то и штука, Клавдий Петрович, что он не восстанавливал старых каналов. Ведь вода из горных рек не могла бы пересечь Такла-Макан: она высохла бы, испарилась, исчезла бы!

— Что же он придумал? — спросил Костя.

— Он придумал необычайную для того времени вещь, которая, по-моему, была еще удивительнее, чем знаменитый канал Хаммураби¹. Он провел воду с Куэн-Луньского хребта, через трубы под землей, так что вода текла по ним, не испаряясь. Эти трубы протянулись через всю страну. Конечно, это не сразу сделали, а в течение долгого времени,

¹ Вавилонский царь, при котором были произведены большие оросительные сооружения.

шаг за шагом. Где потребовалось, поставили водонапорные башни. Вождь народа Аджи создал первый в мире водопровод.

— Вот это здорово! — ахнул Костя.

— Покамест воины сторожили границы, все аджинцы — как один человек — выходили на работу, прокладывали трубы... Знаете, точно так же теперь в оазисе Аджи все жители без исключения выходят на поле собирать жатву!

— Постой, постой, — прервал рассказ Иван Викентьевич, — а доказательства у тебя есть, что такой водопровод действительно был? Я ведь знаю, тебе всегда мерещилась техника древнего мира!

Витя покраснел и ответил:

— Нет, я своими глазами видел единственную сохранившуюся водонапорную башню. Это было то «хранилище», в которое ночью зашел Ашур. Хотя этот водопровод звенит и гудит, как вагонные скрепы, — аджинцы тщательно охраняют его: это их последняя опора. А в древнее время, когда были проложены трубы из обожженной глины необычайной крепости (теперешние аджинцы не умеют их делать), от башни к башне под землей струилась вода, и с полей снимали по четыре жатвы в год. Тогда-то аджинцы и разукрасили дворцами свои города.

— Отчего же погиб этот народ? — спросил Костя. — Ведь аджинцам жить бы и жить при таких условиях.

— Да, если бы они были умнее! Вместо того, чтобы завязать сношения с соседними народами, которым, по-моему, тоже не сладко жилось под властью разных царей, аджинцы законопатились в своем государстве и дальше своего носа ничего не видели...

— Это что ж, твой старик Ашур так рассказывал? — спросил Веселов.

— Нет, это я свое мнение говорю. А старик рассказывал, примерно, так. Какой-то завоеватель решил воспользоваться богатствами аджинской страны. Он разбил пограничные отряды и стал продвигаться дальше. Аджинцы вместо того, чтобы организовать оборону и проучить незваных гостей, толпами уходили в глубь страны. Уходя, они раз-

рушали все позади себя. Они выкорчевывали и сжигали растительность, скреплявшую сыпучие пески Такла-Макан, они уничтожали за собой города и — самое главное — разрушали водопровод. Завоеватели не умели исправить повреждений. Они думали не о плодородных полях, а об укреплении своей власти. Они заставляли обращенных в рабство аджинцев не только платить дань, но и строить крепости, в которых размещали свои войска.

— Витя, мы такую крепость видели, правда? Это шестиугольные башни Великого Города?

— Ты, Костя, непременно будешь знаменитым археологом! Ты угадал!

— А что же дальше?

— А дальше было то, что пустыня Такла-Макан стала пожирать страну и отгородила ее от всего мира широкой полосой бесплодных песков. Тогда завоеватели ушли обратно за горы. Только некоторые из них остались по берегам окраинных рек — Хотан-Дарьи, Керьи-Дарьи... И я думаю, что потомки этих завоевателей через тысячу лет и образовали славное Хотанское государство с городом Бурузаном, о котором вы, Клавдий Петрович, нам рассказывали.

— Я решительно горжусь этим мальчиком, — пробормотал профессор. — Он рассуждает более здраво, чем многие мои коллеги в Европе, которые непременно будут отрицать подлинность всех наших находок.

— Ну вот. Я думал, что аджинцы впоследствии вернулись на прежнее место, но Ашур разочаровал меня. Те аджинцы, которые мастерили трубы и строили водопровод, умерли. А их потомки не сумели восстановить водопроводную систему и только кое-где поддерживали то, что сохранилось. Однако, как ни берегли аджинцы остатки своего водопровода, в конце концов, древняя механика постепенно портилась. То в одном, то в другом месте исчезала вода, а за ней исчезали людские поселения. Мало-по-малу от государства Аджи почти ничего не осталось, и о нем позабыл весь мир, словно никогда аджинцев и не было на свете...

— Но, Витя, — прервал рассказчика Костя, — ведь аджинцев твоих никто за уши не держал в пустыне. Они могли

сто раз переселиться в другое место!

— То же самое и я говорил Ашуру. Я с ним и со всеми остальными жителями оазиса об этом самом спорил до хрипоты! Они — прекраснейшие люди. У них, кроме одежды, которую они носят, чашек, из которых они едят, и хижин, в которых они спят, нет никакой частной собственности. Они вместе работают, сообща пользуются земледельческими орудиями. (А орудий в Аджи — ох, как мало! Иван Викентьевич, надо бы им хоть какой-нибудь плужок доставить, а то они деревяшками землю ковыряют...) Так вот я говорю: живут они коммуной, но уж очень печально и нищенски живут. Под боком у них дворцы, а они ютятся в землянках и едва кормятся. А с места боятся двинуться, боятся голос подать о себе, чтоб их кто-нибудь не завоевал, не обратил в рабство. От дедов к внукам тысячи лет под ряд переходит наказ: жить в неизвестности и независимости. Только раз в тридцать или сорок лет они выезжают на разведку, узнать, не переменялась ли жизнь, не исчезли ли богатые и бедные, не сравнялись ли люди...

— Должно быть, Мирзаш в молодости и встретил таких разведчиков?

— Должно быть. Я спрашивал аджинцев: «Ну, а вы-то почему другим не покажете, как вы живете — общей жизнью, общим трудом?» Они только глаза раскрыли, головами качали. Ну, тут я им о СССР рассказал. И понимаете: пока я им о поездках, о больших городах, о радио рассказывал, они не очень удивлялись. Но когда я сказал, что у нас управляют страной трудящиеся... Слышали, как они Чаон-Го и Костю об этом переспрашивали?

— Конечно, слышали.

— Иван Викентьевич, голубчик, не знаю, как устроить, но только я обещал аджинцам, что они все будут жить у нас... что у них будет вода, много воды... — Витя крепко сжал руку Веселова. — Иван Викентьевич, я им обещал, что наша страна даст им воду и не отнимет свободу, что их будет не четыреста двадцать семь человек, а миллионы... Иван Викентьевич, я не знаю, как мы это сделаем, но ведь сделаем?

— Сделаем, мальчик! — Веселов впервые за два года обнял Витю и, смеясь, прибавил: — Ну, а где же твое заграничное кино?

— Чуть не позабыл! — воскликнул Витя. — Свою историю аджинцы не только передавали из уст в уста: кое-что они успели записать. Когда они ушли из Великого Города, то вынули из «гробницы Семи Городов» и унесли с собой фарфоровые плитки, на которых была записана вкратце история государства Аджи. Этих-то плиток не хватает теперь в открытой нами могиле. Они хранятся в последнем оазисе Аджи, и я целый день срисовывал с них иероглифы для вас, Клавдий Петрович!.. А вот и демонстрация картины!

Витя перевернул свою старую географическую карту обратной стороной вверх.

— Я рисовал краской, которую аджинцы употребляют для ковров, — пояснял Витя, покамест растроганный профессор прижимал к своей груди то Витю, то географическую карту.

ГЛАВА XXXVI

Быстроходные сильные верблюды аджинцев легко несли груз, перевьюченный на них с измученных экспедиционных верблюдов. Отъевшийся у аджинцев Рыжий с довольным видом вертел уродливой головой. Чаон-Го мурлыкал песенку: накануне Иван Викентьевич обещал китайцу избавить его от кабалы и уплатить Фыну в присутствии свидетелей оставшийся долг.

Сидя в седле, Клавдий Петрович с восхищением разглядывал изнанку старой географической карты, изредка выпуская легкие восклицания и делая свободной рукой величественные жесты: это он читал лекцию молодым ученым, которые под его руководством должны были подарить миру первый перевод «Истории государства аджинского».

Настроение у всех было превосходное; про усталость забыли. Вдобавок, аджинцы вместе со своими верблюдами

оставили прикрученные к седлам кожаные мешки с водой, лепешками и сушеными абрикосами.

Но внимательный глаз Веселова заметил какую-то растерянность на лице Вити. Несколько раз Витя словно порывался о чем-то спросить, но не спрашивал.

Ночью, вздрагивая от холода, Витя вылез из-под шерстяного плаща, подаренного ему на прощанье Сохэ.

Веселов не спал. Он лежал закутанный в одеяло и смотрел на звездное небо. Через несколько дней экспедиция доберется до Хотана, а оттуда вместе с первым караваном отправится домой. Веселов обдумывал обратный маршрут через Яркенд—Кашгар и дальше колесной дорогой на Ту-

ругарт и Фрунзе. Обдумав этот вопрос, Веселов стал перебирать в уме — день за днем — последние месяцы. «Очень хорошо, что Витька нашелся, — подумал он, — а то весь итог наших, работ испортил бы, неутомонный...»

А «неутомонный» уже присел возле Ивана Викентьевича и тербил одеяло.

— Иван Викентьевич, я к вам, — услышал Веселов шопот.

— Что случилось?

— Ничего не случилось. Только мне погано очень.

— Нездоров?

— Не то. Огорчение у меня.

— То-то я видел, что ты чем-то расстроен. Говори, в чем дело.

— Вот, Иван Викентьевич... Когда я у аджинцев был, видел я — хорошие они. А живут по мазанкам. Землю чуть ли не ногтями копают. Без света сидят. Шерсть ткут — она у них колючая получается. Лепешку спекут — как глина... Стал я им про нашу жизнь рассказывать, про фабрики, электричество, радио... Они и рады — спрашивают. А я — не то что показать, даже объяснить толком не могу. Пробовал я им станок ткацкий улучшить — не умею. Пробовал инструмент слесарный смастерить — не умею. Они этого не замечают, спрашивают, а меня даже в пот бросило. Ни черта, ну, вот как есть — ни черта я не знаю! Просили они меня: «Останься у нас. Учить нас будешь». Что ж я, — голос Вити осекся, — зубы им заговаривать буду? Отговорился: сказал, что отец помрет, если я пропаду. Но пришлось обещать им, что вернусь. И вот — честное мое слово — учиться хочу. Вижу, что нужно... А, Иван Викентьевич?

— Ну, что же, Витя, дело говоришь. И советоваться со мной нечего, умнее твоих слов ничего не скажу.

— Ну, вот, Иван Викентьевич, а то я как та коза, что бежала через мосточек, ухватила кленовый листочек: от всех наук по кусочку отщипывал! Теперь засяду: каждую науку до косточек буду грызть!

— Я еще об одном жалею, — добавил он.

— Да?

— Об отце. Он, бедный, верно уже похоронил меня. Из дурацкого упорства я ни разу не написал ему. А мог ведь.

— Глупый мальчик! — рассмеялся Веселов. — Я еще в Мерве просмотрел старые московские газеты и нашел в «Известиях» объявление Павла Ивановича Орешникова. Ну, и, конечно, телеграфировал ему. Получил от него ответ и ваши бумаги, а вы с Костей воображали, что я без документов возьму вас в Китай?

Витя молча пожал руку Веселову и залез под шерстяной плащ Сохэ.

ГЛАВА XXXVII

Поезд подошел к полустанку.

Сеял мелкий дождь пополам с мокрым снегом. Черная жирная земля набухла и чавкала под ногами.

Но этот неприветный день казался великолепным двум пассажирам, которые только что сошли с поезда и сияющими глазами осматривали поле, серое небо и деревянную станционную платформу.

Один из пассажиров подошел к дереву около платформы и взволнованным голосом сказал товарищу:

— Витька, гляди, а клен-то все тот же, — и потряс изуродованную непогодой ветку, словно это была дружеская рука.

Всю предыдущую ночь ни Костя, ни Витя не спали. Они слушали, как стучат колеса, и мысленно подгоняли поезд.

Большие перемены на маленьком полустанке!

Новый длинный пакгауз растянулся вдоль запасных путей. Бетонная новая водокачка поднялась к серым зимним облакам. У пакгауза стоял забрызганный грязью новенький полутрузовик. На него наваливали какие-то ящики.

— Батюшки! — обрадовался Костя. — Да кто же это автомобилем обзавелся?

— Ковыли, должно быть, — отозвался Витя.

— Ну, тогда и нас подвезут!

Но на автомобиле алела надпись: «Колхоз Новая жизнь».

— Не здешний! — решили ребята, забрали свои вещи и зашагали...

Теперь товарищи оглядывали платформу, с которой они убежали два года назад.

«Скорей! Скорей!»

...И вот уже вьется дорога среди полей. Снег, смешанный с дождем, слепит глаза, но Витя и Костя шагают и улыбаются, словно над ними сияет ясное солнце.

Поля разворачиваются десятками пестрых лоскутьев: то зеленых, то сизых, то густо-черных. Дождь усиливается, грязные ручьи бегут по степи. Пересекая дорогу, шумит раздувавшаяся Гулевая. Через нее перекинут новый мост. Значит, не придется итти в обход, ни лезть в ледяную воду. Значит, скоро появится — вон за тем пригорком — совхоз.

— Костя! Вот бы нам теперь минут на десять попасть в Хотан или Самарканд: живо высохли бы! — говорит Витя, передергивая мокрыми плечами.

Но Костя не слушает товарища. Он пристально смотрит вперед и нерешительно говорит:

— Кто это?

Витя тоже вглядывается в идущего по полю. Он шагает медленно, уверенно и спокойно.

Витя останавливается, тихо ахает и вдруг, швырнув в сторону чемодан, пускается бежать через черное набухшее поле, скользя и спотыкаясь.

— Батька! Батька!

ГЛАВА XXXVIII

«Дорогой товарищ Веселов!

Я исполняю обещание: пересылаю вам свои тетрадки, в которых записано наше с Витькой путешествие. Я знаю, — язык у меня корявый. Исправьте, если возможно. Дополните то, что вылетело у меня из головы. Одним словом, делайте с тетрадками все, что хотите.

Я никогда не думал, что из моих записей может получиться книжка, но если вы меня уверяете, что получится, я вам верю (и даже уже горжусь этим).

Я вам, дорогой Иван Викентьевич, очень верю, больше, чем самому себе, и я рад, что весной мы с Витей отправимся в Москву учиться и снова увидим вас.

Вы спрашиваете о здешних новостях? Сейчас расскажу.

Моя выросшая большущая сестренка взяла в оборот Витину добычу, т. е. привезенные им зерна, и теперь возится с ними в лаборатории, как с младенцами. За эти два года Павел Иванович добился улучшенного сорта пшеницы с не меньшей засухоустойчивостью, чем знаменитый наш сорт Альбидум.

И Люба собирается скрестить этот сорт с аджинским зерном, которое тысячелетия провело под жгучим солнцем Такла-Макан. Она уверяет, что получит замечательную пшеницу. Расти без воды это «чудесное зерно», конечно, не будет, но потребует вдвое меньше влаги, чем другие сорта пшеницы.

Витя только грустно покачивает головой: он думает, что Люба его утешает.

Но я уверен, что его труды не пропали даром. Ведь как-никак он привез более пятисот образцов пшеницы!

Второй претендент на Витины зерна — это председатель колхоза «Новая жизнь» (колхоз появился на свет в наше отсутствие) — тот самый Клим, о котором я вам рассказывал еще в Самарканде. Мне оттого тогда припомнился Клим, что уж очень у него много сходного с Алтун-Башиком, который так упорно возился с новым сортом хлопка и, наконец, привез в город свой первый урожай!

Ручаюсь, что сейчас, — за тысячи километров отсюда, — Алтун-Башик, как и Клим, организует колхоз!

Теперь он готовится в вуз. Люба тоже поедет учиться в Сельскохозяйственную академию.

А я? Я тоже, конечно.

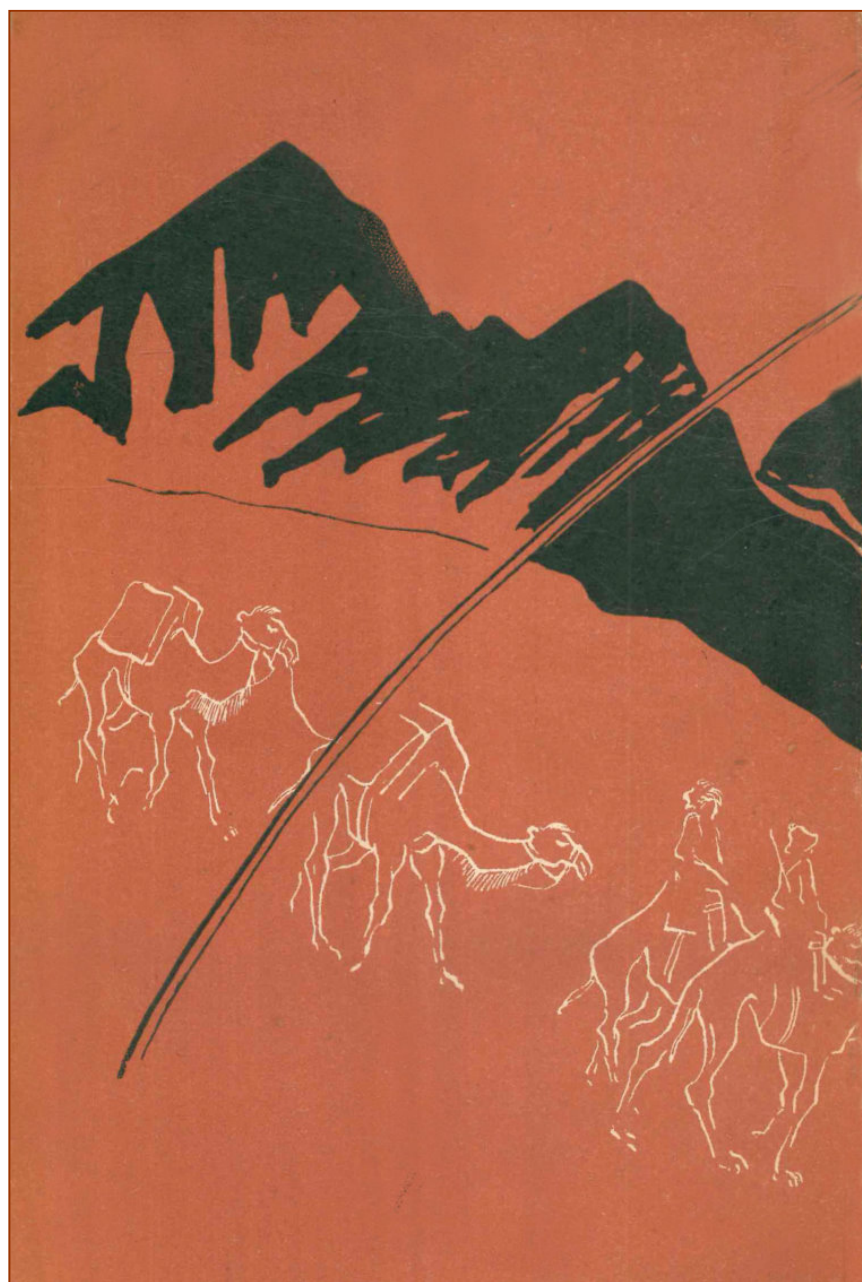
Халим, пока мы занимаемся, ходит тихонько от одного к другому и поглаживает нас своей единственной рукой. Он немножко грустит: не хочется ему опять разлучаться с

нами. Он очень похудел за это время и редко рассказывает сказки.

Зато он заставляет нас без конца пересказывать о наших приключениях.

И мы рассказываем. Ведь если бы не Халим, не было бы и наших приключений...»

Приложение

ВОЛШЕБСТВО ДОМИНИКО ЛИМОДЖЕЛИ

Рис. И. Ец

Глубокоуважаемый мистер Сэведж!

Четыреста лет назад в Испании, в одной из провинций, название которой я сообщу, когда сочту это нужным, произошли некоторые события. От вас, уважаемый мистер Сэведж, зависит, чтобы самая тень этих событий исчезла, рассеялась, как дым. Однако может случиться, что тень эта, покинув берега Испании, пересечет океан и омрачит прекрасную землю, на которой теперь живете вы и которую Христофор Колумб принял за Индию.

Вы мне простите, если я буду излагать события такими, какими вижу их я, когда закрываю глаза. Три года назад я мечтал о карьере писателя или журналиста. Господь указал мне более верный путь к вечному спасению... Но сейчас мне хочется испробовать свое перо, как некогда мои предки пробовали давно не вынимавшуюся из ножен шпагу. Становитесь в позицию, мистер Сэведж. Выпад! Готовьтесь в защите!

Бесшумные молнии терзали раскаленный горизонт. Сквозной их блеск отражался в реке и бегущая на юг вода переливалась, как сизое голубиное горло. Зной поднимался вверх — к неподвижным звездам. Воздух был горек от дыма: вторые сутки горел лес на горных склонах.

Никто не знал, отчего начался пожар, — от неосторожности угольщиков, выжигавших свой уголь в лесу, или от потушенного костра, разложенного деревенским пастухом, или от злого умысла какого-нибудь дерзкого бродяги, истрепавшего не одну пару грубых башмаков о дороги обеих Испаний.

Приор монастыря св. Имогены отец Паскуалэ, перебирая четки, смотрел в окно на реку и подымающийся дым пожараща.

— Ave Maria grazia... — Янтарный шарик скользнул по шелковому шнуру.

Ave Maria... Еще один шарик выскользнул из-под жир-

ных пальцев.

— О, чтоб вам всем подавиться! — И очередное янтарное зерно стукнулось в четках.

Отец Паскуалэ отбросил четки, взял со стола тщательно очиненное гусиное перо и, подавив клокотавшую в нем злобу, стал выводить строку за строкой.

«Припадая к ногам вашего преосвященства, доношу о том, что сгорела одна десятая всего нашего леса, и хотя ничто не совершается без соизволения господа бога нашего, я сильно подозреваю, что дело не обошлось без злонамеренных человеческих рук, ибо крестьяне окружающих сел вместо того, чтобы принять с благоговением ниспосланное свыше испытание — засуху и неурожай, выражают крайнее недовольство. Боюсь, что они стоят на той грани, за которой уже начинается бунт против властей и еретическое неповиновение матери — нашей церкви. Проезжая сегодня утром через близлежащую деревню, я слышал поношение владельцев этой земли, то есть хулу и нашего бедного монастыря, а также и особы вашего преосвященства».

Отец Паскуалэ писал с усилием, склонив голову на-бок и прикусив кончик языка. Пламя масляной лампы вытягивалось восклицательным знаком и огромная тень приора расплзалась на беленой стене. За дверью раздалось осторожное царапанье. Чей-то голос пробормотал: «во имя отца и сына...» Вошла группа монахов.

Уже не первый день у приора говорили все об одном и том же: о неурожаях, о недовольстве крестьян, о тех мерах, которые было необходимо предпринять в срочном порядке. Брат Алонзо предложил служить молебны о ниспослании дождя. Брат Жуан, качая головой, возражал, что мало служить молебны, ибо в засухе несомненно повинны дьявольские силы и для полной победы над ними нужно сжечь какого-нибудь колдуна. Наконец тощий и старый брат Варфоломей шамкающим голосом предложил открыть монастырские амбары и начать выдачу зерна.

В конце концов вняли всем советам. Молебны могли начаться с завтрашнего дня. Можно было также начать процесс против старой Долорес, лечившей крестьянских коров

и овец. Решено было открыть, — разумеется не слишком широко, — двери амбаров и раздать недовольным горланам зерно. В благодарность за это одна из деревень должна была пожертвовать хозяйке монастыря — св. Имогене заливной луг. Другие деревни должны были отрабатывать ссуду в течение 37 лет, трудясь на монастырских угодьях в кануны праздников. Тридцать семь лет было назначено по числу лет земного жития св. Имогены.

«Ваше высокопреосвященство, — с почтительной шуткой обращался к архиепископу отец Паскуалэ, делая на следующий день приписку к начатому письму, — я скорблю о том, что наша святая не жила, подобно Мафусаилу, 900 лет. Но, объяви мы сейчас крестьянам о столь долгом сроке, наши скудные запасы зерна были бы попросту разграблены. А за 37 лет наш договор сам собой из привычки превратится в священный обычай».

Докладывая обо всем происходившем, приор однако очень туманно намекнул об одном предложении, внесенном после общего собрания мудрым и молчаливым братом Иаковом. Оставшись наедине с приором, брат Иаков напомнил ему о том, как несколько месяцев назад некий Доминико Лимоджелли, по прозвищу *el forastero*, вычистил в монастырской церкви старые медные решетки так, что они засияли, словно сделанные из червонного золота. Лимоджелли не употреблял при этом ни песка, ни кирпича. Он слегка смазывал металл какой-то жидкостью и затем выставлял его на солнце. Под яркими лучами металл начинал блестеть, как само солнце.

— Правда, жидкость обжигала пальцы, но я полагаю, что ни я, ни ты, отец мой, не откажемся пожертвовать своими руками для славы обители, — говорил Иаков. — Распятие у входа сделано из меди. Оно старше нашего монастыря, оно темно и печально. Отец мой, во имя бога превратим печаль в торжество.

Из уважения к вашему рабочему дню, мистер Сэведж, я выпускаю красочные подробности (раздача зерна, золотой блеск распятия и громогласящая возле него толпа, нестройно и радостно ревущую латинские молитвы, заглушая вопли монашеского хора).

В мои обязанности не входит посвящать вас в то, каким образом брату Иакову удалось раздобыть нужную ему кислоту. Достаточно указать, что кислоту он получил без ведома Доминико Лимоджелли. Я не только не ставлю этого ему в вину, но и всячески восхваляю отца Иакова за его поступок, потому что совершенно излишним было бы посвящать молодого и легкомысленного человека в мелочи церковных будней. Я обращаю ваше внимание только на одну мелочь. Причина того, что Доминико Лимоджелли не заметил убыли кислоты, была очень проста: банка, еще на три четверти полная кислотой, упала с полки и разбилась вдребезги о стоявший внизу ящик. При таких условиях трудно было заметить исчезновение небольшого количества снадобья.

Все содержимое ящика было залито едкой жидкостью. Вернувшись с работы Доминико (он в этот день был вызван к приору) оставалось обвинить в беспорядке хозяйскую кошку, вечно рыскавшую по столам и полкам в поисках съестного. Вырутав хозяйку и вышвырнув кошку на улицу, Доминико стал вынимать из ящика пострадавшие вещи. Погибли его праздничные штаны, испортились кисти и краски. Это не особенно расстраивало Доминико. Гораздо большее огорчение доставила ему гибель пакета с семенами, насквозь промоченного кислотой.

Доминико Лимоджелли не был местным уроженцем. Об этом свидетельствует его прозвище *el forastero*, т. е. чужеземец. Полгода назад он впервые постучался в ворота монастыря св. Имогены. Его впустили и, так как он не гнался за высокой платой, дали работу.

Молодой человек не рассчитывал оставаться на новом месте более пяти или шести дней, но на следующее утро, гуляя в лесу, он встретил собиравшую хворост девушку — и остался.

Свою юность Лимоджелли провел бродяжничая. Он исколесил дороги от Венеции до Неаполя, от Милана до Пиринеев и дальше от Кадикса до Болоньи.

Он был одним из тех бродяг, которые нарушают старые, извечные границы и переносят из своей страны в чужую рабочие навыки, а вместе с ними песни, шутки и сказки. В любой стране они охотно принимают участие в любом восстании против тех, кто обладает богатством и властью. Таков был Доминико Лимоджелли. Если он и не поджигал вместе с крестьянами монастырских лесов, то он охотно укрывал бы у себя поджигателей. Его речи звучали призывом для каждого восстающего против церкви и богачей.

Определенной профессии у Доминико Лимоджелли не было. Он умел паять и лудить, рисовать и резать по металлу и дереву, выводить пятна на материях, чинить замки, семью разными способами складывать печи и готовить различные кислоты. Иногда он придумывал новые составы, прожигал ими одежду, столы и свои пальцы. Если ожоги были слишком сильны, он бросал свои опыты, но неудачи не смущали его, — ему гораздо больше доставляла огорчений неподвижная жизнь в глухой деревушке.

Доминико уговаривал Имогену покинуть вместе с ним деревню, но девушку пугала неизвестность. В ответ на все доводы и убеждения Имогена только качала головой. Нет, она не покинет своей родины. Она слышала, что в чужих странах живут одни язычники. Ее отец стар и нищ, он в долгу и перед мельником, и перед монастырем, и перед толстым Марчелло. Вот если бы расплатиться с долгами, обеспечить отца... Быть может Доминико оставит свои бредни и начнет обрабатывать землю? Но Доминико с ужасом думал об этом. Месяцами обрабатывать землю, ждать урожая, дрожать перед каждой грозовой тучей, перед каждым знойным днем? Нет, на это он не был согласен.

Если нельзя заставить землю быть более щедрой к своим детям, то лучше покинуть насиженное место и итти бродяжничать. Ведь кроме земледельцев людям нужны и ремесленники и художники. И бедный итальянец хватался за свои инструменты, словно они могли убедить Имогену в его правоте.

Но Имогена не сдавалась. Она делала все возможное для того, чтобы помочь отцу: собирала для продажи лесные ягоды, помогала угольщикам обжигать уголь, вышивала, стирала. Наконец она решила развести в своем огороде лекарственных травы.

Должен вам сказать, мистер Сэведж, что в те времена сады отличались малым изяществом. Немного овощей, несколько плодовых деревьев да сорная трава — вот вся садовая растительность. Только в монастырских садах разводили еще лекарственные растения. И вот Имогена, собрав с большим трудом деньги, поручила Доминико купить в городе семена лекарственных трав.

Проклятая кошка! Из-за нее Имогена будет дуться чорт знает сколько времени! Но в конце концов разве нельзя свалить неудачу с лекарственными растениями на погоду, или мало ли на что еще. Наконец может быть семена не погибли...

Доминико принес из колодца воды, налил полный таз и тщательно несколько раз подряд промыл семена. Затем рассыпал их на горячем от солнца подоконнике и, пожав с безнадежным видом плечами, стал ожидать, пока они просохнут. Высушенные семена он отнес Имогене. Имогена посадила их в огороде между грядками чеснока и моркови и полила колодезной водой. Но вода в колодце высохла от зноя и девушке не приходилось часто поливать свой сад. Доминико радовался этому: гибель посева можно было свалить на засуху.

Однако, когда он через короткий промежуток времени зашел взглянуть на огород, он увидел, что недавно засеянные грядки покрыты пышной зеленью. Прошло еще несколько дней. На грядках вспыхнул яркий узор цветов. Их было такое множество, что зелени почти не было видно.

Какая-то неведомая сила выгоняла все новые и новые бутоны. Бутоны раскрывались и пчелы и бабочки, как обезумевшие, кружились над ними.

— Должно быть вода из нашего колодца волшебная, погляди, как быстро растут травы, какие они высокие и сколько на них цветов! — улыбалась Имогена.

При ее словах перед глазами Доминико встало воспоминание о том, как он обмывал потемневшие от раствора кислоты зерна.

Не даром Лимоджелли исколесил столько стран и городов. Не даром он видел, что в разных странах люди по-разному работают, — его не смущала необычайная новизна напрашивающегося открытия. С запасом различных семян и дюжиной цветочных горшков Доминико заперся в своей мастерской. Имогена несколько раз стучалась в закрытую дверь, но Доминико не отзывался. Деревенские мальчишки заглядывали в окно, но увидели только цветочные горшки на подоконнике. Сам Доминико Лимоджелли, сидя у стола, размешивал какие-то снадобья и грозился нарвать уши чересчур любопытным ребятам.

Когда наконец он пришел к Имогене, девушка даже не успела рассердиться: Доминико взял ее за руку и коротко сказал, что согласен пахать землю до тех пор, пока эта старая скупая земля не заплатит все долги старого Хозе.

— Имогена, земля не только заплатит все ваши долги,— она сделает наш край богатейшим в мире. — И он рассказал девушке все, что знал сам.

Осень баюкала землю ночными теплыми дождями. Дни были полны еще горячим солнечным светом. Толстый скот отъедался на зеленевшей траве. Но недовольство крестьян не уменьшалось. Урожай всего года уже погиб. Зима была близко и вновь посеянное зерно не могло бы созреть до наступления холодов.

И вот на рассвете, когда дальние горы еще лежали в розовом тумане, Доминико Лимоджелли вышел на крохотное поле старого Хозе. Доминико щедрой рукой разбрасывал зерно, взятое в монастыре, по взрыхленной накануне земле. Позади плелся старый Хозе. Он то крестился, призывая святую Имогену благословить своих детей, то отчаянно ругался, хватаясь за голову при виде каждой взлетающей в воздух горсти зерна.

— Итальянец сошел с ума! — восклицали соседи. — Через месяц ветер с гор выморозит весь посев.

Доминико шагал по полю, не слушая ничего. Хозе хныкал попрежнему. Он раскаивался в том, что позволил этому сумасшедшему уговорить себя. Имогена упрямо поджимала губы, слушая насмешки подруг. Зерно ложилось в землю.

И вот, мистер Сэведж, — это зерно, вымокшее в жидкости, приготовленной Доминико Лимоджелли, дало ростки.

Было полнолуние. Доминико выходил по ночам в поле. Ему казалось, что зеленые стебли карабкаются из земли у него на глазах. С каждым рассветом все выше и гуще поднимался посев. Это был лихорадочный рост, бурное цве-

тение, неудержимое созревание. Когда же на горную гряду упали тяжелые клубы зимних туч, в долине на клочке тощей и жалкой земли стебель к стеблю столпились тяжелые желтые колосья.

Слух о чуде разнесся по окрестным деревням. Разумеется, это чудо могло послужить для славы монастыря, потому что зерно, посеянное на земле старого Хозе, было взято в долг у монастыря св. Имогены, и немудрено, если бы святая совершила чудо.

Но история повернулась иначе.

Отец Паскуалэ был полон кротости и благожелательности в тот день, когда позвал к себе Доминико Лимоджелли.

По выбеленным коридорам монастыря шла торжественная и радостная суета. Иные из монахов полагали, что через несколько дней в монастырь хлынут толпы богомольцев, и готовили ладанки с пшеничными зернами. Ладанки эти в ближайшем будущем должны были чудесным образом умножать урожай. Другие монахи приготавливали комнаты для наиболее уважаемых посетителей. Третьи рисовали и лепили те маленькие изображения святых, которые так быстро расходятся среди богомольцев.

Однако некоторые из братьев покачивали головами, так как до них дошли смутные, передаваемые из уст в уста сведения. Эти сведения распространялись теми бедняками, которым в течение всего времени Доминико Лимоджелли паял и починял их убогую посуду и с которыми охотно пускался в разговоры.

Доминико Лимоджелли сам подтвердил перед лицом приора то, о чем другие шептались по углам. Доминико утверждал, что святая Имогена была решительно не при чем в истории необыкновенного урожая. По словам итальянца, зерна выросли в такой чудесно короткий срок и дали столь богатый урожай только благодаря тому, что полежали несколько часов в жидкости, которую Доминико изобрел для чистки металлических предметов. Итальянец утверждал, что свое открытие он проверил на участке старого Хозе и теперь может каждому дать подробное и точное наставление, что нужно делать, чтобы за лето снимать три и даже четыре урожая.

Доминико Лимоджелли утверждал, что, обладая столь чудесными зернами, не нужно будет бояться ни засухи, ни нужды, ни даже самого господ бога. Впрочем последние слова я нашел только в четвертом протоколе, подписанном Доминико Лимоджелли по прозвищу *el forastero*.

В первых трех протоколах этих слов не было, ибо отец Паскуалэ по своей доброте применил пытку только во время четвертого допроса, убедившись в дьявольском упорстве итальянца. До пытки Лимоджелли категорически отрицал всякие сношения с дьяволом, как отрицал и то, что выросший хлеб был напоен отравой.

Как видите, мистер Сэведж, история с чудесным урожаем закончилась совсем не так, как думал Доминико Лимоджелли.

Из многих документов видно, что приор долго колебался прежде чем подвергнуть Доминико Лимоджелли пытке. С одной стороны, его пугало зерно, вырывавшееся из земли с подозрительной торопливостью. С другой — соблазняла возможность благодаря этому зерну стать настоятелем богатейшего во всей Испании монастыря. Разве не мог отец Паскуалэ засеять все обширные монастырские земли и четыре раза в год собирать обильнейшие жатвы? Разве не могли грезиться приору корабли, груженные зерном и отплывающие торговать им в чужие страны?

Но 400 лет назад эта трудная задача была решена так же, как, разумеется, и теперь решите вы ее, мистер Сэведж.

«Бог вразумил брата Иакова, — писал отец Паскуалэ, передавая архиепископу подробности законченного процесса. — С чудесной проницательностью Иаков разъяснил, что обильные и частые урожаи для нашей обители вовсе не обозначают довольства и славы. Ибо монастырю в десять раз выгоднее по высоким ценам распродавать во время неурожая наши хлебные запасы. Итак, брат Иаков в точности растолковал нам то, что мы должны были сами знать. Я ужаснулся, думая, что благодаря хитрости человеческой каждое сквернее поле и каждый бесплодный кусок земли могли бы приносить такое количество пшеницы, что нашему монастырю пришлось бы раз навсегда прикрыть все кладовые и амбары, из которых в голодные годы кормятся бедняки. Кто, снимая по четыре урожая в год, захочет брать зерно у св. Имогены? Легким, слишком легким станет человеческий труд. И слишком много свободного времени останется у человека для ненужных размышлений и сомнений. В поте лица своего должен добывать человек свой хлеб. И я на эти слова сочинил проповедь для толпы, провожавшей на костер колдуна Доминико Лимоджелли.

Доминико Лимоджелли умер крича и богохульствуя. Многие видели, как с последним дыханием из его нечестивого рта выскользнул дьявол. Разумеется, заколдованное

поле было сожжено, также как и сам Доминико Лимоджелли».

Старый Хозе с тупой покорностью смотрел, как вспыхнула золотая стена колосьев. В воздухе запахло горьким ароматом обожженных, лопающихся зерен. Монахи с пением молитв ходили возле пламени.

Быть может Имогена в это время лежала неподвижно на земле, быть может она билась в руках подруг, пытаясь сгореть вместе с наследием Доминико. В тех архивах, которые я разбираю, мне до сих пор вообще не попадалось никаких сведений о дальнейшей судьбе Имогены. Зато я точно знаю, что в час, когда сжигали итальянца, на горном склоне сразу в трех или четырех местах вспыхнул монастырский лес. К великому соблазну местных жителей, поджигатели остались непойманными.

С этого времени слухи об опытах итальянца приобрели характер совершенно фантастический. Крестьяне травили семена всеми известными и самодельными снадобьями и пытались сеять отравленные зерна, хотя снег уже покрывал землю. Можно было подумать, что новая ересь готовилась вцепиться в святое тело нашей церкви. Поэтому нужно было дать толпе новые впечатления и во что бы то ни стало

заставить ее забыть все слова, когда-либо сказанные Лимоджелли.

Для этого святейшая инквизиция принимала свои меры.

Еретики и те, кто пробовал сеять отравленное зерно, корчились в объятиях костров. В монастыре были устроены празднества в честь 25 наиболее почитаемых святых. Во время празднеств раздавалось вино и освященные архиепископом подарки. А весной по молитве отца Паскуалэ в монастырском саду забил источник и восхищенные чудом богомольцы сходились к нему, чтобы наполнить фляжки святой водой.

Память о Доминико Лимоджелли тускнела, стиралась, исчезала.

Люди с привычным усердием впрягались в тяжкую, неблагодарную работу. Монастырь св. Имогены снова приоткрыл туго набитые амбары и тысячи рук протянулись к монастырскому зерну. И монастырь св. Имогены богател.

Богател, как богатеете вы, мистер Сэведж, в те годы, когда люди в поисках хлеба обращаются к вам, собравшему в свои склады все урожаи жирных годов. Я знаю, мистер Сэведж, что Вы покупаете у фермеров еще не родившийся хлеб. Это обходится дорого, но приносит бешеную прибыль.

Но что будет, если у каждого самого захудалого фермера, у самого жалкого крестьянина в течение каждого лета начнут один за другим громоздиться по три или четыре урожая?

Хватит ли у вас миллионов, чтобы закупать на корню весь этот поток хлеба и выдерживать его до неурожайного года?

А если неурожайных годов не будет, тогда что, мистер Сэведж?

Уверенность в правильности моего рассказа подтверждается кратким, но совершенно изумительным рецептом снадобья, созданного и потерянного 400 лет назад.

Я полагаю, что, проверив на опыте (как это сделал я) действие воскрешенного мною дьявольского средства, вы не откажете себе в удовольствии похоронить его вторично.

Вы это делаете.

В тиши монастырских келий, в клубах ладана и среди пергаментных свитков я слежу за тем миром, который поручен нашей церкви.

Я знаю, что вот уже третий год вы искусственно повышаете цены на зерно, предпочитая топить им паровозы или пароходы, но только не выпускать его на рынок по пониженным ценам.

Трагическая засуха этого года сослужила вам хорошую службу: цена на каждый бушель пшеницы взлетела вверх и вся золотая разница потекла в ваши карманы. Этого не случится больше, если средство Доминико Лимоджелли станет известным.

Мистер Сэведж, сотни ученых в своих лабораториях упорно, шаг за шагом вторгаются в тайны природы. Наука не только познает природу, она изменяет ее. Между прочим ученые химики проделывают разнообразные опыты по воздействию на семена самых различных химических веществ. Результатом такого воздействия оказываются удивительнейшие явления досрочного прорастания, буйного роста и высокого, а в некоторых случаях исключительно высокого поднятия урожайности этих растений.

Особенно интересны опыты ученых над непосредственным воздействием химических веществ на семена перед посевом. Наибольших успехов в этом достигли советские ученые. Это неприятно для меня, мистер Сэведж, но что делать, — нужно признавать факты, чтобы бороться с ними.

Советский ученый Попов открыл, что семена трав, положенные на короткий срок в раствор стасфуртской соли, нагретой до 50° Цельсия, и затем посеянные в землю, показали необычайно бурное прорастание и дальнейший рост, не ослабевавший до конца. После многих опытов с различными возбудителями Попов добился того, что некоторые семена росли в два раза скорее чем обычно и давали в два раза более мощный урожай. Но, мистер Сэведж, пока это только лабораторные опыты. Они могут длиться еще годы. Десятки лет быть может... (хотя большевики не любят медлить).

Средство Доминико Лимоджелли в моих руках, я проверил его с величайшей тщательностью. На моем столе лежит мешочек с недавно собранным зерном. Оно вдвое больше обычного. Я пробовал превратить его в муку, и хлеб, полученный из этой муки, был прекрасен. Зерно созрело почти в четыре раза скорее обычного.

Может быть вы не доверяете мне, мистер Сэведж? Вы спросите, почему я не отдаю мой секрет какому-нибудь химическому тресту, который заплатит мне тот же миллион, что должны заплатить вы? (А вы мне дадите этот миллион, уверяю вас!)

Я не предлагал никому этого средства и я сделаю это только в случае вашего отказа, сделаю с неудовольствием. Мне не нравятся фабрики. Я не хочу увеличивать их количество. В них есть что-то тревожное. Каждая новая фабрика — новая тысяча рабочих. Новая тысяча рабочих... Я предпочитаю людей, тихо корпящих на земле, политой их потом, и каждый момент чувствующих свою зависимость от слепых сил природы. Зависимость эта не позволяет им размышлять.

Если вы не пойдете мне навстречу то мы увидим, как вырастет новый десяток фабрик, которые зальют ваши поля от Тихого до Атлантического океана дьявольским снабьем Доминико Лимоджелли. И ночью огненные колеса реклам будут кричать об этом снабье, а днем страницы газет будут говорить о том же. Но на одной из страниц между воплями реклам будет известие о том, что цена на пшеницу падает. Устраивает ли вас эта перспектива, уважаемый мистер Сэведж?

Скорее уплатите мне миллион долларов, спрячьте хорошенько рецепт Доминико, Лимоджелли, а затем года через два или три ликвидируйте свои хлебные запасы, переходите на другую специальность. Я советую это потому, что в Советской России скоро найдут верное и простое средство для стимулирования роста хлебных злаков...

Об авторе

«З. Валентин» – псевдоним советского фантаста и автора книг для детей, работавшего в 1920-х гг. Настоящее имя писателя или писательницы остается неустановленным. После 1930 г. следы «З. Валентина» теряются.

Помимо вошедших в книгу фантастических произведений, под именем «З. Валентин» были изданы книги: «Приключения пионера Пети: [Стихи для детей]» (М.-Л.-Ново-Николаевск, 1924), «Негритенок Туа: Сказка из цикла приключений пионеров» (М.-Л., 1925), «...Чайник на огне: [Стихи]» (М., 1928).

Включенные в книгу произведения печатаются без изменений (за исключением правки очевидных опечаток) по первоизданиям:

За чудесным зерном: Повесть. Рис. В. Бехтеева. М.-Л., Государственное изд-во, 1930.

Волшебство Доминико Лимоджелли: Рассказ. Рис. И. Ец // Вокруг света (Ленинград). 1930. № 32. С. 21 (716)-24 (718).

Оглавление

За чудесным зерном	5
<i>Приложение</i>	
Волшебство Доминико Лимоджелли	185
Об авторе	201

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.